

Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский север

XX век. События и личности.

Страна родной книги
Сургутской государственной
библиотеки. А.С. Рудник
с пожеланием
прочитать и узнать
историю Сургутских
библиотек уже в
XXI веке.

Успехов!

3.06.2002.

г. Сургут

А. Рудник

*«Любовь к родному краю, знание его
истории — основа, на которой только и
может осуществляться рост духовной
культуры всего общества.*

*Культура, как растение: у нее не
только ветви, но и корни. Чрезвычайно
важно, чтобы рост начинался с
корней...»*

*Дмитрий Лихачев,
выдающийся русский академик XX столетия*

***К 70-летию со дня основания
в Ханты-Мансийском автономном
округе Тюменской области
в г.Ханты-Мансийске первого
краеведческого музея, ныне —
Государственного музея Природы
и Человека.***

ТАКОЙ ДАЛЕКИЙ И ТАКОЙ БЛИЗКИЙ ОБЬ-ИРТЫШСКИЙ СЕВЕР

Историко-краеведческий сборник

ЭБС 4 ССББ

МУК ЧБС

г. СУРГУТ

КР

***г. Ханты-Мансийск
Государственный музей
Природы и Человека***

***г. Сургут
Северо-Сибирское региональное
книжное издательство***

2002 г.

9000514987

ББК
П76.12.83.3(0)6
П48

Серия «XX век. События и личности»

*Издание осуществлено по заказу
Государственного музея Природы и Человека
Департамента культуры и искусства
Ханты-Мансийского автономного округа*

Редактор-составитель
Л. В. Цареградская

П48«Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский север»
Историко-краеведческий сборник (Редактор-составитель
Л.В.Цареградская). Сургут, Северо-Сибирское региональное
книжное издательство, 2002 год, 256 стр.

Историко-краеведческий публицистический сборник «Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский север» объединил воедино материалы по истории древней Югорской земли, собранные исследователями Г.А.Пирожниковым, бывшим уездным исправником, Ф.Я.Показаньевым, известным краеведом, писателем, Л.В.Цареградской, журналистом.

Данное издание предназначается широкому кругу читателей.

© Государственный музей
Природы и Человека, 2002г.
© Л.В. Цареградская,
составление, 2002г.

ISBN 5-8260-132-1

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА ВСЕГО ДОРОЖЕ

Время неумолимо вносит достаточно глубокие коррективы в понимание нашего прошлого, каким бы далеким оно ни было. И понятно почему каждое новое поколение стремится найти ключ к объяснению настоящего и будущего через возвращение к истокам, корням, к исторической правде.

Многие краеведы Ханты-Мансийского автономного округа в последнее время всерьез занимаются исследованиями в области сохранения преемственности в сфере управления и организации местной власти. Возродились старое понятие «губерния» и должность губернаторов, которая соединяла и соединяет в себе высшую исполнительскую и административно-хозяйственную функции власти на данной территории. Изменяется в целом представление о чиновниках начала XX века, ставших для нас добрыми или злыми символами эпохи.

Повторюсь, времена меняются. Но вот проблема «человек во власти» остается и, зная прошлое, мы лучше понимаем настоящее.

Представления сургутского уездного исправника Григория Александровича Пирожникова в данной книге — это своего рода реабилитация подвижников, отдавших свою жизнь служению Отечеству. Собранный им фактический материал и оставленные архивные документы опровергают литературные измышления известных русских писателей XIX и начала XX веков о личности царских чиновников, которым доверялось управление огромными территориями России.

Собственно, их власть была безгранична, и от их значимости, личностных человеческих качеств зависели судьбы целого поколения. Только на основании первоисточников, конкретных документов, экспонатов мы сможем сегодня доказать молодому поколению, насколько цельными и просвещенными, порядочными людьми были ставленники Его Величества русского императора в российской глубинке.

Главное достоинство данного издания — историческая правда об уездном исправнике через раскрытие его внутреннего мира.

Второй важный момент состоит в том, что эпоха начала XX столетия в нашем регионе представлена в печати пока недостаточно. Этому есть объяснение — главной темой для ученых, краеведов в годы советской власти, естественно, была история нового пролетарского государства, а не конкретные личности.

Сегодня, благодаря таким вот талантливым краеведам, как Г.А. Пирожников и Ф.Я. Показаньев, можно узнать много нового. Официальные документы, письма, записки, рукописи — все это представлено в данном издании. Они помогут понять истину при принятии важных решений во времена императорского правления на местах, настроения и нравы чиновников, отношение местной интеллигенции к власти и конкретному губернатору, исправнику, старосте, уряднику.

Да, даже в самых смелых мечтаниях представители царской власти в Тобольской губернии не могли предсказать, что настолько преобразится наш край к концу XX столетия. Для нынешнего руководства нашего округа масштабы деятельности, естественно, иные, и это уже другая история, другая книга. Однако нельзя забывать, что сегодня претворяются в жизнь многие мечты и помыслы людей из далекого прошлого и так важно понять их, почувствовать дух того времени.

*Людмила Степанова,
директор
Государственного музея
Природы и Человека
г.Ханты-Мансийск.
Декабрь 2001 г.*

НАСЛЕДИЕ ИМЕНИТЫХ СУРГУТЯН

Григорий Александрович Пирожников. Флегонт Яковлевич Показаньев. Они такие разные — сургутский уездный исправник начала двадцатого столетия и известный краевед, общественный деятель, писатель, который жил в Сургуте во вторую половину ушедшего века.

Роднит их огромная любовь к России и россиянам, преданность делу и удивительная работоспособность. И Пирожников, и Показаньев знали, во имя чего они живут и трудятся, их активная общественная деятельность на благо народа служит примером для подражания. Потому имена этих именитых сургутян навсегда сохранит история XX века.

Мне посчастливилось лично знать и, главное, сотрудничать на краеведческом поприще с Флегонтом Яковлевичем Показаньевым. Горжусь, что имею право называть его своим учителем и наставником и думаю, что без его пристального внимания к творческим поискам коллектива издательства, нам не удалось бы осуществить многие проекты.

Благодаря усилиям Ф.Я.Показаньева в Сургуте появился в 1963 году краеведческий музей. Флегонт Яковлевич стоял у истоков создания городской организации ветеранов войны и труда, собрал полный список погибших в годы войны сургутян.

Работа над архивом Г.А.Пирожникова для Флегонта Яковлевича была достаточно сложной. Во-первых, нужно было систематизировать разрозненные записки человека, который никогда профессионально не занимался ни исследованиями, ни литературным трудом. Считаю, что никому не удалось бы выполнить эту миссию столь успешно.

Во-вторых, необходимо было тщательно проверить факты, цифры, фамилии, встречающиеся в «Записках...», сопоставляя их с официальными архивными данными. И последнее, — важно было выбрать форму повествования, которая увлекла бы читателя.

Когда Показаньев впервые принес рукопись в наше издательство, меня поразил объем выполненной им работы. Ему тогда было уже за семьдесят, здоровье пошаливало.

— Я должен издать эту книгу ради светлой памяти замечательного человека, — тихо произнес Флегонт Яковлевич. — Столько лет и он, и я собирали архивные материалы по истории края.

Признаюсь, запали в душу эти слова. Ему не нужны были гонорары, литературная слава, почести, он спешил «писать историю города», вполне обоснованно сознавая, что в ближайшие годы вряд ли кто-то другой сделает это лучше.

Флегонт Яковлевич был уверен, что имя и деяния исправника Сургутского уезда Григория Александровича Пирожникова обязательно должны быть известны новому поколению сургутян.

Была еще одна мечта у Ф.Я.Показаньева — поставить достойный памятник на могиле уважаемого земляка, который был похож на Широкореченском кладбище в Екатеринбурге.

К сожалению, эти мечты не сбылись при жизни Флегонта Яковлевича, хотя за две недели до его смерти, в феврале 1996 года, книга «Записки уездного исправника» была готова к изданию. Дело оставалось за малым — найти средства на типографские услуги и бумагу. Наше издательство к этому времени испытывало серьезные финансовые трудности и не могло самостоятельно, без финансовой поддержки издать книгу.

Только в середине 1999 года после многочисленных обращений в разные инстанции на заседании общественной редакционной комиссии при администрации Сургута было принято решение о выделении бюджетных средств на литературную обработку и создание оригинал-макета книги «Записки уездного исправника» под редакцией Ф.Я.Показаньева.

Творческий коллектив издательства, который работал над книгой, все гонорары за свой труд передал на установку памятника на могиле Г.А.Пирожникова в Екатеринбурге. Октябрь 2000 года стал для нас памятным — мы осуществили мечту Ф.Я.Показаньева, отдав дань уважения творческому наследию этого человека и памяти Г.А.Пирожникова.

А в декабре 2001 года, благодаря руководителям учреждений культуры округа, поддержавшим наше издательство, председателю департамента культуры и искусства Ханты-Мансийского автономного округа А.В.Коневу, заместителю мэра Сургута Я.С.Черняку и директору Государственного музея Природы и Человека Л.В.Степановой, вышла в свет книга «Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский север».

*Лилия Цареградская,
директор Северо-Сибирского
регионального книжного издательства,
г. Сургут.*

*ГРИГОРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ПИРОЖНИКОВ*

*Записки уездного
исправника*

*Почетный гражданин Сургута,
известный краевед, писатель,
общественный деятель
Флегонт Яковлевич Показаньев,
редактор-составитель книги
«Записки уездного исправника».*

*Идея создания этой книги
принадлежит дочери Г.А.Пирожникова
М.Г.Юминой и Ф.Я.Показаньеву.*

ПО СТРАНИЦАМ АРХИВА ПИРОЖНИКОВА

Оценка личности Григория Александровича Пирожникова, сургутского уездного исправника, представителя государственной власти в уезде от министерства внутренних дел Российской империи давалась однозначно: либеральный чиновник, но не просто попустительствующий вольнодумию, а как практический деловой человек, проявляющий заботу о нуждах населения и инициативу в интересах развития края.

Я захотел встретиться с ним, когда серьезно начал заниматься историей Сургута. Узнал адрес в Свердловске, где в это время жила семья Пирожниковых. Завязалась переписка. Но, к сожалению, встреча с Г.А.Пирожниковым так и не состоялась: в октябре 1963 года он умер и был похоронен в Свердловске.

Я продолжил переписку с его младшей дочерью, которая жила в Свердловске, Марией Григорьевной Юминой. Она передала мне сохранившиеся в семье некоторые документы, черновые наброски рапортов, донесений, ходатайств, просьб и рукопись отца «Обь-Иртышский север».

Материалы Пирожникова проливают свет на его незаурядную личность, характеризуют как государственного и общественного деятеля, способствующего развитию образования и науки, торговли и промыслов, поддерживающего связь с учебными и научными учреждениями Томска, Тобольска, Омска, Архангельска, даже Парижа.

Г.А.Пирожников родился 4 августа 1869 года в слободе Устьница Тюменского уезда Тобольской губернии. В Сургуте он служил исправником с 1903 года, сменив на этом посту широко известного в свое время Иринарха Владимировича Евсеева, переведенного в Березовский уезд.

После упразднения должности исправника в 1917 году Пирожников еще два года работал уполномоченным Министерства снабжения и продовольствия по Сургутскому уезду.

К советской власти он относился лояльно. В 1920-22 годах слу-

жил в ревкоме секретарем, членом комитета по труду и продовольственного комитета. Обязанности выполнял добросовестно. По отзывам граждан, бывших политических ссыльных и первых советских работников, характеризуется положительно.

С декабря 1922 года по апрель 1924 года Пирожников служил делопроизводителем Обь-Иртышского госрыбтреста в городе Тюмени.

Однако наибольшее признание и уважение северян он получил будучи исправником в Сургуте в начале XX века. Григорий Александрович был действительным членом Архангельского Общества изучения Русского Севера, членом Тобольского губернского музея. За оказание практической помощи профессору Томского университета С.М.Чугунову и заинтересованность в проведении научных исследований в Сургутском уезде, за коллекцию шкурок и других экспонатов для зоологического кабинета Пирожников имел благодарность лично от ректора Томского университета.

Сохранилось благодарственное письмо Парижского Географического Общества за посылку экспонатов в Париж и оказание помощи французскому ученому и путешественнику Полю Лаббе во время всей работы в Сургутском уезде. Парижское Общество ставило вопрос о награждении Пирожникова французским орденом, который, наверное, затерялся в петербургских канцеляриях.

В бытность исправником Пирожников, в силу своих прав, обязанностей и возможностей, способствовал развитию образования детей инородцев, сселению и оседанию кочевников в приобских деревнях, которых ко времени установления Советской власти в пределах уезда от села Александровского до села Сытомино насчитывалось несколько десятков. Инородцы воспринимали и усваивали русский образ жизни, строили дома, держали лошадей, коров, овец, приобщались к огородничеству.

Для выполнения некоторых заказов по строящимся избам Пирожников заключал договора с иногородними мастерами. Например, 5 апреля 1912 года он заключил соглашение с крестьянином Тюменского уезда Прокопием Васильевичем Аксаринным на поделку пятидесяти оконных рам с вставкой в них стекол и покраской белой краской из материала подрядчика по 90 копеек за раму на сумму 45 рублей.

30 мая 1912 года крестьяне Пермской губернии Осинского уезда Семен Андреевич Мальгин и Евстафий Николаевич Куимов подрядились изготовить из своего материала сто оконных рам с вставкой

стекол и покраской белой масляной краской по цене 60 копеек за раму. Оба соглашения, как было оговорено в обязательствах сторон, «свято и ненарушимо выполнены».

Пирожников на казенный счет содержал школу и несколько учеников ханты в селе Ларьякском, о чем красноречиво говорят документы и многочисленные счета торговцев и портных на продажу и пошив детской одежды для учеников Ларьякской школы.

Пирожников проявлял постоянную заботу и большую настойчивость в развитии средств связи в уезде. В отчете за 1911 год он писал: «В интересах оживления края, подъема торгово-промышленной жизни и приобщения его к культурно-экономическому росту давно уже является необходимость в проведении телеграфа от Самарово до Сургута на протяжении 250 верст».

Далее следует детальное обоснование этой необходимости. В качестве главных аргументов он называет постепенное освобождение инородцев из-под зависимости от местных торговцев в результате возникновения конкуренции, притока нового капитала, привлечения заготовителей из других мест.

Пирожников давал оперативную информацию о промысловой обстановке, о добыче рыбы и пушного зверя, о ценах на местные и привозные товары, настаивал на ускорении открытия в Сургуте казначейства или конторы мелкого кредита, подчеркивал громадную роль телеграфно-телефонной связи в пароходном сообщении, оказании своевременной помощи пароходам, терпящим бедствие на Оби от бурь и мелководья.

Приводятся им такие примеры. У пристани Лямино утонул пароход Плотникова «Ермак» с пассажирами. У Александровской пристани затонул пароход «Дельфин» Западно-Сибирского товарищества, не получив помощи от других пароходов из-за отсутствия связи между пристанями.

Все несчастья Севера Пирожников видел, главным образом, в разобщенности, оторванности от всего остального мира, в отсутствии связи.

Настойчивые хлопоты увенчались успехом. 10 ноября 1913 года телеграфист Шишкин принял первые телеграммы на имя Пирожникова. Из Тюмени: «Приветствую энергичного инициатора прорубленным окном Сургута к свету. Швецов». Из Тобольска: «Сердечно благодарю за память и внимание близких мне северян, радуясь осуществлению их давнишнего желания. Дунин-Горкавич».

13 ноября была получена телеграмма и от бывшего начальника

губернии Николая Гондатти, побывавшего в Сургуте в 1908 году: «Сердечно благодарю Вас, городского старшину, граждан города, представителей ведомств за память и приветы, которые мне дороги.

Радуюсь, что наконец-то наступило давно желанное оживление. Теперь далекая сибирская окраина соединена телеграфом с общей имперской сетью. Уверен, что это послужит развитию города, которому искренне желаю дальнейшего процветания. Почетный гражданин Гондатти».

Пирожников заботился о развитии здравоохранения, боролся с пьянством среди русского населения и аборигенов. Он искал, предлагал, практиковал, разочаровывался и вновь искал пути и средства борьбы с пьянством. Одно время видел это средство во введении казенной винной монополии, но убеждался в обратном, когда получалось, что наряду с казенной торговлей процветала частная торговля, контрабанда, шинкарство.

Как энтузиаст Севера, Пирожников принял пылкое участие в подготовке и проведении Омской торгово-промышленной и сельскохозяйственной выставки в 1911 году.

Велика заслуга Пирожникова в организации продовольственного дела. В заявлении съезду Советов Сургутского уезда 15 июля 1920 года он пишет: «Позвольте объяснить вам, товарищи, что продовольственным делом в здешнем уезде я заведовал в течение пятнадцати лет. Я вынес на своих плечах всю тяготу по продовольствию во все время войны и даже не бросил этого дела в такой критический момент, как прошлогодняя эвакуация колчаковской власти, когда большинство служащих подготавливались к бегству, а я, оставив свою семью на произвол судьбы, поехал в Томск за хлебом, доставил и на этот раз необходимые на зиму запасы, развез по хлебозапасным магазинам и сберег все имеющиеся у меня продукты и денежные суммы до занятия территории Сургутского уезда Советской властью. Сдал в целости и сохранности как продукты, так и остальное имущество с деньгами и документами, которых было на сумму более двадцати миллионов рублей».

В отчете съезду, который Пирожников по собственной инициативе решил сделать, он пишет: «Ввиду съезда в Сургуте делегатов населения Сургутского уезда для обсуждения своих нужд считаю необходимым доложить исполнительному комитету для осведомления этих делегатов краткие сведения о своей деятельности по продовольственному делу во время службы моей в должности исправни-

ка... Мною заготовлено было всего муки 504920 пудов, причем предоставляю делегатам решить, кому обязано население Сургутского уезда тем, что оно избегало голодовок за данный период времени в годы стихийных бедствий..., недостатка кормов для скота и отсутствия муки у частных торговцев...».

Хотя хлебозапасные магазины учреждались исключительно для снабжения национального населения, однако, как пишет Пирожников, «в этих магазинах покупало продовольствие и русское население, что происходило благодаря тому, что мною делались настолько значительные запасы хлеба, что получались излишки от удовлетворения инородцев, и я находил возможным снабжать мукою из этих излишков нуждающееся русское население, главным образом солдатские семьи, проживающие в городе и уезде».

При этом цены на муку, которые приводит Пирожников, были ниже, чем в соседних уездах и городах Тобольске, Томске, Тюмени. Например, в 1912 году цена на ржаную муку в Сургуте всю зиму держалась 1 руб.30 коп. за пуд, а в Тобольске же доходила до 1руб.70 коп. В зиму 1916-1917 годов было продано излишков около 7 тысяч пудов по цене 1 руб.87 коп.. В то время в земледельческих уездах и на главных рынках Тюмени, Томска, Тобольска цена на ржаную муку была 2 руб.70 коп., а в Самаровской волости и на рынке доходила до 3 рублей.

При хлебозапасных магазинах смотрителями и продавцами состояли вахтеры, коим полагалось жалование 200 рублей в год. Пирожников еще в 1908 году выступил с предложением об увеличении жалования вахтерам Угутского и Охтеурьевского магазинов до 260 рублей, а Ларьякского — до 300 рублей.

Кроме обязанностей исправника, Пирожников исполнял функции крестьянского начальника, заведовал шестью волостями: одной русской и пятью инородческими, девятью хлебозапасными магазинами. Состоял председателем уездного Комитета общественного здоровья, совета Сургутской инородческой больницы, уездного Комитета попечительства о народной трезвости, уездного Комитета Красно-го Креста, уездного Комитета по оказанию помощи семьям воинов, больным и раненым воинам.

Этот человек оставил не только хорошую о себе память, но и творческое наследие.

«Записки уездного исправника», которые я подготовил к печати на основе его рукописи, — это плод наблюдений, раздумий и выводов человека, хорошо знавшего Север. Многое Пирожников видел сам,

был организатором, участником или свидетелем событий. Много читал, изучал, слышал, встречался с интересными людьми, учеными, государственными и общественными деятелями.

Читатель найдет в книге краткое описание Тобольского Севера: природы, истории, образа жизни, занятий, промыслов, ремесел, обычаев, верований народов Севера, рассказ о путешествиях и экспедициях в Западную Сибирь российских и европейских ученых, общественных деятелей, предпринимателей, описание экспонатов и место Севера на Омской выставке 1911 года. Дается взгляд на судьбы аборигенов, причины их вымирания и раскрывается поиск путей их цивилизованного развития, просвещения, оздоровления, культурного совершенствования.

Здесь же читатель найдет неизвестные факты из древних архивных документов о жизни сибирских городов и их обитателей.

«Записки...» Пирожникова — это материал и повод для размышления. Прочитав их, Вы, как нам представляется, задумаетесь о дне минувшем и дне сегодняшнем Югорской земли. То, что произошло здесь на протяжении двадцатого столетия, нельзя измерить и сравнить ни с помощью цифр, ни с помощью процентов.

Наш Ханты-Мансийский автономный округ за одну человеческую жизнь прошел путь от жирового светильника до мощных электростанций, от первых лучей света разума до высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений до крупнейших нефтегазодобывающих предприятий, от знахарей и шаманов до современных клинических больниц, от чумов и полужемляных юрт до многоэтажных благоустроенных домов.

Югорскую параллель по Тюменскому меридиану пересекла стальная магистраль, связав между собою десятки новых городов. Нынче на просторах рек вызывают удивление не современные теплоходы «Ракеты» и «Метеоры», а деревянные рыбацкие лодки и облава. Современные автомобильные дороги пролегли среди тайги и болот. Днем и ночью небо над Югрой прочерчивают самолеты, следующие из разных городов России и зарубежных стран.

Однако эти грандиозные изменения проходили не без изъятия и зачастую без пользы для коренного населения. Особенно это заметно было при разведке и разработке нефтяных и газовых месторождений, при строительстве трубопроводов и дорог.

Поспешность, а иногда принятие упрощенных решений без учета условий и особенностей местности приводили к уничтожению лесов, загрязнению рек, озер и болот. Что, в свою очередь, привело к

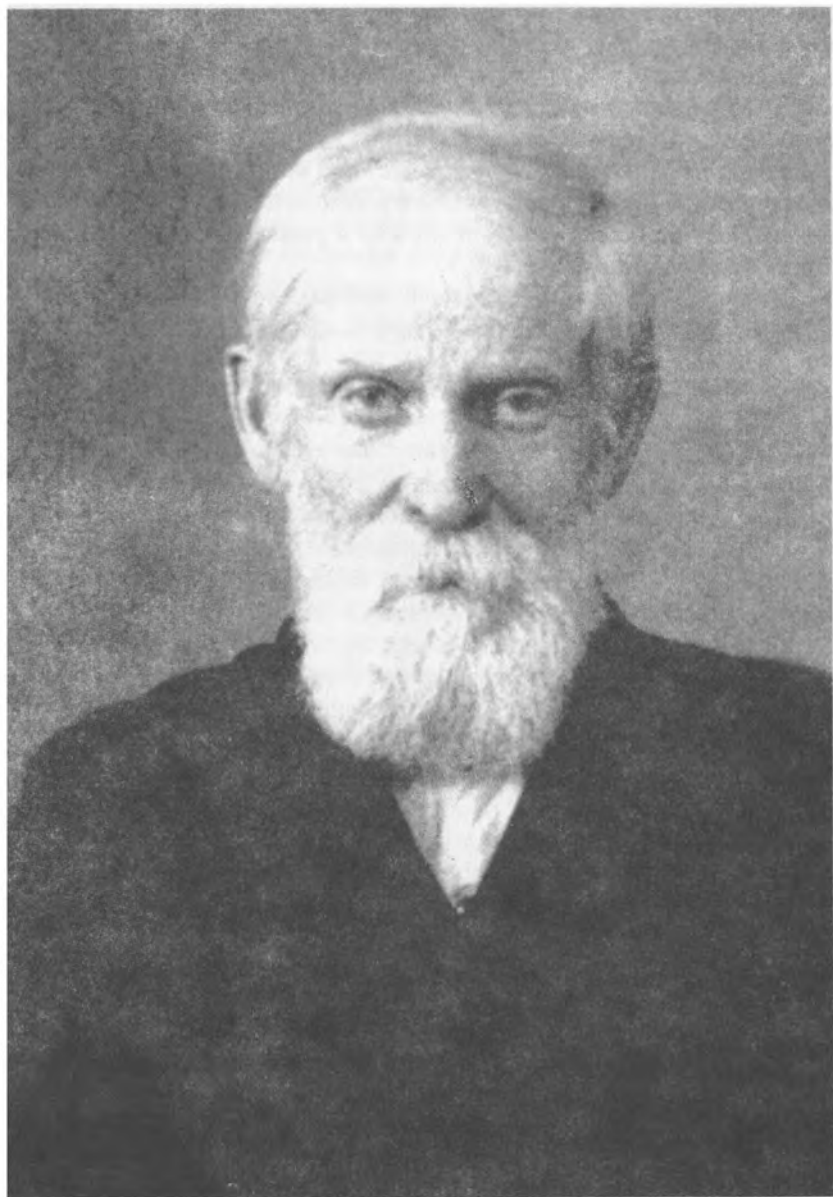
уменьшению промыслового зверя, птицы, рыбы, пастбищ, поголовья оленей.

Индустриализация и урбанизация нарушили уклад, традиции, самобытную культуру как коренных народностей Севера, так и старожилов русского населения.

Пути цивилизованного развития надо все-таки искать параллельно с сохранением и обогащением национальных культурных ценностей. И «Записки...» могут помочь в решении данного вопроса. Думаю, все еще поправимо.

Главное, уважаемый читатель, любить свою Родину и знать ее историю. Как важно, кстати, знать и историю своей семьи.

С уважением
Флегонт Показаньев.
г. Сургут.
Февраль 1996 года.

*Г.А.Пирожников. 1962 год.
г.Екатеринбург.*

КТО ЖИВЕТ В ЮГРЕ

Этнографический состав населения — это русские и туземцы: ханты, манси, ненцы, коми.

Русское население состояло в основном из городского, значительной части бывших казаков Сургутской и Березовской казачьих команд, упраздненных в 1881 году. Казаки были обращены в мещан, а в городах Сургут и Березово введено упрощенное городское положение.

В уездах Сургутском и Березовском, кроме туземцев, или инородцев, как их тогда называли, жили русские крестьяне, приписанные к волостям и сельским обществам, частью из того же казачества, а главным образом из пришлого населения, переселившегося сюда в разное время из других местностей. Большинство этих людей поселилось самовольно с захватом рыболовных и охотничьих угодий туземцев. Лишь немногие пользовались этими угодьями на правах аренды и то за ничтожную плату, а впоследствии как своими собственными.

Ханты, манси и коми относятся к финскому племени. Некоторые ученые относят ненцев к алтайскому племени.

В русских летописях местность, населенная народами ханты и манси, называлась Югорской землей, а народы — юграми. Югры были многочисленным и воинственным племенем, часто воевали с татарами и новгородскими дружинами, проникавшими сюда первоначально на промысел пушнины, а потом для обложения югров данью. Часто югры в этих столкновениях выходили победителями, особенно отличались вогулы-манси. С 1264 года Югорская земля, как волость, подчинялась Великому Новгороду, а в царствование Ивана Васильевича IV вошла в состав Московского государства.

Ханты делятся на кочующих и оседлых. Оседлые проживают по

Оби от границы Нарымского края (юрты Мурасовы Лумпокольской -Александровской управы) до Березова. Проживающие по Оби от Березова до Обдорска считались полуоседлыми. Кочующие обитали в Сургутском уезде по рекам Югану, Балыку, Салыму, Тром-Агану, Агану, Пиму, Лямину, Куль-Егану, Ваху, а также по многочисленным рекам Березовского уезда.

Манси населяют зону высокоствольных лесов по рекам Конде, Сосьве и Ляпину в западной части Березовского уезда.

Ненцы населяют полярную зону Обдории и полуострова Ямал (каменные самоеды), междуречье низовьев Оби и Таза (низовые самоеды), южную часть Березовского и северную часть Сургутского уездов (лесные самоеды). Все ненцы — оленеводы-кочевники и охотники. Вспомогательным промыслом является рыболовство.

На водоразделе рек Таза и Ваха, где в половодье можно проникнуть из Ваха в Таз, среди сургутских ханты-олленеводов обитает группа тунгусов-звероловов, причисленных к соседнему Туруханскому краю. Они иногда наезжают в село Ларьякское в декабре на ярмарку с пушниной.

В бывшем Сургутском уезде в низовьях рек Югана, Балыка, Салыма и Ваха и по реке Оби в Лумпокольской, Локосовской и Тундринской волостях, а также в Березовском уезде в местностях, прилегающих к Оби от села Сухоруковского до Березова, ханты занимались рыболовством и охотой, держали лошадей, домашний скот. В остальных местностях по притокам Оби ханты имели оленей. Оленеводство — главный источник их существования. Олени дают пищу, одежду, жиры, служат главным транспортным средством.

В районе Обдорска, на Ямале, оленеводы кочевали с многочисленными стадами, до 5 тысяч голов и более. Но в других местностях было много бедноты. По реке Вах Сургутского уезда ханты имели по 3-5 оленей, были и совсем обездоленные. Все хозяйство таких бедняков состояло из одних собак, служивших средством передвижения. Такое же положение существовало и по реке Югану. Иногда в безрыбные зимы даже собаки пропадали с голоду и беднякам самим приходилось тащить нарты за 2000 и более верст до хлебозапасного магазина и обратно. Одноюртники, имеющие оленей, на этом наживались. Подряжаясь возить муку, они брали по 5 и более белок за каждый пуд. Таким образом мука беднякам обходилась вдвое дороже.

Многие ханты, жившие по реке Оби от Нарымского края до Березова, обрусели: говорили по-русски, носили одежду русского

покроя, зипуны разноцветной байки, подшиваемые на зимнее время разными мехами.

В остальных местностях зимняя одежда ханты большей частью меховая. Малица — вроде длинной широкой рубахи из оленьего меха шерстью внутрь, с головным убором — капюшоном или капором шерстью наружу, с пришитыми рукавицами. В сильные морозы поверх малицы надевается «гусь» такого же покроя, только шерстью наружу. Вместо «гуся» поверх малицы иногда надевается «парка» такого же покроя, но более легкая — из тонких оленьих шкур.

Кроме означенной одежды, был еще особый женский костюм, называемый «ягушка», сшиваемая из шкур молодого оленя «пешки» с полами вроде пальто, с завязками вместо пуговиц, с меховым воротником и пришитыми рукавицами из оленьих лап.

Существовала еще мужская верхняя одежда «колег» и «кумыш». Колег — зимняя меховая одежда шерстью наружу с полами и завязками. Кумыш — летняя верхняя одежда вроде малицы из сукна или байки.

Женщины летом носили платки или легкие цветные шали, зимой — меховые шапки из шкур оленя, выдры и других зверей, из птичьего пуха, гагарьих шеек и т.д., с различными металлическими подвесками и украшениями.

Зимняя обувь — «кисы», сшиваемые полосками из шкуры с ног оленя, с подошвой из шкуры со лба оленя и меховые чулки шерстью внутрь, называемые «чижи». Была еще обувь, называемая «ноговицы», перед и подошвы которых сшивались из шкуры со лба оленя шерстью внутрь, а голенища из сукна или оленьей кожи.

В прежние времена для нижней одежды производилось тканье холста из волокна крапивы, которое ныне заброшено, и лишь в редких случаях из крапивной пряжи плетутся рыболовные сети.

В некоторых зажиточных семьях Тундринской управы Сургутского уезда встречалась красивая одежда женщин-ханты: красный халат, вышитый бисером; меховой халат из гагарьих шеек, покрытый зеленого цвета байкой, убранный бисером; халат, обшитый по подолу шкурой выдры. Такая одежда приобретена была в 1910 году и представлена на Омской сельскохозяйственной выставке в 1911 году.

Манси и ненцы носили в основном такую же одежду, как и ханты. В специфических климатических и прочих неблагоприятных

природных условиях люди не могли изобрести другую. Надо отметить только, что ненцы одежду и обувь носили на голом теле.

Обитающие в бассейне Ваха ханты считались беднейшими из всего инородческого населения Севера. Там встречались семьи полунагие, не имеющие никакой одежды, кроме штанов из налимьей кожи, в рубищах, едва прикрывавших грязное тело, босые. Единственным источником существования являлся промысел белки. За неимением у некоторых охотников оленей или малочисленностью их и невозможностью по этой причине белкования в дальних лучших лесах, добыча белки в отдельные годы была весьма малой. Бедственное положение этих охотников усугублялось очень низкими ценами на белку, существовавшими в течение нескольких лет. К тому же пушнина, поставляемая в ясак, продавалась на Тобольской ярмарке, где цены были ниже не только, чем на Ирбитской ярмарке, но даже ниже местных. Так, в 1897 году партия беличьих шкур в 33177 штук продана в Тобольске по 10,5 коп., а в Сургуте была по 13-14 коп. В 1898 году 23320 штук проданы в Тобольске по 10,75 коп., на месте цена была по 15-17 коп. В 1899 году 25518 штук проданы там же по 11,25 коп., местная же цена была 13-15 коп. В 1904 году партия в 43219 штук продана в Тобольске (и то со вторых торгов) по 11,25 коп., а цена в Сургуте держалась 14-15 копеек. В 1899 году 25518 штук (проданы там же) по 11,25 коп., местная же цена была 13-15 коп. В 1904 году партия в 43219 штук продана в Тобольске и то со вторых торгов по 11,25 коп., тогда как цена в Сургуте держалась 14-15 коп.

Такие убыточные операции с продажей шкур породили недоверие к этой системе со стороны промысловиков и привели к уменьшению сдачи шкур в податные повинности.

Но в последующие годы доходность от охотничьего промысла стала увеличиваться в связи с повышением розничных цен на пушнину. В 1910 г. промысел оказался настолько хорошим, можно сказать небывалым, что один человек добывал за сезон до 1000 штук белок, и цена на нее на зимней и весенней Ларьякских ярмарках Сургутского уезда доходила до 43 коп. за штуку. Благодаря высоким ценам в 1909 и 1910 годах положение ваховских промысловиков, несмотря на изощренный обман торговцев, улучшилось. Многие охотники выручили довольно крупные суммы денег и стали покупать исправную русскую одежду, сапоги, дорогие шали, часы, предметы домашнего обихода.

Кроме ханты, манси и ненцев, по рекам Сосьве и Ляпину, в

селах Сартыньинском, Щекурынском, Обдорске, Мужах, в г.Березове и других местах жили зыряне-ижемцы (коми, переселившиеся сюда в давние годы из Печерского края Архангельской губернии — Ф.П.).

Одежда у зырян русского покроя, за исключением зимней. Зимняя малица обычной формы, только капюшон вокруг лица обшит белым мехом. По этому признаку сразу видно: идет зырянин. Женщины носили красные сарафаны и яркие красные платки.

В 1895 году Тобольской губернской администрацией было назначено выселение зырян за пределы Березовского уезда ввиду усилившейся эксплуатации местных туземцев, захвата пастбищных угодий, угона оленей, но мероприятие это тогда не получило осуществления из-за отмены его правительством.

Жилищем ханты служили бревенчатые избы-полуземлянки без пола и потолка, покрытые старой травой, берестой и землей. В окно вставлялась льдина, при входе в углу избышки помещался очаг, чужал. В некоторых таких жилищах ютились по 2-3 семьи. Ели из одной посуды (куженька, корыто) руками прямо на полу или на нарах. Так же и умывались из одной посуды одной водой.

В такой обстановке, в антисанитарных условиях жили ханты по рекам Ваху, Пиму, Тром-Агану, Югану Сургутского уезда и в нижнем течении реки Оби. (Старожилы села Локосово помнят такие полуземлянки, вырытые на берегу реки, в начале XX века. Эти рассказы я записал со слов Коротаева Ивана Кирилловича и Кондакова Александра Егоровича 16 октября 1965 г. — Ф.П.)

С начала девятисотых годов экономическое положение аборигенов стало улучшаться, появилось стремление к оседлому образу жизни, к строительству изб русского типа. (Этот факт подтверждают в своих рассказах вышеупомянутые жители села Локосово — Ф.П.). С 1905 по 1910 год по Ваху построено 40 изб. В Тундринской волости с 1900 по 1911 год — 91 изба, в Юганской — 40, в Локосовской — 39, хотя никакой помощи со стороны правительства оказано не было.

Летнее жилище ханты и манси — шалаш, крытый берестой, балаган. Жилищем ненцев служит чум конусообразной формы, покрытый зимой шкурами оленя, летом — берестой. В верхней части чума -отверстие для выхода дыма.

Примитивный образ жизни туземцев показывался в Москве. Для этой цели была направлена семья ханты — двое мужчин и одна женщина с грудным ребенком. Поместили их в зоологичес-

ком саду. Сами они построили бревенчатую избушку со льдиной в окне. Были привезены зыряне с оленями, которые жили в юрте, и собаки для катания на санях.

Кроме упомянутых народностей, в Тобольском уезде в верхоях Большого Туртаса обитала группа тунгусов (племя монгольского типа). По характеру быта они сходны с ханты и ненцами. Занимались в основном звероловством.

Питались туземцы рыбой и мясом в вареном, жареном, сушеном, вяленом и сыром виде. Лепешки из муки пекли в золе или на палочках у огня. Суррогатами пищи являлись толченая березовая кора в смеси с толченым орехом, листья малины и смородины вместо чая, коренья водяных растений и др. (В первой половине 30-х годов из-за недостатка полноценных продуктов питания наша семья и некоторые другие ели лепешки из березовой коры с добавлением небольшого количества муки).

Тазовские тунгусы не употребляли в пищу мясо рабочих оленей, считая их нечистыми потому, что они поедают всевозможные отбросы и человеческие нечистоты. Съедобным считали мясо вольного оленя.

Со второго сказания будем называть туземцев так, как они назывались в описываемое время: остяки, вогулы, зыряне, самоеды.

Хотя большинство ханты и манси считались христианами, но шаманизм по-прежнему играл важную роль в их жизни. Ежегодно в декабре ханты толпами ходили по русским селениям, разыскивая продажных лошадей и жеребят непременно белой масти для жертвоприношения своим божествам. (Возможно, этот обычай перешел от древнейших народов, которым югры обязаны своим происхождением. Но так как не всегда представлялась возможность найти белую лошадь, ее постепенно заменили оленем. Возможно также, что кладбище конских костей на Барсовом городище под Сургутом есть не что иное, как свалка костей от приносимых в жертву лошадей).

Празднество в честь богов сопровождалось пением и дикими криками шамана, ударами колотушки в бубен. В это время закалывали лошадь или оленя, пили кровь, съедали мясо. По окончании пиршества на месте, где проходило это священнодействие, на боль-

шом дереве развешивали рога оленя или шкуру лошади, куски материи, тесемки, платки и т.д. В самых глухих труднодоступных местах ханты устраивали капища, где хранили своих идолов. Здесь же делали им «приклады» (приношения) в виде шкур ценных зверей, денег, материи, украшений и пр.

Кроме поклонения лесным духам, их умиловивления, ханты приносили жертву водяному духу, стараясь его задобрить, тем самым заручиться хорошим уловом рыбы. С этой целью угощали водяного духа водкой, т.е. лили ее в прорубь.

Верховным божеством туземцев является Торум или Торым. Рангом ниже стоял бог Мастерко. Были и другие божества местного значения. Они описаны многими исследователями. В результате крещения у ханты и манси появился еще один большой бог: Никола-Торум или Торум-Никола, или Нум-Торум-Никола (Святой Николай Мирликийский). Иконы Николая Мирликийского имелись тогда во многих юртах. (Еще в 1960 году я лично встречал почерневшие от дыма иконы «русского бога» Святого Николая в юртах по реке Югану Сургутского района – Ф.П.). Туземцы боготворили Нум-Торум-Николу, отзываясь о нем: «Давно знам велик бог русской, святой человек Никола. Самоедам шибко помогают». («Краткое описание о народе остяцком, сочиненное в 1715 году Григорием Новицким» – Ф.П.).

Г.Новицкий описал и другие божества, почитавшиеся в то время «во всей остяцкой стране». Один из них Старик Обский, обитавший на устье Иртыша, «недалече Самарова града». Другой боготворимый идол Гусс «изваян из меди и подобие гуся, име скверное жилище в юртах Белогорских при великой реке Оби». Там же в одной кумирне с гусем был «первоначальный и паче всех настоящий Кумир».

Идолские капища в окрестностях села Троицкого с древних времен привлекали на поклонение массу туземцев со всего Севера подобно паломничеству мусульман в священный город Мекку.

Для жертвоприношения покупались в русских селениях, кроме белых лошадей и жеребят, также и белые петухи, при закалывании которых паломники пили его кровь как священную.

Кроме идолов, белых лошадей и петухов, в особом почете был медведь, в честь которого устраивались медвежьи праздники. В ритуал праздника входило целование медвежьей лапы с приговариванием: «Задери меня, медведь, если я скажу неправду». Ханты считали, что за нарушение клятвы Торум шлет на людей суровые

наказания. Однако медвежьи праздники в разных местах имели свои особенности.

Такой праздник удалось наблюдать автору в юртах Сухоруковских в южной части Березовского уезда, где перед разостланной в переднем углу избы шкурой медведя плясали женщины с закрытыми лицами, в рукавицах, похлопывая ими, как хлопают в ладоши. Тут же сидел музыкант, играющий на инструменте, называемом «лебедем».

Уникальные экспонаты религиозного культа ханты представлены в этнографических отделах Тобольского и Свердловского музеев.

В религиозной обрядности ханты имеет значение символическое число семь. Во время жертвоприношений число убитых оленей должно быть не более и не менее семи.

В.Бартенев в «Очерках Обдорского края» описывает священное место и праздник, на который каждую осень съезжалось семь родов, и праздник длился семь дней кряду.

В 1857 году в «Тобольских губернских ведомостях» №22 описан ежегодно проводимый праздник с жертвоприношением главному богу Мастерку вблизи села Троицкого, продолжавшийся семь ночей.

Иногда на праздниках певец для большего воодушевления и возбуждения съедал семь мухоморов.

По мифологии ханты, весь мир состоит из семи светов (сфер). В самом высшем свете пребывал всевидящий, всезнающий Торум. В остальных до второго жили низшие боги, полубоги. Во втором свете жили ханты, жили плохо, несли тяготы, терпели нужду, бедность, обиды, напрасно искали правду. (И.Поляков. «Живописная Россия», т. II, стр.79, 1885 г.).

Тобольский митрополит Филофей Лещинский проводил массовое крещение туземцев. В период с 1712 по 1718 годы при помощи воеводской администрации окрещено до 40 тыс. человек. Некоторые туземцы отказывались от крещения, укрывались бегством. Так, из юрт Мало-Атлымских 30 человек, несогласных на крещение, бежали за Обдорск в юрты Аксарка. Некоторые открыто с оружием выступали против насильственного обращения в христианство, стреляли в Лещинского и его спутников из ружей и луков.

Окрестившихся ханты ненцы преследовали, нападали, грабили и убивали, трупы калечили, кресты с убитых снимали, привязывали к шесту-хорею, а иконы волочили на веревке за нартой.

С целью охраны крещеных ясачных ханты от ненцев, от «воровской самоеды», как означено в распоряжении Березовского воеводы от 25 сентября 1761 года, укреплялся Обдорск, куда посылались вооруженные казаки.

Ханты верили в загробную жизнь, поэтому с покойником в могилу и на нее клали промысловые орудия и снасти, домашние вещи, съестные припасы. По их верованиям, на том свете будет хорошая жизнь, много оленей, хлеба и жира, все будут жить в больших теплых домах, как русские тюрьмы-остроги.

Крестили не только детей, но и взрослых. В селе Ларьякском Сургутского уезда был такой случай. Приехали венчаться тазовские туземцы, и оказалось, что невеста 16-17 лет не крещена. Священнику долго пришлось уговаривать ее раздеться для крещения. Она, стыдясь, отказывалась, потом согласилась, разделась, окрестилась, и тотчас же от купели под венец.

Сургутские священники крестили инородцев постоянно. В 90-е годы прошлого столетия здесь существовала духовная миссия, но она не оправдала надежд, расходы на содержание оказались бесполезными, и ее закрыли. Много лет миссия была в Обдорске, но деятельность ее в распространении христианства среди язычников признана малоуспешной, и она также была закрыта.

Крещеные туземцы оставались при своих языческих воззрениях, а их жизнь отличалась иногда еще большей безнравственностью: пьянством, воровством, обманом и т.п. Об отношении туземцев к крещению и христианству говорят, например, такие случаи: крещеного ненца его сородичи избрали шаманом.

Однажды женщина пожаловалась миссионеру на своего мужа за то, что он, будучи крещеным, привел в юрту вторую жену, да еще и шаманством занимается. Прибывший в юрты миссионер с проповедью стал упрекать мужа жалобщицы за дурное поведение: «Ты крещеный, разве не знаешь, что закон не позволяет иметь больше одной жены?». «У нас можно», — ответил ханты. «Как это так, у нас можно? Ты кто? Ты православный, не язычник, а занимаешься шаманством. Это разве полагается христианам?». Ханты молча выслушал увещевания священника и сказал: «Вот что, батька, я тебе скажу: я к тебе в Обдорск не езжу, в твои дела не мешаюсь, ну и ты ко мне не езди и в мои дела не мешайся». Затем он встал и ушел.

Или такой пример. Новокрещеный ненец в бытность язычником всегда аккуратно платил долги, когда же окрестился, то пере-

стал платить. Ему и говорят: «Что же это ты раньше был такой честный, теперь мошенничаешь, а еще крещеный?» Отвечает ненец: «Что ж, я теперь такой же крещеный, как и вы русские, ну и мошенничаю так же, как и вы все тут мошенничаете».

Преступления и наказания

Хочу рассказать о том, как осуществлялся суд над провинившимися перед обществом и личностью. Местная юриспруденция была крайне упрощенной. Маловажные проступки рассматривались и разрешались старейшинами, родовыми управлениями и по закону о туземцах. Суд должен быть словесным, между тем в Локосовской управе Сургутского уезда суд родовой расправы производился письменно, все решения родовых старост записывались в особые постановления. Налагался арест от трех суток до полутора месяцев содержания в каталажной камере.

По сведениям этой управы, с 1905 по 1908 год рассмотрены следующие дела. Подвергнуты аресту на трое суток с содержанием в каталажной камере при управе: юрт Тарховых Алексей Тархов за кражу 26 рублей у Михаила Натускина; юрт Ликрисовых Александр Юсопин за незаконное сожительство; юрт Пылиных Степан Пылин за незаконное сожительство; Марк Тюмкин за побег с работы; Василий Гиндин за кражу денег у Петра Сыколева; Федор Алтымов за нанесение ран в драке Спиридону Чалтымову; Алексей Пылин за побег с работы от содержателя земской гоньбы Бабанина; Сидор Айпин за побег с работы от Позевалова. На семь суток арестованы юрт Качесовых Иван Качесов за кражу ведра вина и мешка с хлебом у Трофима Сыколева и Осип Пылин за кражу 40 руб. у Ивана Пылина. На полтора месяца подвергнут аресту Дмитрий Курломкин за выстрел из ружья в жилую юрту Николая Муколчина.

В некоторых управах наказание за маловажные проступки заменялось платой в пользу пострадавшего или обиженного. За кражу случались наказания розгами, а еще чаще очистительным присяганием на морде медведя или клятвой: «Если я виновен, то пусть меня съест зверь».

Существовало и такое наказание, как битье виновного по щекам и испрашивание прощения с поклонами в ноги обиженному или оскорбленному.

А.И.Якобий, исследователь жизни и быта туземцев Сибири, в докладе в Тобольском музее о результатах работы упоминает о сохранившейся еще в то время на Казыме особой форме покаяния под топором, висящим на веревке вверх лезвием. Провинившийся тихо раскачивает топор и также тихо поет под ним старинную священную формулу. Якобий утверждает: «Я имел случай видеть это и записал со слов поющего священную формулу».

По свидетельству Якобия, на Казыме существовал еще и особый обряд прощения виновного через землепоклонение: обиженный прощает виновного и в знак этого слегка проводит рукой по спине обидчика крестообразно.

В более важных случаях, когда требуется клятвенное удостоверение, ставят посудину с водой, а обвиняемый и пострадавший говорят: «Если кто виноват из нас — пусть вода возьмет того». Потом по очереди берут нож и режут воду крестообразно.

За тяжелые проступки виновные по приговору окружных судов подвергались тюремному заключению, хотя некоторые из них мало страшились тюрьмы. Был такой случай: обнаружилась кража вещей у проезжающего пассажира на станции земской гоньбы (постоялый двор), и когда стали говорить остяку, совершившему кражу, что его увезут в Тобольск и посадят в тюрьму, он ответил: «Чо пужаешь меня, вот Сенька был, сказывать, там нас уважают, дают кашу с маслом и табак дают курить».

Туземцы мало боялись тюрьмы, потому что там их содержали в тепле, кормили, давали одежду, а это лучше, чем отбывать очередную повинность по земской гоньбе или сидеть дома в убогой, темной, холодной юрте и грызть мороженую рыбу или вообще быть голодным.

За неуплату ясака, кроме отдачи в работу, должники подвергались наказанию розгами.

В прежние времена (XVII-XVIII века) взимание ясака сопровождалось насилием, истязаниями, существовало женское рабство. Воеводские чиновники и казаки отнимали у должников женщин и девушек, обращали в своих наложниц, даже торговали ими: взрослых женщин продавали по 15-20 руб., малолетних девочек по 20 коп. Ясак выражался в больших размерах: с холостого брали по 10 соболей, с женатого — по 20. Кроме ясака, взыскивались различные поборы: поминки и подарки воеводам, поклонный ясак, другие виды налогов.

В первые годы колонизации под тяжестью непосильных побо-

ров и жестокости воевод туземцы прибегали к неповиновению и открытым восстаниям, нападениям на новые сибирские города.

При царе Михаиле Федоровиче официально узаконено спаивание туземцев вином, чтобы приучить их к выплате ясака. В 1631 году велено Тобольскому воеводе князю Трубецкому выслать в Березово по 15 ведер вина для угощения остяцких и самоедских старшин.

Лекари и шаманы

Туземцы Севера, за малым исключением, не знали квалифицированной медицинской помощи и не имели о ней понятия. Лечились у знахарей и шаманов.

На весь Обь-Иртышский Север было только три больницы с тремя врачами, несколькими фельдшерами и повивальными бабками. Причем должности фельдшеров часто замещались лекарскими учениками и ротными лекарями. Фельдшер со специальным образованием получал жалованье всего 200 рублей в год, что также препятствовало поступлению на службу специалистов.

Из всевозможных здесь болезней особенно свирепствовала оспа. Зимой 1909 года по реке Ваху была эпидемия натуральной оспы, занесенная из смежного Туруханского края. Тогда умерли 29 человек. В 1904 году в этой же местности от эпидемии тифа умерли 21 человек. Долго свирепствовала эпидемия тифа в Березово и Обдорске, унесшая много жизней, в том числе и медицинского персонала, направленного из Тобольска для борьбы с эпидемией.

У обских остяков с давних пор укоренился сифилис. Эта болезнь в ужасающих размерах распространена была в Лумпокольской (Александровской) волости. Этому способствовало открытие в 1804 году в селе Александровском казенной винной лавки, вследствие чего — поголовное пьянство мужчин и женщин, а в пьяном состоянии полная их распушенность и неразборчивость.

Для иллюстрации распространения сифилиса взята справка из Сургутской уездной больницы. За пять лет в этой больнице находились на излечении от сифилиса по управам: Юганской — 16 человек, Тундринской — 15 человек, Локосовской — 38 человек, Ларьякской — 26 человек, в то время как по Лумпокольской — 106 человек.

Сильно распространены на Севере глазные болезни. Слепых много во всяком возрасте. Поэтому являлась настоятельная необ-

ходимость в посылке сюда глазного отряда Попечительства о слепых, о чем уездная администрация просила губернские власти с представлением списка слепых, которых по этой надобности был произведен учет в Сургутском уезде, но это ходатайство осталось неудовлетворенным. Между тем для лечения глазных болезней являлось желание у самих больных инородцев. Так, Никита Сигильетов Ларьякской управы летом 1903 года возил свою жену на лечение в Томск, но съездил неудачно, будто бы врачи-окулисты оказались в отпуске.

Ездили еще в Томск больные остяки села Криволуцкого Тихон Сыгрянкин и юрт Чамкиных Локосовской управы Яков Чамкин и также бесполезно: никто этим слепым никакой помощи не оказал даже в университетском городке, не говоря уже о Тобольске, куда ездил на лечение и также зря инородец юрт Качесовых Локосовской управы Никита Качесов. Такое было тогда отношение к туземцам Севера.

Таких больных в Сургутском уезде по учету в 1913 году оказалось 136 человек. (Списки больных сохранились в архиве Пирожникова до настоящего времени. Но эти сведения не точны, многие больные в дальних стойбищах и кочевьях остались неучтенными, а по Тундринской волости совсем не было получено списка. — Ф.П.).

В 1903 и 1912 годах в Тобольске были вышеуказанные глазные отряды, но вместо помощи населению Севера тамошние власти ограничились лишь оповещением администраций северных уездов о времени прибытия отрядов в Тобольск. Однако за дальностью расстояний никто из больных туземцев там лечиться не мог и никто не ездил.

Многие слепые не то чтобы в дороге, даже в своей семье нуждались в помощи и уходе и оказывались тяжелым бременем для семьи и одноюртников.

При отлучке взрослых здоровых членов семьи с детьми на промысел на продолжительное время слепые, обычно старики, оставались одни без присмотра и помощи на произвол судьбы, подвергаясь жестоким лишениям и несчастиям. В апреле 1911 года сгорела в юртах Корликовых Ларьякской управы 75-летняя слепая старуха Прасина от возникшего в юрте пожара, когда она в одиночестве топила чувал и готовила себе пищу. В том же году в Березовском уезде в юртах Холась-Соимских Куноватской волости в ноябре сгорели в своей избушке Иван Русьмиленков 72 лет и его жена Анна Григорьевна 68 лет, оба слепые.

Некоторые слепые пропитывались своим трудом: рыболовством, вязанием мережи, изготовлением снастей, прядением ниток из крапивного волокна и шерсти, помогая тем самым своим семьям. Ганжеева Акулина 40 лет, слепая, из юрт Урьевских Локосовской управы, кроме прядения ниток и вязания сетей, занималась еще шитьем одежды. Она делала это, даже находясь на лечении в Сургутской больнице.

На дровяной пристани «Лукашкин Яр» Лумпокольской управы одиноко жил слепой на оба глаза старый остяк Сигильетов Александр. Он прокармливался собственным трудом — ловил рыбу на реке Обь, один ездил на обласе по реке.

В юртах Рыскиных Юганской управы жил слепой старик Иван Рускин. У него был сын калека, который жил отдельно от отца. Так вот, Иван Рускин приучил свою собаку водить его за нартой по ближайшим юртам за сбором подавания и таким образом много лет прокармливал себя.

О плохом медицинском обслуживании населения Севера говорит такой пример. Газета «Сибирский листок», 1912 год, №66: «Насколько удовлетворительно поставлена медицинская помощь в городе Березово, может служить иллюстрацией недавний случай: крестьянин села Елизаровского на охоте нечаянно прострелил своему сыну руку, повезли раненого в Березово, врач отказался сделать операцию, и несчастного больного должны были везти из Березово в Тобольск, т.е. за тысячу верст, да при перевозке его из села Елизарово до Березово проделано 420 верст».

Луч света...

В январе 1904 года в селе Ларьякском Сургутского уезда открыто начальное училище Министерства народного образования. Сделано это по приговору ярмарочного съезда туземцев по предложению автора этих строк, бывшего тогда на съезде.

Это по существу была первая светская школа, в которой обучались дети остяков. До того времени на Севере было два училища в Березово и Сургуте и церковно-приходские школы в некоторых деревнях, где обучались русские дети. Для обучения детей инородцев существовали миссионерские школы в селах Кондинском и Обдорском Березовского уезда, где преподавался в основном закон Божий, а общеобразовательных знаний эти школы почти не давали.

На должность учителя Ларьякской школы был назначен То-

больским училищным советом молодой педагог Дмитриев-Садовников Григорий Матвеевич, уроженец города Тобольска. Мною были приняты меры по разрешению открытия училища и подысканию учителя при поездке по служебным делам в Тобольск в декабре 1903 года.

Учитель Дмитриев-Садовников Г.М. прибыл из Тобольска в Сургут вместе со мной в январе 1904 года, а от Сургута до Ларьяка добирался самостоятельно, проехав таким образом в самую морозную пору 1564 версты. По приезде в Ларьяк в январе 1904 года Дмитриев-Садовников открыл школу и приступил к занятиям. В первые дни было принято 15 учеников, из них 6 остяцких детей — 4 мальчика и 2 девочки.

Учение пришлось начинать в условиях, когда учитель не знал остяцкого языка, а дети — русского. Тем не менее учителю удалось научить их читать по звуковому способу — сначала остяцкие слова, написанные русскими буквами, а потом и русские. Таким вот образом ученики научились по-русски, а учитель по-остяцки. Все шесть детей окончили школу и получили свидетельства.

В 1908 году при школе открыта была слесарная мастерская, и туземцы обучались этому мастерству. Школа размещалась в собственном доме, построенном главным образом на средства туземцев и на субсидию от казны в сумме 2000 рублей. Здесь же находилась квартира учителя.

В первые годы остяцким детям выдавались бесплатно одежда и обувь за счет средств пожертвования и казны. Из средств пожертвования (200 рублей) 40 рублей было израсходовано на приобретение картофеля, культивирование которого тогда начиналось для ознакомления остяков. В дальнейшем эта работа прекратилась за неимением средств.

Учитель Дмитриев-Садовников сообщал, что дети учились со старанием. Была у них одна девочка 9 лет — маленькая, веселая, хорошо решала простейшие задачи, красиво и без грубых ошибок писала. Когда у нее не было чернил, она пользовалась ягодным соком. Мальчик Егор бегал летом то к одному, то к другому жителю села и просил разъяснить непонятные слова. А когда учитель спросил: «Кем ты хочешь быть?», то он ответил: «Писарем».

Часто ученики расспрашивали учителя о больших городах, о жизни других народов, после занятий ходили вместе с учителем ловить рыбу, катались на санках, на собаках, а иногда уходили на охоту.

Дмитриев-Садовников составил рукописную грамматику остяцкого ваховского наречия и сдал ее в библиотеку Тобольского губернского музея. Правление Общества изучения края при музее в виду большой нужды в туземных учебниках решило в 1925 году издать ее для пользования в школах, но предварительно выслало рукопись для оценки и отзыва профессору Пермского университета Емельянову, который, однако, признал эту грамматику неудачной, как имеющую лингвистические неточности и другие дефекты.

Кроме упомянутой рукописной грамматики, Дмитриев-Садовников писал очерки в губернские газеты и Ежегодник Тобольского музея.

Будучи активным деятелем музея Дмитриев-Садовников участвовал в экспедиции Б.Н.Городкова по исследованию реки Вах, снаряженной по инициативе музея, при денежной поддержке Академии Наук и Петербургского ботанического сада.

В том же 1904 году составлен был приговор об открытии школы в юртах Вартовских Локосовской управы, но она из-за нераспорядочности и бездействия училищного совета открылась только в 1910 году после неоднократных напоминаний и настоятельных просьб. В этой школе обучалась только одна остяцкая девочка.

В школах Никольской, Лумпокольской, Кушниковской, Пилюгинской Сургутского же уезда остяцких детей вовсе не было. Туземцы не отдавали тогда своих детей на учебу, боясь, что ученый остяк не пойдет в материк за белкой. Боялись они и слухов о том, что грамотных остяков будут брать в солдаты.

В архивных делах Сургута имелась, между прочим, такая записка: «...в 60-е годы губернатором принимались меры к открытию в Сургутском округе училищ для обучения детей». Но в чем заключались эти меры — неизвестно.

НАСУЩНЫЙ ХЛЕБ СИБИРЯКОВ

Занятия и промыслы

Почти всю домашнюю утварь, орудия и принадлежности промысла, летние и зимние транспортные средства, одежду и обувь туземцы делали сами из дерева, бересты, пихтовой коры, кореньев, травы, кожи, кости, меха, сухожилий и т.д.

Невозможно перечислить весь набор домашней утвари, охотничьи и рыболовные принадлежности, кустарные музыкальные инструменты, средства передвижения. Это различного назначения чашки, корытца, черпаки, ложки, тески, куженьки, кузовки, коробки, шка-тулки из дерева, бересты, корней; ручные и сторожевые луки со стрелами, черканы, плашки, слопцы; веревки из коры тала, сети из волокон крапивы, рыболовные крючки, морды, котцы; олени и собачьи нарты, упряжь, лыжи, многоместные и одноместные лодки-обласа; детские люльки, игрушки, ритуальные предметы.

В творчестве народов Обь-Иртышского Севера проявлялось высокое художественное мастерство. Это искусство не раз демонстрировалось на российских и международных выставках в разные годы 20-го столетия.

Особенно отличались трудолюбием, фантазией, тонкостью и чистотой работы женщины. Мужчины занимались в основном охотой, рыболовством, изготовлением орудий лова и промысла, средств передвижения. Женщина вела все домашнее хозяйство, ухаживала за детьми, помогала мужчинам во всех делах, обрабатывала шкуры по всему циклу, заготавливала дрова и воду, готовила пищу, шила одежду и обувь, еще успевала ловить рыбу, зверя и птицу для пропитания семьи, когда мужчины уходили на длительное время в урман.

Предметы одежды и обуви были представлены через Тобольский музей на Омскую выставку 1911 года. Изделия высочайшего

Дмитриев-Садовников составил рукописную грамматику остяцкого ваховского наречия и сдал ее в библиотеку Тобольского губернского музея. Правление Общества изучения края при музее в виду большой нужды в туземных учебниках решило в 1925 году издать ее для пользования в школах, но предварительно выслало рукопись для оценки и отзыва профессору Пермского университета Емельянову, который, однако, признал эту грамматику неудачной, как имеющую лингвистические неточности и другие дефекты.

Кроме упомянутой рукописной грамматики, Дмитриев-Садовников писал очерки в губернские газеты и Ежегодник Тобольского музея.

Будучи активным деятелем музея Дмитриев-Садовников участвовал в экспедиции Б.Н.Городкова по исследованию реки Вах, снаряженной по инициативе музея, при денежной поддержке Академии Наук и Петербургского ботанического сада.

В том же 1904 году составлен был приговор об открытии школы в юртах Вартовских Локосовской управы, но она из-за нерасторопности и бездействия училищного совета открылась только в 1910 году после неоднократных напоминаний и настоятельных просьб. В этой школе обучалась только одна остяцкая девочка.

В школах Никольской, Лумпокольской, Кушниковской, Пилюгинской Сургутского же уезда остяцких детей вовсе не было. Туземцы не отдавали тогда своих детей на учебу, боясь, что ученый остяк не пойдет в материк за белкой. Боялись они и слухов о том, что грамотных остяков будут брать в солдаты.

В архивных делах Сургута имелась, между прочим, такая записка: «...в 60-е годы губернатором принимались меры к открытию в Сургутском округе училищ для обучения детей». Но в чем заключались эти меры — неизвестно.

НАСУЩНЫЙ ХЛЕБ СИБИРЯКОВ

Занятия и промыслы

Почти всю домашнюю утварь, орудия и принадлежности промысла, летние и зимние транспортные средства, одежду и обувь туземцы делали сами из дерева, бересты, пихтовой коры, кореньев, травы, кожи, кости, меха, сухожилий и т.д.

Невозможно перечислить весь набор домашней утвари, охотничьи и рыболовные принадлежности, кустарные музыкальные инструменты, средства передвижения. Это различного назначения чашки, корытца, черпаки, ложки, туюски, куженьки, кузовки, коробки, шкапулки из дерева, бересты, корней; ручные и сторожевые луки со стрелами, черканы, плашки, слопцы; веревки из коры тала, сети из волокон крапивы, рыболовные крючки, морды, котцы; олени и собачьи нарты, упряжь, лыжи, многоместные и одноместные лодки-обласа; детские люльки, игрушки, ритуальные предметы.

В творчестве народов Обь-Иртышского Севера проявлялось высокое художественное мастерство. Это искусство не раз демонстрировалось на российских и международных выставках в разные годы 20-го столетия.

Особенно отличались трудолюбием, фантазией, тонкостью и чистотой работы женщины. Мужчины занимались в основном охотой, рыболовством, изготовлением орудий лова и промысла, средств передвижения. Женщина вела все домашнее хозяйство, ухаживала за детьми, помогала мужчинам во всех делах, обрабатывала шкуры по всему циклу, заготавливала дрова и воду, готовила пищу, шила одежду и обувь, еще успевала ловить рыбу, зверя и птицу для пропитания семьи, когда мужчины уходили на длительное время в урман.

Предметы одежды и обуви были представлены через Тобольский музей на Омскую выставку 1911 года. Изделия высочайшего

класса местных мастериц с Ваха, Югана и Тром-Агана Сургутского уезда были приобретены А.А.Дуниным-Горкавичем и посланы на Парижскую выставку. В советское время лучшие образцы народного промысла неоднократно представлялись на выставки различного ранга.

Очень высоким мастерством исполнения отличались мелкие вещи: кошельки, кисеты, сумки для хранения различных женских принадлежностей: ниток, иголок, сухожилий, бисера, стекляруса и т.д.

Шитье, вышивки имели несколько видов, из которых главным национальным считалось шитье «ханта-ханч». Другие типы вышивок назывались «керем-ханч», «севем-ханч», «ектем-ханч», «руть-ханч» (русская вышивка).

Тематикой для творчества мастериц служила природа: звери и птицы, деревья и цветы. Все это стилизовано переносилось на художественное изделие методом типовых вышивок.

Из овечьей шерсти, покупаемой у русских, женщины вязали чулки и рукавицы с ярким национальным орнаментом и узорами.

Жители Севера накопили большой опыт изготовления красителей из ягод, трав, древесной коры, золы трута (древесный на-рост, гриб), минерального сырья, других материалов.

Кроме кожи и меха зверей и птиц, широко использовалась рыбаья кожа, обычно кожа налима, иногда — осетра и стерляди. Из налимеьей кожи шили штаны, которые называли на «рыбьем меху», а также рукавицы, мешки, сумки, детскую обувь.

Из волокна крапивы раньше изготавливали нитки для сетей и грубые холсты для женской одежды. Теперь этот промысел забыт и утрачен.

За многие века туземцы накопили громадный опыт по выделыванию кож и мехов, используя для этого простейшие приспособления, древесную труху и рыбий жир.

Наряду с деревом и кожей универсальным материалом являлись кости мамонта, лося, оленя и птицы. При этом разные по величине, форме и структуре кости шли на изготовление определенных изделий: детали оленьей и собачьей упряжи, украшения сбруи, мерки для пороха и дроби, пороховницы и дробовницы для хранения запасов на охоте, приспособления для ношения топора на поясе, наконечники стрел, рыболовные крючки, пластинки для предохранения руки от удара тетивой при стрельбе из лука, цельные и наборные рукоятки ножей, различные крючья, в

том числе для подвешивания детской колыбели; табачные трубки, табакерки, гребни для чесания волокна крапивы, швейные иглы и шилья, из пустотелых костей крупных птиц делались игольницы для хранения игл, множество других предметов быта и промысла.

Рыболовство

В давние времена туземцы Севера занимались рыболовством только для личного потребления. С развитием товарно-денежных отношений вылов увеличивался, рыба становилась товаром. Однако лучшие угодья аборигенов захватывались русскими рыбопромышленниками, проводившими добычу рыбы в большом количестве, часто хищническим способом, в том числе самолловами. Иногда, для видимого соблюдения законности, угодья арендовались, но за самую низкую плату.

В 1879 году Главное Управление Западной Сибири издало постановление о запрещении лова рыбы самолловами. Это постановление за отсутствием надзора не выполнялось. В числе карательных мер за лов рыбы самолловами устанавливался штраф в 15 рублей. Русские промышленники на реке Обь ниже Обдорска добывали осетра за один суточный просмотр самоловов по сто штук и более, и ничтожность наказания высмеивали, выражая готовность заплатить штраф за десять лет вперед.

Основной промысел рыбы ценных пород проводился на реках Березовского уезда. Там у русских рыбопромышленников наряду с русскими работали туземцы с семьями, жили в своих чумах, трудились по 15 часов в день, получали по 20-30 рублей за лето, питались плохо, о спецодежде не имели понятия. Расчет проводился не деньгами, а товарами, что еще больше усиливало их зависимость и кабалу.

В 1876 году И.С.Поляков по поручению Академии наук произвел обследование Тобольского Севера, подтвердившее жесткую эксплуатацию рабочих рыбопромышленниками. По распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири Казнакова принят был ряд мер в защиту промысловых рабочих: сокращение продолжительности рабочего дня, требование к хозяевам построить жилые помещения с соблюдением гигиенических норм по планам губернского строительного комитета, столовые, бани, улучшить питание, одежду. Но мероприятиям этим не суждено было осуществиться. Рыбо-

промышленники не выполняли распоряжений, и администрация бессильна была в борьбе с ними.

Затем обследования рыбных промыслов на Крайнем Севере проводились в 80-90 годы прошлого столетия врачами Матвеевым, Почтаревым, Дунаевым, профессором Якобием, ихтиологом Варпаховским, Дуниным-Горкавичем, от Тобольского губернского музея — Луговским, Юрасовым, другими.

В начале 90-х годов, по случаю холерной эпидемии 1892 года, рыбопромышленники обложены были двухрублевым сбором с каждого рабочего для постройки больничных барачков и оборудования аптек. П.Ф.Почтарев на получившуюся от устройства барачков и их содержания экономию приобрел паровой винтовой катер для медицинского обслуживания промыслов, но выяснилось, что катер не мог проходить по мелководным речкам, значит многие промыслы по-прежнему оставались вне контроля. А в целом эта попытка, в конечном итоге, успеха не возымела.

Главным предметом рыбного промысла у населения Обского Севера являлся муксун. Его вылавливали в большом количестве во время подъема в верховьях Оби на нерест и после икрометания при обратном скатывании в Обскую губу. На реке Обь от села Кондинское (Октябрьское) до Обдорска и на реке Сосьва вылавливалось много щука и сырка.

Самое благоприятное и доходное время при ловле рыбы — это «вонзь», когда начинается первый весенний подъем рыбы из Обской губы вверх по реке Обь в притоки и сора (заливные поймы). Этот вонзевой лов начинается сразу после ледохода с небольшим опережением или запозданием, в зависимости от условий весны. В это время рыба идет косяком. В середине лета бывает второй подъем рыбы, гонимой белугой.

В старину широко практиковался хищнический лов стерляди самоловами на юровых ямах. Это глубокие ямы от 10 до 30 метров на Иртыше, где стерлядь зимует и нерестится.

Лов проводился следующим образом. Ежегодно, около Николе Зимнего (19 декабря), рыбаки занимали места на льду, долбили проруби для самоловов на расстоянии одного шага лунка от лунки, в которые на «якорях» (грузилах) опускались самоловы. Это крепкие шнуры с острыми крючками и поплавками. Самолов попадает в скопление рыбы. Крючок с поплавком пошевеливает течение, и рыба цепляется за него любой частью своего тела.

К началу лова приступали по сигналу (выстрел из ружья). В

этот момент снасти опускались в воду. Вынимались через час. Затем таким же образом опускалась вторая очередь, третья... Лов продолжался два дня.

На трех юровых ямах добывалось до тысячи пудов стерляди и осетра. На месте пуд разномерной стерляди стоил 7 рублей, пуд осетра икряного — 20 рублей, холостого — 9 рублей.

Юровой промысел сопровождался большим стечением покупателей и народа. Купцы приезжали из Тобольска, Тюмени, Ирбита, Екатеринбургa, Перми и других городов.

В Березовском уезде за многие годы сложился промысел высоко-сортной сосьвинской сельди, называемой «тугун». Эта мелкая рыбка длиной 20 см и весом 80 грамм имеет очень высокие вкусовые качества. Она водится в Северной Сосьве и ее притоке Ляпин. Вогулы путем копчения приготавливали из нее «юколу». Ее также солили первобытным способом. По инициативе местного рыбопромышленника С.П.Шахова начинало практиковаться ее маринование.

В Тазовской губе промыслили только четверо русских из Сургута с наемными рабочими из местных туземцев до 15 человек. Они добывали до 2000 пудов осетра и до 3500 пудов другой раз-ной рыбы. В мороженном виде она доставлялась в Сургут на оленях. Целый месяц требовалось для проезда от Таза до Сургута и столько же обратно.

В 1900 году в массе привезенных с Таза товаров была рыба весом 5 пудов 10 фунтов (84 кг). Вечные рыбаки русские и самодеды не могли определить в Сургуте, что это за рыба, пойманная в Тазовской губе у самого устья Таза в пресной воде зимой. По внешней форме и мелкой черной икре рыба должна быть стерлядью, но неизвестно, чтобы в Обь-Иртышском и Тазовском бассейнах встречались стерляди весом в 5 пудов, даже хотя бы в 2 пуда. Возникло предположение, что это «шип», «шиповка», т.е. помесь стерляди с осетром, но и это предположение отпадало, потому что неизвестны примеры, когда бы шипы встречались с икрой. Когда рыбу привезли в Тобольск, то для осмотра этого удивительного экземпляра пригласили консерватора губернского музея Н.Л.Скалозубова, и он также не смог установить, какая это рыба. Тогда хозяин Н.И.Тетюцкий отправил ее в Петербург в дар Зоологическому музею Академии наук. Там сделали из нее чучело и решили, что это осетр.

Вся товарная рыба на Севере приготавливалась примитивным способом — столовым засолом за неимением сведений о лучших

приемах обработки. Часто засаливали рыбу, которая уже начинала портиться. Об искусственном охлаждении и консервировании не могло быть и речи.

В 1856 году Главным Управлением Западной Сибири поднимался вопрос об упорядочении рыбных промыслов на Севере и улучшении качества рыбной продукции, но никаких мер не было принято. Попытки в этом отношении предпринимались лишь частными лицами. Так, в 1897 году в селе Самаровское Тобольского уезда рыбопромышленником В.Т.Земцовым была открыта рыбная школа на собственные средства. Срок обучения устанавливался два года. Проводились в основном практические занятия по обработке рыбы и приготовлению рыбных продуктов. Теоретические занятия проводились в виде бесед по рыбному делу. В первом наборе обучалось 10 человек. Просуществовала она 3,5 года. Закрылась в связи со смертью основателя и за отсутствием средств на содержание.

Часть рыбы осеннего улова отсаживалась в «сады» — закрытые или отгороженные водоемы. С наступлением устойчивых холодов рыба отлавливалась и в мороженом виде транспортировалась. При оттепелях отловленная рыба портилась, пропадала.

В бассейне Ваха основными промысловыми рыбами являются язь, щука, мохтик (елец), окунь, карась. Они же составляют основное продовольствие. Известен такой пример. В 30-40 км от юрт Охтеуревских в маленькой речке, по-местному, в егане, у Полуденной горы в ноябре скопилось такое количество мохтика, что 3 человека за 2 часа начерпали 3 воза (600 кг) этой рыбы. В ту зиму обитатели юрт прожили за счет той спасительной речки. И в другие зимы остяки семьями выезжали на ту речку и питались там рыбой, черпая ее, как из садка.

Большим бедствием для жителей Сургутского и Березовского уездов является «замор». Это природное явление начинается с наступлением сильных морозов, когда водоемы покрываются толстым льдом и прекращается доступ кислорода из воздуха в воду. Явление это характеризуется резким уменьшением растворенного кислорода в воде вследствие поглощения остатков кислорода при распаде огромного количества органических веществ, выносимых в Обь из болот и речек. «Сгоревшая» вода приобретает желтый цвет и ржавый вкус. Рыба в поисках кислорода устремляется к берегам, к ключевым источникам свежей воды, в речки, к так называемым «живцам». Здесь ее вылавливают в больших количествах. Рыба, которая не успела найти живую воду, гибнет.

В 1912 году в притоках Оби — Васюган и Чижалка — вследствие раннего рекостава и сильных морозов произошел такой замор, что в Васюгане погибла вся рыба, не успевшая выйти из заморного района. Томская газета «Сибирская жизнь» писала тогда, что вдоль берегов образовались целые штабеля рыбных трупов, наполовину разложившихся.

В верховьях Оби замора не бывает, вода всегда чистая, светлая. Там зимой ловится много стерляди и осетра, тогда как в смежном Сургутском уезде такая рыба зимой не ловится.

В Иртыше, выше 250 км от устья Иртыша, замора тоже не бывает. Однако известен такой случай. У деревень Денщики, Семейка, Чебачкина в марте произошел сильный замор, когда за неделю было добыто 2500 пудов нельмы и стерляди. Такой же замор случился в 1918 году.

В нижнем течении реки Обь уничтожалась молодь осетра, называемая лобарем и карышом. Между Войкаром и Шурышкаром во время замора в январе-феврале масса молодняка поднимается к живунам, всплывает вверх так, что лед пропревает, тут его и вылавливают целые горы.

Распорядительный комитет Тобольского губернского музея в 1901 году обсуждал новый проект устава рыбной промышленности и, между прочим, постановил: места по Малой Оби и по Войкару, где сохраняется молодь от замора, признать заповедными.

Охотничий промысел

Охотничий промысел на Севере, как и рыболовный, составляет основную отрасль хозяйства туземцев. Главным объектом промысла в зоне хвойных лесов является белка. Охота на нее начинается в естественные сроки поздней осенью, когда зверек вылиняет и мех приобретет серый и голубоватый цвет. Добыча белки зависит от наличия корма — ореховых шишек кедра и других хвойных деревьев. Белка питается также ягодами и грибами, которые развешивает на деревьях для просушки.

Известно много случаев, когда при неурожае кедровых орехов наблюдается массовое передвижение белки на большие расстояния. Тогда идет она напрямую, преодолевая лесные массивы, болота, водные преграды, даже Обь.

При хорошем урожае и благоприятном размножении бывает и

хороший промысел белки. Таким благоприятным в бассейне реки Вах, например, был 1910 год. Там в одной семье две девочки 12 и 15 лет добыли за сезон 1430 белок, а взрослый охотник-мужчина добывал по 1000 штук. С двух Ларьякских ярмарок — декабрьской и майской — вывозилось 200 и более тысяч шкур.

Ваховская белка отличается от обской высоким качеством: шкура крепче, мех пышнее. Достаточно взять в руки, чтобы заметить разницу. Не зря цена ее доходила до 43 копеек. Несколько меньше добывалось в бассейне реки Юган. В Березовском уезде много белки добывалось в Шурышкаре и на Казыме.

Из других промысловых зверей наибольшую ценность составляют песец, исчезающий соболь и лиса. Песец преимущественно водится в тундровой зоне, на полуострове Ямал. Сбывался песец через Обдорскую ярмарку.

В Сургутском уезде этой пушнины заготавливалось мало, в основном в бассейнах северных притоков Оби и на Югане. Бывали случаи добычи песцов и в окрестностях самого Сургута. В 1910 году песец убит в городе. Этот зверек бегал по дворам, преследуемый людьми и собаками. Спасаясь, он заскочил на крышу амбара, и был застрелен политическим ссыльным Матюшенко. Шкурка того песца была закуплена для Омской выставки.

Соболь был широко распространен в Сургутском и Березовском уездах по рекам Юган, Балык, Салым, Конда, Сосьва, Ендырь, Сеульская. Например, по реке Юган охота на соболя еще в конце прошлого века была основным источником существования. Один охотник из юрт Усановых три зимы промыслил соболей одного гнезда. Детеныши подрастали, он их отлавливал сетью с помощью собаки, а самку сохранял.

Добывалась и куница, которая по окраске и пушным свойствам похожа на соболя. А помесь с соболем, называемая «кидус», вообще мало от него отличается.

С Юганской ярмарки в те годы вывозились сотни соболиных шкур. В последующие годы соболь стал исчезать и перекочевывать в другие, более глухие места.

В 1912 году в Государственной Думе была образована особая комиссия для рассмотрения проекта правил охоты на соболя в Сибири, которая нашла необходимым повсеместное запрещение охоты на соболя в течение трех лет до октября 1916 года. Тогда же было принято Думой пожелание запретного времени в тех местностях, где охота на соболя являлась главным источником существо-

вания. Однако никакой помощи оказано не было. Запрет был продлен еще на три года, но никакого воздействия на реальные события он уже не возымел. Главным управлением землеустройства предполагалось создание заповедников, но и этот проект не был осуществлен: остался в области мечтаний.

Лисица на Севере водится повсеместно в пойме реки Оби и ее притоков, там, где плодятся множество мышевидных грызунов, являющихся ее основным кормом. Есть несколько разновидностей лисы по окраске: обыкновенная рыжая, белодушка, сиводушка, чернубрая, седобурая, очень редко встречаются черные и белые лисы. В 1899 году в Сургутском уезде добыта совершенно черная, очень крупная лиса. Ее шкура продана на Ирбитской ярмарке за пять тысяч рублей. В 1909 году в сургутском же уезде добыта совершенно белая лиса. Ее шкура отправлена в Петербург в Зоологический музей Академии наук, как чрезвычайно редкий экземпляр.

Некоторые остяки и самоеды практиковали выращивание песцов и лисиц в домашних условиях, доставая щенят из нор и гнезд, но шкуры таких зверей получались гораздо хуже полевых. К тому же этот промысел наносил большой ущерб природе, т.к. мало щенят выживало в неволе.

В одной хантыйской семье в юртах Мегионских Локозовской управы Сургутского уезда жила прирученная обыкновенная лиса. Кормили ее рыбой. Лису посещал живший на воле чернубурый самец, и она приносила чернубурых лисят. Их выкармливали при живой матери и продавали по хорошей цене.

К промысловой фауне лесной и тундровой зоны еще относятся горностаи, колонок, ласка, бурундук, выдра, рысь, росомаха, заяц, медведь, волк. К морским промысловым животным относятся белый медведь, морж, тюлень, нерпа. Наивысшую ценность из них представляют горностаи, колонок, выдра.

Росомаха и рысь очень вредные животные, которые уничтожают добычу в ловушках, за что охотники испытывают к ним большую неприязнь.

Остальные промысловые звери отлавливаются и отстреливаются обычно не специально, а попутно, например, заяц.

Из парнокопытных самый крупный зверь — лось. В 1914 году на Салыме и Балыке в Сургутском уезде добыто около 300 лосей. На Югане 12-летний мальчик из юрт Купландиевых убил из берданки двухлетнего лося, догнав его на лыжах-подволоках. 14-летний мальчик из юрт Тайлаковых, сын Алексея Когончина Петр

убил из берданки 7 лосей. Охотники Юганской управы Спиридон Немчинов юрт Курлокиных и Егор Ярсомов юрт Ярсомовых убили в марте 1912 года из берданок 140 оленей и 8 лосей. Промышляли они в вершине речки Демьянка в трех днях хода от юрт Курлокиных. Спиридон Немчинов рассказывал автору этих строк о том, что убить можно было больше, но не под силу доставить добычу домой. На Югане, например, в 1912 и 1916 годах добыто оленей по 200 штук, в 1913 году — 100 штук. Учет в те годы был поставлен не очень точно, поэтому надо полагать, что для личного потребления лосей и оленей было отловлено и отстреляно гораздо больше.

В Березовском уезде лосей и оленей ловили длинными огородами (загородками). В изгородях оставляли проходы, куда настораживались луки со стрелами или ружья.

Цены на пушнину на Обдорской ярмарке в 1911 году были такие: песец — 13-15 рублей, пыжик-пешка (шкура оленьего теленка) — 3 рубля, горноста́й — до 3 рублей, шкура оленя — 3 руб.25 коп., белый медведь — 100-150 рублей. Всего в тот год на Обдорской ярмарке продано пушнины: песца белого — 8000 штук на 120 тыс. рублей, пыжика-пешки — 600 штук на 20 тыс.рублей, горноста́я -3000 штук на 10тыс. рублей, белки 30000 штук на 10 тыс.рублей, лисицы красной — 500 штук на 8 тыс.рублей, оленьих шкур — 15000 штук на 50 тыс.рублей, белых медведей — 50 штук на 5 тыс.рублей.

Среди мягкого золота Севера заслуживают особенного внимания бобры. В отдаленные времена на Обском Севере водилось очень много бобров. О широком распространении их свидетельствует первый сибирский публицист Ф.И.Соймонов в своем произведении «О сибирском изобилии».

О ловле бобров в Сургутском крае упоминает русский посланник Николай Спафарий, совершивший путешествие через наши места от Тобольска до Нерчинска и границ Китая. Другие исследователи утверждают, что «вблизи Сургута речные бобры наблюдаемы стадами». Кроме меха, бобры ценятся съедобным вкусным мясом и бобровой струей (ароматическая жидкость, выделяемая особой железой самца), применяемой в медицине и национальных обрядах туземцев. Из-за своих высоких достоинств бобры подвергались хищническому истреблению и давно исчезли. Лишь незначительная часть их сохранилась на реках Конде и Малой Сосьве, где в советское время учрежден Кондо-Сосьвинский заповедник.

Оленеводство составляет основу благосостояния Севера. Олень является транспортным средством, дает пищу, одежду, обувь, жилище, вспомогательные материалы, товарную продукцию.

Оленеводство развито главным образом в Березовском уезде, на Ямале, в районе Обдорска, по рекам Надыму и Ныде, на Тазовском полуострове, в бассейнах Пура и Таза, Сосьвы, Вогулки, Ляпина и Казыма.

В Сургутском уезде много оленей держали остяки, кочующие в междуречьях Тром-Агана и Агана, Пима и Ляпина. А по Ваху, Югану, Балыку и Салыму оленеводство было вспомогательным занятием из-за недостатка таежных пастбищ.

Олени неприхотливы в корме, размножаются хорошо. Отел происходит ранней весной. Начиная с трех лет, важенка ежегодно приносит одного теленка. Рога у оленя обновляются каждый год. У самки они опадают через несколько дней после отела, а самцы сбрасывают их в начале зимы, в декабре.

Полного развития олень достигает к 3-4 годам. Живой вес взрослого оленя доходит до 250 кг. Особенно крупные олени водятся на Казыме и в верховьях Таза. На тазовских оленях доставлялись зимой в Сургут большие клады рыбы и партии пушнины с северных промыслов. Вогулы по Ляпину на оленях по подряду возили почту, а между Березовым и Обдорском остяки содержали оленнюю земские гоньбу и станции.

В Ляпинско-Сосьвинской местности и в Обдории, кроме местных туземцев, оленеводством занимались пришлые архангельские зыряне-ижемцы, имевшие тысячные стада. Они сбывали крупные партии оленьих шкур, т.н. «постелей» (без ног и головы), шкур молодых оленей «пешки» и «неплюя» в Москву и другие города, на Печору в кустарные мастерские на замшу и меховые изделия. В дело шли оленья борода, сухожилия, шкуры с ног и головы оленя для шитья обуви, рукавиц и украшений.

В лесной местности по Югану и Ваху оленей держали мало, были даже безоленные семьи. По узким лесным дорогам ездили на узких нартах, запряженных иногда одним оленем, второй мог бежать на привязи. Размер юганской нарты: длина 2 м 70 см, ширина между полозьями 54 см, ширина по верху 40 см.

Юганские остяки пасут оленей вблизи юрт, ноги путают специальной колодкой, чтобы олени далеко не разбрелись.

По статистическим данным, на Обском Севере в 1910 году насчитывалось в домашних хозяйствах около 450 тыс. оленей. В последующие годы их численность сократилась почти вдвое в результате эпизоотий сибирской язвы, ящура и копытной болезни, производящих страшные опустошения в оленеводческих хозяйствах.

В 1911 году на Ямале в середине лета пало 100 тысяч оленей стоимостью около полутора миллионов рублей. (Сведения Ежегодника Тобольского музея). В некоторых семьях пали все олени, и им пришлось пешком выбираться к приобским жилым местам.

Самоеды называли эту болезнь в своем наречии «вой ханиче», что значит «худая болезнь». Смерть наступала в течение часа. Сначала опухают глаза, затем рога, голова, шея, туловище, олень падает, разбухает, как бочка, и погибает. При снятии шкуры на мясе видны водянистые пузыри. При поедании такого мяса люди вымирали целыми семьями. По рассказам очевидцев, у одного кочевника в три дня пало пять тысяч оленей.

В 1903 году на реках Надым и Ныда в июле-августе был повальный падеж, тогда погибло 7 тыс. оленей и 17 человек, поевших мясо. Оставшись без оленей, самоеды не могли вывезти пойманную рыбу на рынки.

Даже вороны и другие птицы, клевавшие падаль, сразу погибали. На пастбищах на поверхности земли образовались целые кладбища костей, постепенно обраставших мохом. Новые стада, пасшиеся здесь через несколько лет, также заражались и погибали.

С мест из уездов посылались ходатайства об оказании помощи из казны пострадавшим на покупку оленей, но на них мало обращалось внимания, никакой помощи правительством не было оказано. Лишь в 1913 году послана была на Ямал экспедиция Главного Ветеринарного Управления для исследования причин массового падежа оленей в 1911 году.

Начальником экспедиции назначен был бактериолог Драчинский, который по возвращению сделал доклад в Тобольском губернском музее. Описывая свой путь, докладчик отметил значение оленя для жителей тундры и назвал падеж оленей одной из причин вымирания туземцев.

В распоряжении Ямальской экспедиции было 600 оленей и несколько проводников. Разделенная на три отряда, она вела кочевую жизнь, двигаясь за стадами, изучая обстановку и условия содержания оленей. Летняя стоянка лаборатории Драчинского ока-

залась на месте падежа. Из пробы земли, взятой под трупом оленя, были выделены возбудители сибирской язвы и культивированы.

Архангельская губерния в зоне развитого оленеводства в отношении практических предохранительных мероприятий оказалась более счастливой в сравнении с Тобольской. Там еще в 1909 году проведены предохранительные прививки в Тюменской и Большереченской тундрах и, по данным Архангельского Статистического Комитета, отход оленей достигал только 0,4 процента.

Во время ранее свирепствовавших эпизоотий сибирской язвы в тундре Печорского края сразу образовались «падежные места», на которых оленеводы боялись пасти свои стада, и места эти в течение нескольких лет оставались неиспользованными. Между тем в них ощущалась нужда, так как количество пригодных пастбищ с каждым годом сокращалось. Предохранительные прививки давали возможность вновь их использовать. Стада, прошедшие прививки, были запущены на эти пастбища, и ни один олень не заразился и не погиб.

Лес кормит

Дополнительными промыслами являются кедровый и птичий. В урожайные годы кедровый промысел приносит, кроме запасов для личного потребления, еще и доход. Птичий промысел служит исключительно для удовлетворения потребностей семьи.

Кедровые леса раскинуты повсеместно в лесной зоне Обь-Иртышского Севера, но особенно богатыми считались кедровники по реке Вах и в районе села Александрово Сургутского уезда, по рекам Конда и Сосьва Березовского уезда и в районе села Самарово Тобольского уезда.

В Сургутском уезде по реке Кул-Еган недалеко от Покурской паромной пристани кедровники изобиловали зверем и птицей и давали такой богатый урожай, что лесничий А.А.Дунин-Горкавич предлагал устроить там заповедник.

Кедровые леса оберегались, и древесина кедра не использовалась как строительный материал, а только как поделочный и для изготовления лодок. Для этой цели разрешалась рубка неплодоносящих деревьев.

В урожайные годы, чередующиеся через 3-5 лет, отдельные кедры дают до пяти кулей шишек или до 2,5 пудов (40 кг) чисто-

го-ореха. Таким годом был 1910 год. Обилие кедровых орехов сопровождало хорошему промыслу белки, повышению доходности туземцев. Цена ореха была на месте около 3 рублей за пуд. Трудно сказать, сколько всего заготавливалось орехов по Северу, а в отдельных местах заготавливались сотни тысяч пудов, причем дальние кедровые острова оставались неиспользованными.

Орехи употреблялись только как лакомство, как подсолнечные семечки в южных краях. Маслодельного производства, даже кустарного, здесь не знали. Между тем из кедрового ореха можно готовить очень вкусное столовое масло. Лесохимическая промышленность возникла только в советское время.

Кедровая шишка поспевает в начале сентября, тогда же начинается ее сбор и продолжается до снега. Один год по Ваху в Охтеурьевской местности шишка не опадала до наступления зимы, поэтому сбивали ее колотушками, особенно на дальних островах, куда не смогли попасть до зимы. При личном разговоре автора этих строк с туземцами выяснилось, что такого необычного года не помнят даже старики. Иногда собирали шишки и весной, но вымокшие и подопревшие орехи из таких шишек утрачивали вкусовые качества.

Много кедровой шишки истреблялось птицей, ореховкой или кедровкой (ронжей), и бурундуками, большие площади кедровых боров уничтожались естественными пожарами, хотя таковые возникали не часто.

Шишка добывалась примитивным способом: в начале сезона — деревянными молотами (колот) и длинными шестами, а поздней осенью — подножным собиранием. Обмолот и чистка шишек проводились вручную путем растирания деревянным зубчатым катком на бревне с зарубками и просеиванием на специальном решете. Очищенные орехи просушивались на листах в печах или на слабом огне. Специальные молотилки и веялки встречались только у русского населения в Самаровской волости.

В Тобольском уезде кедровых лесов было меньше, поэтому они бдительно охранялись местным населением, как, например, в деревне Ярковая бывшей Бегишевской волости.

Главный предмет промысла составляла водоплавающая птица: утки, гуси и боровая дичь: глухари, тетерева, рябчики, куропатки.

Уток повсеместно ловили перевесами, отстреливали из ружей и луков. Перевес — это большая, как правило, квадратная сеть,

примерно 20х20 м. Она устанавливается следующим образом. В лесной гриве прорубается просека (плоха) между двумя водоемами на 3-4 метра шире перевеса, со стороны леса устанавливаются подъемные (на двух столбах с перекладиной) журавли, по-местному «жеравцы», на высоту деревьев. На жеравцы с помощью верхних и нижних блоков (векошки) или колец на тонких крепких веревках поднимается перевес и закрепляется при помощи рожа. Под перевесом на высоте человеческого роста по всей площади просеки (плохи) натягивается подтон — сеть с ячейками 40-50 см, связанная из тонкого шнура.

Перевесом ловят уток весной во время гона теплыми тихими ночами. Когда стайка уток подлетает к перевесу, роженки выдергиваются из петли бечевки, перевес плавно опускается на подтон, увлекаемый утками, птицы проваливаются в ячейки, как в мешки. Охотник закусывает им головы и вынимает из сети. Умный человек самочку выпускает, а селезней оставляет. При благоприятных условиях можно поймать за одну ночь несколько десятков уток. А можно не поймать ни одной, если ветер посадит перевес на деревья.

Для отстрела гусей устраиваются станки на песчаных островах и косах, куда гуси во время перелета садятся на отдых и кормежку. Под станок вырывается яма, в которой может находиться охотник, сидя или лежа. Яма накрывается решеткой и крышей, маскируется, остаются только отверстия для просмотра и стрельбы. Перед станком подсаживались живые прирученные гуси или устанавливались чучела (маншики) для приманки. Этот способ практиковался только среди русского населения.

Аборигены обычно ловили гусей и уток во время линьки, когда птицу можно догнать и убить палкой или поймать сетью. У туземцев практиковался сбор яиц из гнезд.

Боровую дичь стреляли из ружей и луков, а в осеннее время, когда стайки молодняка вылетают из болот на берега таежных рек, ловили слопцами.

Хлеб и люди

Делом первостепенной важности на Севере является снабжение туземцев хлебом. Бывшие Сургутский и Березовский уезды — потребительские, население этого края жило исключительно при-

возным хлебом, доставлявшимся частными торговцами. В целях регулирования цен с давних времен учреждены были хлебозапасные магазины, и мука в них доставлялась губернским правлением по заявкам местной администрации с торгов, проводимых в городе Тобольске. Но почти каждый год покупная стоимость муки, поставляемой с торгов в казенные магазины, была более высокой по сравнению с мукой, поставляемой частными торговцами, так что иногда казенные магазины не понижали цены, а наоборот, способствовали их повышению.

Мука в некоторые магазины, например, в Угутский Сургутского уезда, Сартыньинский Березовского уезда должна быть завезена в начале навигации, так как при спаде воды и обмелении рек пароходы с баржами не могут пройти, груз застревает в пути, и доставка его до места сопряжена с большими накладными расходами и ущербом для промыслового населения. Так, например, в одну навигацию пароход Плотникова с грузом для Угутского магазина в середине лета из-за мели не мог пройти по реке Юган далее села Юганского и сбросил там груз, не доведя по договору 250 верст. А во второй половине лета доставка груза возможна только до Сургута.

Из-за несвоевременной доставки хлеба и недостатком его происходили голодовки. В 1882 году в селе Ларьякское Сургутского уезда происходил голод за неуловом рыбы, а в местном хлебозапасном магазине муки хватило только до весны. Оставались запасы лишь у торговли Глазковой. Она продала весной хлебозапасному магазину 300 пудов, а потом продажу вовсе прекратила. Тогда остяки взломали амбар и взяли 100 пудов муки, благодаря чему и прожили до нового завоза 2500 пудов, доставленных в середине августа.

Далее села Ларьякское верст на 500 по направлению к Туруханскому краю в 1892 году был голод, умерло 20 человек. Голод произошел вследствие того, что эти безоленные остяки мало запасли хлеба, надеясь на горную речку, в которой они каждый год черпали рыбу, в основном ершей. Но вдруг рыбы не стало, они съели все летние запасы, и наступил голод.

В прежние времена хлеб доставлялся на Север сплавом на баржах. (Еще в 30-е годы в Сургуте заборы и другие хозяйственные сооружения были сделаны из плах разобранных хлебных барж. — Ф.П.). Туземцы голодали из-за позднего приплыва хлеба. Тогда были известны случаи людоедства.

Старожил села Ларьякское Кайдалов Ефим Гаврилович рассказывал, что по речке Котог-Еган в 100 верстах от этого села в 1870-х годах был голод с людоедством: инородка Сигильетова Марья Александровна зарубила топором своего мужа при помощи своей матери, труп разрубили на части, варили и ели. Таким же путем зарубили и съели двух приемных детей. Однако это злодеяние было обнаружено представителем власти, возможно, приехавшим по доносу.

Когда автор этих строк записывал в 1906 году в селе Ларьякское рассказ Кайдалова Е.Г. из его собственных уст, Сигильетова М.А. была еще жива, имея от роду 90 лет, и жила в этом селе у своего зятя.

Население Сургутского и Березовского уездов с Самаровской волостью Тобольского уезда составляло в 1912 году 48 тыс. человек. После Октябрьской революции, за отсутствием других сведений, за основу принималась та же численность с незначительным увеличением.

Так, в 1918 году хлеб заготавливался из расчета 30 фунтов (12 кг) на едока в месяц или по 9 пудов в год. Между тем действительное число населения к тому времени было значительно больше, например, в 1917 г. в Сургутском уезде было по простым подсчетам 15018 человек, а в 1912 г. всего 10804 человека.

В большинстве районов Севера цены на хлеб были сносными — от 80 копеек до 1 руб.50 коп. за пуд, но в некоторых местах Березовского уезда поднимались до 2 руб. и выше.

Хлебозапасные магазины из-за старых недоимок муку туземцам не выдавали, поэтому они голодали и посылали своих детей попрошайничать. Нищенство и попрошайничество особенно было распространено в селе Обдорск. (Попрошайничество остяцких детей в Обдорске описано К.Я.Лагуновым в книге «Иринарх» — Ф.П.). В дни ярмарок там продавался, как правило, печеный хлеб.

В Сургуте в давнее время (1864-1872 гг.) цена одного пуда ржаной муки была 35-40 коп. Плата пешему рабочему в день составляла 20 копеек, а с лошадью — 40 копеек.

Об эксплуатации и угасании туземцев Севера написано много книг и статей, много сделано ученых докладов и отчетов в различных государственных и научных учреждениях, в сибирских газетах и журналах.

К тому, что написано в рассказе о составе и образе жизни туземного населения, добавлю еще несколько примеров, характеризующих ухищрения и мошеннические проделки торговцев.

Некоторые торговцы самовольно собирали с неграмотных и доверчивых туземцев шкуры ценных зверей, как будто бы для отправки православным святым, фактически оставляя их себе. А один торговец продал туземцу коробку пистонов за 35 руб., на которой было написано «№ 35». Другой торговец сам рассказал о хищнических приемах своей торговли. По приезде в юрты он остановился у одного туземца. Тот пожаловался гостю на больные ноги, тогда торговец продал ему за десять белок банку помады и велел натирать ноги перед топившимся чувалом. Когда, по счастливой случайности, больному стало легче, он очень выгодно продал остатки своей парфюмерии тем, кто обратился за помощью, вплоть до глазных болезней. (Газета «Обская жизнь». Ново-Николаевск, 1912 г., №30).

В Сургутском уезде по реке Юган для частной торговли хлеб доставлялся только купцом Тетюцким Н.П., который продавал его не за деньги, а исключительно за шкуры, выменивая их по таким ценам: 5 пудов муки ржаной — 1 соболю, 1 пуд муки — 8 белок, в то время, как в 1910 г. пуд муки стоил 1 руб.20 коп., одна белка — 43 коп., а соболю — от 15 до 45 руб. Только после того, как ему удавалось собрать всю пушнину, он начинал продавать муку за деньги и в долг.

В 1852 году по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири Тобольской казенной палатой отведено командиру Тобольского пешего казачьего батальона есаулу Невзорову три десятины земли при городе Сургуте возле речки Саймы для производства опытов выращивания хлеба. В 1853 году на этом участке произведен посев ячменя и овса по две пудовки и снято ячменя — 14, овса — 12 пудовок. Начало посева 1 июня, уборки — 20 августа.

В 1854 году Невзоров посеял озимого хлеба один пуд, собрал восемь пудов. В 1855 году посеял четыре пуда ячменя, снял тридцать пудов. В первом году опыта посеяно было еще немного льна и конопли, всходы и созревание были хорошими.

Опыт этот генерал-губернатор признал весьма удовлетворительным и пожелал для пользы не только одних казаков, но и инородцев, развить хлебопашество в этом крае в больших размерах, затребовав сведения о количестве удобной земли по течению реки Обь. В 1857 г. Невзорову присуждена была медаль при такой грамоте: «Императорское Вольное Экономическое Общество в общем собрании 7 сентября сего года на основании Устава своего определило: есаулу Тобольского пешего казачьего батальона Васи-

лию Невзорову назначить Большую серебряную медаль за успешные занятия земледелием и распространение оного на отдаленном Сибирском Севере. Дана в С-Петербурге, октября 31 дня 1857 г.».

Место, где производились Невзоровым опыты посева хлеба в Сургуте, называлось «пашней».

Потом, в 1854 году, делались первые попытки культивирования хлебных злаков в селе Юганское, где местный священник Тверетин посеял сначала несколько зерен ячменя, а в 1855 году, ввиду удавшегося опыта с огородным посевом, он расчистил 1/2 десятины от леса и 15 мая посеял шесть пудов ячменя, около 15 августа ячмень созрел. Урожай составил 120 пудов.

В последующие годы Тверетин увеличивал площадь посева и довел до 7 десятин, и всегда урожай был хороший. В 1864 году рожь поспела так рано, что 20 июля ее начали жать. В 1868 году урожай составил сам 10,5. В том же году и пшеница хорошо уродилась. Только в 1862 году вследствие ненастной и холодной погоды получился полный неурожай. Часть хлеба скосили на корм, часть завалило снегом.

Священник Тверетин состоял действительным членом Казанского экономического общества, и ему дарована была в потомственное владение земля в селе Юганском под названием «пустошь» в количестве 14 десятин, поступившая впоследствии в пользование местных жителей — русских и остяков.

В начале XX века практиковались посевы злаковых культур в приобских деревнях Сургутского уезда новоселами из хлебобородных мест. В 1912 году крестьянин Тобольского уезда Ефим Кичеров на Покурской пароходной пристани сеял пять фунтов ржи, снял 20 августа 35 фунтов. Крестьянин Кетской волости Томского уезда Иван Волков на Мелипугольской пристани Лумпокольской управы посеял около своего дома 12 мая полпуда ячменя, собрал в конце августа четыре пуда. Крестьянин Ишимского уезда Пинигин на пароходной пристани Сытомино Тундринской волости тоже сеял, но урожай собрать не удалось — посев уничтожили зайцы.

Опыты земледелия проводились и в Березовском уезде, как в самом Березове, так и в зырянских селах. В селе Саранпауль зыряне с давних пор сеяли на своих огородах ячмень и получали неплохие урожаи. В феврале 1908 года А.А.Дунин-Горкавич отправил в Саранпауль пять пудов семенного ячменя, который раздали по семьям, посеяли в огородах на площади 625 кв.сажен. Урожай оказался хорошим, снято 60 пудов, что составляет сам 12.

Удачные посевы ячменя оказывались и в селениях Щекурынском по реке Ляпин, и в Няксимвольском по реке Сосьва. В 1911 году сеяли ячмень в поселке Шайтанский Мыс на левом берегу Сосьвы в 30 верстах от Березова. Тогда с 20 фунтов собрали 4 пуда.

В последующие годы в Сургутском уезде пробные посевы мелкими партиями проводились в нескольких приобских деревнях.

НАДЕЖДЫ СЕВЕРА

По зимнику и по воде

Грунтовых дорог на Севере нет. Сообщение осуществляется зимой на лошадях по магистрали реки Оби от юрт Мурасовых Лумпокольской управы на границе с Томской губернией до города Березово, а далее до Обдорска на лошадях и оленях. На лошадях же было сообщение по Ваховскому тракту от юрт Нижневартовских до Охтеурьевских и по Юганскому тракту от Сургута до села Юганское. Во всех других местностях сообщение между населенными пунктами осуществлялось на оленях и собаках. Оленьи пути существовали еще от Обдорска на Ижму Архангельской губернии и от Березова по Сосьве в Пермскую губернию.

Ввиду узких дорог лошадей запрягали в повозку «гусем» по две-три, редко по четыре, т.е. одну за другой по прямой линии. В упряжке из трех-четырех лошадей на первую садился кучер (ямщик) для направления.

Летом сообщение осуществлялось по рекам на пароходах и лодках, но регулярного по расписанию (т.е. срочного) судоходства не было. Частные пароходы рейсировали до Обдорска в низовьях Оби, главным образом по обслуживанию рыбных промыслов.

От Тюмени до Барнаула рейсировали пароходы Товарищества Западно-Сибирского пароходства, но они шли всегда загруженными в конечных пунктах, попутных грузов не брали, так что на пристанях грузы лежали месяцами, часто портились.

За неопределенностью продвижения пароходов, отсутствием расписания и телеграфа (он проведен от Самарова до Сургута только в 1913 г.) пассажирам приходилось сидеть на пристанях в полном неведении по неделе и более.

Сообщение на лодках представляло наибольшие неудобства, особенно при весенних разливах реки Обь, затопляющих низмен-

ные берега и луга, называемые сорами, на необъятных пространствах. При сильных весенних ветрах движение на лодках приостанавливалось на несколько дней. А если в пути застигала буря, то единственным спасением было причаливание и закрепление лодки в затопленных береговых кустах и тальниках.

В 1905 году в Березовском уезде установлено было земское и почтовое, субсидированное казной пароходство. В Сургутском же уезде почта доставлялась на проходящих между Томском и Тобольском грузо-пассажирских пароходах. Земская гоньба отбывалась на лодках и некоторое время на арендованном у частного владельца катере.

В 1915 году был предварительно решен вопрос об аренде парохода для земского сообщения в пределах Сургутского уезда по реке Обь от границы Томской губернии (юрты Мурасы) до села Селияровского Тобольского уезда и по реке Вах до села Ларьякское и Югану до села Юганское, но это намерение не было осуществлено по причине отказа пароходовладельцев.

С начала XX века в Тобольске и Тюмени в сибирской прессе и в ученых кругах горячо обсуждался вопрос о строительстве железной дороги на Север, однако главными транспортными путями оставались реки Иртыш и Обь.

В 1913 году в Тобольске на одном из совещаний по строительству железной дороги с участием депутата Государственной Думы Суханова обсуждался также вопрос об улучшении сообщения с Севером. На совещании выяснилось, что на Сургутской пристани в ожидании отправки лежит более 100 тысяч пудов грузов, кроме того, много грузов скопилось на других пристанях в пределах уезда, и лежат они по два месяца. Присутствующему на совещании представителю Западно-Сибирского пароходства Корнилову было предложено связать Сургут регулярными рейсами и оказать содействие в вывозке грузов. На что Корнилов откровенно заявил, что их интересуют не нужды населения, а миллионные грузы, что пароходство перевозит за навигацию 30 миллионов пудов. Вот если бы Сургут имел миллион пудов, то был бы другой разговор, а 100 тысяч — какой это груз.

Морской торговый путь

Огромное значение в экономической жизни Севера имеет морской торговый путь. Со времени большой Северной экспедиции

1733-1743 годов через 130 лет английский капитан Биггинсон и шведский профессор Норденшельд в середине 70-х годов XIX столетия установили возможность сообщения с иностранными портами через Карское море, в котором в отдельные годы встречается мало льдов, и оно бывает доступно для плавания. Эта возможность подтверждена была несколькими экспедициями к устьям рек Обь и Енисей, снаряженными от Академии наук, от Общества содействия русскому торговому мореходству и русской промышленности, и от Министерства финансов.

С 1878 до 1898 года разрешался на короткие сроки беспошлинный ввоз товаров в устья Енисея и Оби. Так завязались торговые сношения англичан.

Для оживления Севера, подъема и развития местной промышленной жизни необходимо было именно порто-франко, и не краткие разрешения (на 3-5 лет), а на более длительное время, и этот вопрос одно время оживленно разрабатывался сибирской прессой и Государственной Думой. Но правительство, которому было заявлено об этом, сначала выдало разрешение на порто-франко, а потом в угоду Крестовникову (сибирскому фабриканту) и другим представителям сибирского капитала это разрешение отменило, и на английские товары, доставляемые морским путем, была наложена пошлина.

Вследствие успехов иностранцев в плавании Северным морским путем, сибирские купцы тоже сделали попытку отправки в 1897 году в числе иностранных товаров в Сибирь кирпичного чая из Ханькоу через Лондон и Карское море в устья Оби и Енисея в количестве 154 000 пудов, и попытка эта оказалась удачной. Английской фирмой «Поппам» груз чая доставлен так скоро, что чай даже в Тюмени появился через четыре месяца, тогда как старым монгольским путем для этого требовалось до двух лет. Затем, в 1899 году та же транспортная контора «Поппам» снарядила товарную экспедицию в Сибирь, но она оказалась неудачной, вернулась обратно в Англию, не пройдя в Карское море через проливы, забитые льдами.

В числе вернувшихся тогда в Англию товаров было также много кирпичного чая. Московские чаеоторговцы просили разрешение у Министерства финансов на провоз его с другими товарами в Сибирь по железной дороге, но разрешение не получили, и чай был отправлен обратно в Ханькоу, откуда монгольским путем через Кяхту и Иркутск направлен в Сибирь, и только на третий год попал на сибирские рынки.

В 1899 году из Тобольска была направлена пароходными компаниями Корнилова и Плотникова торговая экспедиция с грузом 200 000 пудов пшеницы для обмена на заграничные товары. Обмен при встрече судов прошел благополучно. Из Англии получены чай, рис, олово, жель, гарпиус, машинные вещи, всего около 300 000 пудов.

В сентябре из Лондона в Екатеринбург поступила телеграмма с извещением о том, что из пяти кораблей, ходивших в ту навигацию к берегам Сибири с заграничными товарами, один корабль отстал и в фиордах у берегов Норвегии, наскочив на подводный камень, затонул с грузом.

Крушения и аварии терпели и речные суда. В 1879 году отправлены были в море для обмена товаров три шхуны Трапезникова с грузом пшеницы, сала и спирта, и все погибли: одна в Обской губе, две в Карском заливе. В Обской губе погиб и пароход «Луиза».

Суда гибли по причине неимения в то время морских карт и наблюдательных знаков, отсутствия перегрузочных баз и портового оборудования.

Лишь в советское время Северный морской путь стал более безопасным. Составлены морские карты, на трассах арктических морей устроено навигационное оборудование, радиостанции, авиабазы, маяки, метеостанции.

Обь-Енисейский канал

В соседнем с Обским Севером Нарымском крае существовал Обь-Енисейский канал. (На современной карте он обозначен на границе Томской области и Красноярского края на водоразделе рек Кеть и Кас). Канал построен в конце XIX столетия с целью установления сплошного водного пути от Урала до Китайской границы. Проект оказался неудачным, и канал был заброшен.

Инициатором строительства являлся енисейский купец Фунтусов. Он выбрал направление канала по такому пути: из реки Обь в реки Кеть, Озерная, Ломоватая, Язевая, озеро Большое, реки Малый Кас, Большой Кас, Енисей. По этому пути Фунтусов первый и приступил к рытью канала. Хотя его работа на первых порах и не достигла желаемого результата, но им был прокопан канал длиной восемь верст. После Фунтусова капитан Сиденсер ходатайствовал о разрешении ему организовать акцию-

нерное общество для постройки канала, но в этом правительство ему отказало.

Затем намеревался осуществить эту идею известный энергичный деятель Севера, много лет работавший над решением вопроса о морском пути из Сибири в Европу, Сидоров.

М.К.Сидоров обладал большими денежными средствами и просил Восточно-Сибирское губернаторство разрешить ему провести канал без всякого пособия от казны, но ему ответили: «Если бы канал был нужен, то он сделан был бы и без Сидорова, а так как канал не нужен и проведение его на Севере решительно невозможно, то в просьбе Сидорову отказать».

Однако впоследствии (в 1883 году) к строительству канала приступило правительство. Работы тянулись много лет при плохом качестве. Канал был пригоден только для мелководных судов и со временем заброшен.

В 1927 году Красноярская рыбохозяйственная станция произвела обследование водораздела между Обью и Енисеем и выяснила, что канал окончательно пришел к разрушению. Шлюзы не действовали, деревянные гидротехнические сооружения сгнили, железные части растасканы, образовавшиеся местами лесные завалы заросли травой, забиты плавником, так что этот водный путь стал совершенно непригодным для судоходства.

Упомянутым предпринимателем и исследователем Севера проектировалось еще соединение бассейна Оби с бассейном Печоры и проводились исследования удобных перевалов через Северный Урал, продолженные потом Сибиряковым и Голохвастовым. По исследованию Сибирякова оказывалось, что сообщение между Обью и Печорой удобнее всего организовать по волокам Щугорскому и Сосьвинскому. Первый волок находится между Ляпиным (приток Северной Сосьвы) и Щугором (приток Печоры) протяжением 200 верст. Сосьвинский волок между Обью и Печорой находится между селом Няксимволем и селом Троицко-Печорским на Печоре, его протяженность 300 верст.

Жители Ляпина с давних пор отправляли по Щугорскому перевалу на Печору зимой на оленях рыбу, олени шкуры, а печорские зыряне по этому же волоку ездили на Обь через Ляпин для закупки этих товаров.

Из Ляпина была устроена дорога через Няксиволь на Лозьву и в Ивдель, куда березовские остяки постоянно ездили зимой на оленях с рыбой, мясом, шкурами.

Этот путь мог бы связать район Сосьвы сухопутным сообщением с уральскими заводами и выйти таким образом к Пермской железной дороге.

Кое-что о железной дороге

В целях оживления богатейшего Низового края с давнего времени проектировалось соединение железнодорожным путем города Тобольска с имперской железнодорожной сетью, к которому Среднее и Нижнее Приобье тяготееет экономически. Тобольским городским управлением в течение многих лет велись безуспешные ходатайства перед Комиссией о новых дорогах, перед Министерством путей сообщения и Министерством финансов, уполномочивались для этого тобольские депутаты Государственной Думы и другие лица.

Было разработано два варианта: Тавда — Тобольск и Тюмень — Тобольск. Оппонентом по этим проектам выступил инженер Адрианов. Он составил записку на основании рекогносцировочных изысканий, произведенных в 1905 году. Кроме вариантов: по левому берегу Тобола с пересечением рек Туры и Тавды и по правому берегу Тобола с пересечением рек Туры и Тобола и Иевлевой пристани, он предложил новое направление от станции Тобол (Ялуторовск) до Тобольска. Длина этой ветки 188 верст, и Адрианов считал этот вариант более выгодным во многих отношениях. Строитель Тюмень—Омской железной дороги инженер Беер также был сторонником этого варианта, как наиболее удобного и дешевого.

Тавдинский вариант считался невыгодным и нецелесообразным для оживления Севера. На всем протяжении 180 верст дорога проходит по сплошным болотам, тогда как по Ялуторовскому варианту дорога пройдет по ровной сухой местности.

Однако впоследствии, уже в советское время, предпочтение склонялось в сторону Тавдинского варианта: предполагалось по смешанному водно-железнодорожному пути перевозить огромное количество грузов (уголь, металл, лес, рыба, хлеб) по маршруту Урал — Кузбасс и частично оживить Север, связать промышленный Юг с Северным морским путем.

Помимо Ялуторовского и Тавдинского вариантов, возникал проект линии Петропавловск — Ишим — Тобольск. В этом варианте были заинтересованы другие города, расположенные в Обь-Иртышской системе. С государственной точки зрения соединение

Тобольска с Югом признавалось более важным, чем соединение с Севером. Однако ни один из этих проектов не осуществился.

Взамен железной дороги Тюмень выдвигала проект шлюзования реки Тура ввиду ее мелководия, о чем долго велись споры Тобольска с Тюменью. Шлюзование было выгодно паромщикам и компании по строительству шлюзов. Даже предполагалось ассигновать пять миллионов рублей.

Гидротехнические сооружения и расчистка перекатов проводились и раньше, но обмеление продолжалось на всем протяжении, условия судоходства ухудшались. Это был важный аргумент в пользу строительства железной дороги.

Предполагалось, что и в Березовском уезде будет строительство железной дороги, где с 1900 года инженер Гетте проводил изыскания от Обдорска до Белковской губы с перевалом через Урал в 90 верстах от Обдорска и в 300 верстах от Белковской губы, в местности, называемой Санго-Ма. Однако выяснилось, что направление линии намечено неудачно.

Экспедиции и исследования

В 1876 году Академией наук был командирован консерватор зоологического отделения И.С.Поляков для обследования Тобольского Севера и положения рабочих на рыбопромысловых заведениях. В составленной им книге «Путешествие в долину Оби» описана ужасная эксплуатация рабочих рыбопромышленниками.

В 1876 году состоялась экспедиция от «Общества для содействия русской торговле и промышленности» в составе Матвеева, Орлова и Васильева для исследования водного и сухопутного пути из Байдарацкой губы на реку Обь через перешеек полуострова Ямал.

В 1876-77 годах в низовья реки Обь была снаряжена экспедиция членами «Общества для содействия русскому торговому мореплаванию» Сибиряковым, Трапезниковым и другими.

В 1879 году исследование северных тундр между Обской губой и Сургутом производил член-сотрудник Западно-Сибирского отдела Русского географического общества Н.К.Хондажевский. Им была составлена карта пройденного пути в зиму 1879 года. (Один экземпляр карты с маршрутом Хондажевского, отпечатанный на картографической фабрике, хранился в моем личном архиве. Передан Сургутскому краеведческому музею. — Ф.П.).

В середине 90-х годов нужды населения Тобольского Севера изучал профессор А.И.Якобий. Вот как описывается его путешествие: «Настает ночь, все укладываются спать (ногами к костру), и костер потухает. Наступает тишина. Слышно только, как хрустит снег, когда переворачиваешься. Иногда случается, что олень подойдет к чуму и разроет около вас снег, и вы чувствуете, как пробегает мимо головы морозный ветерок, закладываете это место чем-нибудь из одежды и снова стараетесь заснуть, а через верхнее отверстие чума смотрят яркие звезды. При наступлении утра костер снова разжигают и пьют чай, пригоняют при помощи собак оленей из лесу, запрягают их, разбирают чум, укладывают по нартам и снова в путь».

Транспорт Якобия состоял из 22 нарт, на которых размещались путники-самоеды: вожатый с семьей и другие с принадлежностями чума, со всеми вещами и провизией. Всего в запряжке было 54 оленя, а 30 оленей бежали на свободе, на всякий случай.

Поездка продолжалась с половины ноября до половины декабря 1895 года.

В своих докладах в Тобольске Якобий сообщал, что цель его 32-дневного путешествия достигнута, и он нашел самый северный кедр — явное доказательство того, что эта местность должна быть пригодна для миссионерского стана в том виде, как было предложено, т.е. с хозяйственным устройством. «Кедр, которого я так искал и о котором у нас велись такие длинные речи длинными вечерами у потухающего костра во время пути» свидетельствует, что в среднем и верхнем течении Надыма есть прекрасные высококачественные леса кедра, сосны, ели, лиственницы. При этом Якобий подчеркивал, что «поездка в страну Надыма имеет значение не только для решения вопроса о месте миссионерского стана, но и для изучения страны Севера и для исследования об угасании инородческих племен Севера — главных предметов моих настоящих занятий».

Перед поездкой в Надым Якобий, по его описанию, старался разузнать что-нибудь об этой стране. Через расспросы бывавших там людей и от одного северянина (Мамаев — спутник Хондажевского) он узнал, что Надым — лесное место, веселое, место теплее Обдорска, в половине июня трава выше четверти, от лугов веет теплый ветерок, поют мелкие птички.

Надымской страной были заинтересованы Тобольский музей и Общество изучения края, при котором в советское время была

организована экспедиция для обследования бассейна реки Надым, имеющего благоприятные климатические и почвенные условия с большими удобствами для рыболовства, звероловства, сплава леса к Обской губе и вывоза лесных материалов за границу, а также и для развития скотоводства.

По описанию Виктора Бартенева, пробывшего в политической ссылке в Обдорске четыре года, А.И.Якобий производил энергичные исследования, во всех его словах и действиях сквозила горячая любовь к туземцам, желание понять и защитить их. Посещая юрты остяцкой бедноты, он раздавал детям подарки (игрушки), ласкал их. Расспрашивал о всех нуждах, вникая в мельчайшие подробности, и туземцы очень полюбили его. «В остяцкой юрте профессор как бы олицетворял собой первый луч света той могучей и далекой цивилизации, которая до сих пор так мало доброго принесла дикарям». В лице профессора Якобия туземцы встретили одного из представителей той идейной, гуманной и самоотверженной части русского общества, которая живет любовью к родине на основе общечеловеческих идеалов. И туземцы по-своему оценили этого представителя русской интеллигенции: они относились к нему с доверчивой любовью и уважением и прозвали его вуул-хой (большой человек).

Исследуя Березовский край, Якобий посетил живущих в Казыме остяков, где пробыл три дня. По его описанию, юрты там очень хороши, в них чисто и удобно при огне чувала, и казымцы не давали признаков угасания.

1909 год. Состоялась экспедиция на полуостров Ямал под начальством приват-доцента Московского университета Бориса Михайловича Житкова по поручению Русского Географического Общества. Спутниками Житкова были ассистент сельскохозяйственного института Филатов, топограф Введенский, крестьянин Кудрин, священник Мартиниан и шесть туземцев. Цель экспедиции — исследование быта, условий жизни и фольклора каменных самоедов. Для экспедиции было подготовлено до 500 оленей, и обоз состоял из 70 грузовых нарт. О своей экспедиции Житков сделал доклад на заседании Московского общества любителей естествознания и его геологического отделения. Доклад сопровождался демонстрацией диапозитивов. Этнографическую коллекцию Житков передал в дар Антропологическому музею Московского университета.

1912 год. Состоялись экспедиции по инициативе Тобольского губернского музея при поддержке столичных научных учреждений

— Академии наук и Петербургского Ботанического Сада в Сургутский уезд по реке Вах в составе Б.Н.Городкова и учителя Ларьякской школы Дмитриева-Садовникова, а также березовского уездного ботаника Поллэ, командированного Ботаническим садом на р.Казым.

Городковым, кроме того, в 1912-1913 годах совершены поездки в бассейны рек Конда и Салым, составлен этнографический очерк «Река Конда», а о второй поездке помещена статья в Ежегоднике Тобольского губернского музея (выпуск XXI, 1913 год).

1913 год. Летом производились исследования в долине реки Щучья Обдорского края И.Н.Шуховым по поручению Зоологического музея Академии Наук и при содействии Западно-Сибирского отдела Русского Географического Общества и Тобольского губернского музея. На карту реки Щучья нанесены новые острова и зимовки русских, произведена маршрутная съемка от правого берега реки Щучья к Уралу. Собраны коллекции: по археологии 35 предметов, антропологии — 3 черепа, этнографии — 42 предмета, зоологии — 80 видов птицы, 10 видов млекопитающих, несколько экземпляров рыб; по ботанике — гербарий тундровых растений более 100 видов, по геологии — образцы минералов из осыпей реки Щучья. Все коллекции переданы в музеи Зоологический Академии наук, Тобольский и Омский.

В 1911 и 1912 годах И.П.Шухов ездил на Север по поручению Западно-Сибирского отдела Русского Географического Общества для сбора коллекции птиц. В 1914 году им же производились исследования условий жизни казымских остяков.

На лето 1913 года командирован был в Сургутский уезд Советом Томского университета доктор медицины Сергей Михайлович Чугунов (ассистент при кафедре зоологии университета) для зоологических сборов.

В качестве сотрудников по коллекционированию у Чугунова были студент Петербургского политехнического института В.А. Зайцев и сургутянин А.Я.Кушников. В течение месяца совершались экскурсии по окрестностям Сургута в лодке и пешком по речке Сайма и прилегающей к ней тайге, по тайге — на Средний и Черный Мыс, на Барсову гору — высокий правый берег Обской поймы, на острова по речке Утоплая, на Тюменский остров, на Каменный Мыс, возвышающийся саженью на 12 над уровнем воды, расположенный на правом берегу Обской поймы на обширном таежном Юганском материке, и далее на село Юганское в 65 вер-

стах от Сургута. За все указанные экскурсии Чугуновым собран зоологический материал в количестве около 2600 предметов, в том числе черепа бурого медведя, белого песца, лисицы, рыси, росомахи, выдры и других млекопитающих, шкурки зверей и птиц, рога оленя, бивень мамонта. Кроме того, гербарий из 112 видов цветковых растений, а также образцы минералов.

Доктором Чугуновым еще в 1890 году летом производился сбор материалов в том же Сургутском уезде по антропологии и этнографии по поручению Совета Томского университета. Отчет об этом помещен в «Известиях» университета в 1893 году и в «Сибирском Вестнике» 1890 года (№№85,88,90) и в Русском Антропологическом журнале 1905 года (№3-4).

Большое внимание уделялось изучению Северного Урала и берегов Карского моря. С этой целью была организована на средства братьев Кузнецовых большая экспедиция на Северный Урал от Академии наук, Географического общества, Гидрографического управления Морского Министерства и Московского общества любителей естествознания и этнографии.

Задача экспедиции — дать точную карту и разностороннее, вполне научное описание местности по восточному склону Урала, реки Кара, Югорского шара и берега Карского моря до Байдарацкой губы.

В этой местности и летом передвижение осуществляется на оленях, поэтому для экспедиции, в составе которой было более десяти научных работников, подготавливалось до 600 оленей.

Рассказ об исследователях и исследованиях Северо-Западной Сибири будет неполным, если мы не назовем имя выдающегося сибиряка Александра Александровича Дунина-Горкавича, действительного члена Русского Географического Общества и Общества Судостроения. Дунин-Горкавич собрал богатый материал по этнографии, лингвистике, природе, торгово-промышленной деятельности, сельскому хозяйству. Составил русско-остяцко-самоедский практический словарь наиболее употребительных слов по антропологии, промыслам, верованиям, обычаям и пр. Он оставил потомкам несколько обстоятельных, хорошо аргументированных научных трудов: «Север Тобольской губернии», «Географический очерк Тобольского Севера», «Очерк народностей Севера с картами распределения их», «Нужды Тобольского Севера и меры для их удовлетворения», а также памятные книжки Тобольской губернии и приложения к ним за 1908, 1911, 1912 годы.

В связи с антисанитарными условиями на рыбопромышленных заведениях в низовьях реки Оби и кабальными формами эксплуатации промысловых рабочих для осмотра этих заведений и обследования положения рабочих совершали поездки на Крайний Север генерал Томич с помощником врачебного инспектора доктором Афонским, врачи Дунаев, Почтарев и другие. Однако изменений на промыслах не происходило и положение рабочих не улучшилось.

Иностранцы изучают Север

В 1892 году шведский ученый от Академии наук в Стокгольме Фридерик Роберт Мартин предпринял ученое путешествие по Западной Сибири. Он производил этнографические и археологические исследования в местности «Барсов мыс» в 10 верстах от Сургу-та. (Результаты археологических исследований опубликованы в 1935 г. в Стокгольме на немецком языке Т.Арне).

В 1898-99 годах в Березовском уезде производились исследования венгерским лингвистом, профессором Иосифом Папай, членом экспедиции графа Зичи. Он занимался изучением остяцкого языка, собиранием былин, различных верований и вообще всего того, что касается мифологии и культуры остяков. Папай составил грамматику и словарь остяцкого языка, записал много песен, легенд и древних сказаний (народный эпос), приобрел коллекции религиозных культовых принадлежностей.

В 1899-1900 годах совершил поездки по Сургутскому уезду по реке Вах, в Березовском уезде по реке Сосьва и приобским селениям магистр философии Уно Давидович Сирелиус, командированный в Сибирь Гельсингфорским этнографическим музеем. Он тоже занимался изучением остяцких наречий, промыслов, быта туземцев.

В Тобольске, при посещении губернского музея, он заинтересовался богатой коллекцией национальных костюмов, предметов домашнего обихода, украшенных орнаментами и узорами. Получив разрешение от консерватора музея Н.П.Скалозубова, Сирелиус пересмотрел всю коллекцию с фотографированием, зарисовыванием, снятием выкроек.

В 1902-1903 годах производил исследования быта туземцев в Сургутском и Березовском уездах и по реке Конда финский лингвист, магистр философии Густав Карьялайнен, командирован-

ный Финно-угорским Обществом в Гельсингфорсе. Он также составил словари остяцкого и самоедского наречий, издал книгу о кондинских туземцах.

В 1911 году в Сургуте побывал директор Парижского Коммерческого Географического Общества Пауль (Поль) Лаббе с целью изучения быта остяков, но больше всего, как он говорил тогда при встрече с корреспондентом «Сибирской газеты» во время остановки в Петербурге, его интересует шаманизм. (Письмо П.Лаббе Г.А.Пирожникову на русском языке хранится в моем личном архиве в деле «Архив Пирожникова» — Ф.П.).

Этот французский путешественник проезжал тогда с экспедицией в Сибирь, которая давно была знакома ему по прежним поездкам. «Четвертый раз еду в сказочную Сибирь. В целом мире не найдешь страны более богатой и более интересной. Там столько интереснейших и очаровательнейших мест... Теперь я знаю Сибирь не хуже ваших географов. Путешествовал по Сибири всеми способами — от железных дорог до езды на собаках и оленях. Обошел пешком массу захолустных мест и везде находил радушный прием и желание оказывать содействие скромному путешественнику. За мои странствия по Сибири накопилось много коллекций, которые я вручил Национальному Музею в Париже. На Всемирной выставке в 1900 году мною был устроен особый отдел, посвященный Сибири. На основании добытых в Сибири материалов, пользуясь ими для иллюстраций, я прочел в Париже и других французских городах массу лекций о Сибири и ее богатствах. После девяти лет разлуки я снова возвращаюсь в Сибирь».

Посетив на этот раз только подгородные юрты, Лаббе скоро выехал из Сургута, попросив выслать ему остяцкий череп, который ему переправили в Париж через Генерального консула в Москве.

В 1913 году, в марте, в село Ларьякское Сургутского уезда прибыл на оленях из Туруханского края с тунгусом и несколькими остяками магистр философии Кай Оттович Доннер, командированный Финно-Угорским Обществом в Гельсингфорсе для лингвистических и этнографических исследований среди туземцев в Енисейской, Томской и Тобольской губерниях.

Вот как описывал приезд этого путешественника учитель села Ларьякское Дмитриев-Садовников как корреспондент газеты «Сибирский листок»: «Приехал в село тунгус тунгусом. Так же, как и тунгус, вытащил из-за пазухи несколько горностаев и начал черз

переводчика торговаться с торговцем. Цена подходящая - продает, покупает, иногда объясняясь и сам то по-тазовски (язык тазовских остяков), то знаками. «По-русски знаешь?» — спрашивают его. Только головой мотает. «Да лицо-то у тебя русское, и вопрос понимаешь, чего скрываешься?» — убеждают его. То же мотание головой. Спрашивают у тунгуса и у остяка, где такого нашли. Но и те говорят, что это тунгус. По заведенному порядку приезжих поят чаем. Уселся и он к самовару, сначала на пол, неумело свернув калачиком ноги, потом, когда предложили, — на стул. Сначала попробовал булки, потом напал на хлеб. И как ведь ел! Выпили один самовар, принялись за другой. От первого торговца пошли к другому и там — за торговлю и за еду. Наевшись, Доннер сразу же оказался знающим русский язык. «Господа, — говорит, — извините, но мне уже стыдно скрываться», — и подает свою карточку. Оказалось, что они уже несколько дней почти ничего не ели, да и до этого приходилось плохо. «Пропащего оленя кушали», — пояснял он.

Доннер занимался всеобщим изучением края и изучением наречий остяков.

Кроме упомянутых выше ученых, изучением Севера занимались финские лингвисты Кастрен и доктор Альквист.

Матиас Александр Кастрен, знаменитый лингвист, был в Обдорске в конце 1843 года. Его труды, по свидетельству историка литературы А.Н.Пыпина, в этнографическом отношении являлись по своему значению весьма важными и представляли высокий научный авторитет.

При посещении Обдорска Кастрен выражал глубокое сожаление о положении туземцев и возмущался в то же время русскими, жившими наподобие остяков, питавшимися сырой рыбой, носившими остяцкую одежду, утратившими русскую культуру, отмечая при этом грубое к нему отношение и жестокую эксплуатацию аборигенов.

Кастрен глубоко изучил языки и наречия местных народов, издал грамматики остяцкого и зырянского языков.

В 1876 году посетили Обдорск естествоиспытатели доктора Брем и Финш. Результатом изучения ими Западной Сибири явился капитальный труд «Путешествие в Западную Сибирь». (Читатель обратил, наверное, внимание на то, что экспедиции, организованные русскими учеными и промышленниками, носили практический характер: изучение природных богатств, возможностей разви-

тия промышленности, транспорта, земледелия. Экспедиции европейских ученых носили, в основном, научный характер).

Выставка в Омске

В 1911 году в Омске проходила первая Западно-Сибирская сельскохозяйственная и промышленная выставка. Для экспонирования на этой выставке Тобольский губернский музей приобрел богатую коллекцию вещей и предметов, характеризующих домашний быт и промыслово-хозяйственную деятельность туземцев Тобольского Севера.

После закрытия выставки экспонаты возвращены в музей, как собственность, на постоянное хранение.

Экспонаты были систематизированы и классифицированы по следующим разделам:

1. Полный набор верхних мужских и женских меховых одежд, головных уборов и обуви зимней и летней.

2. Набор образцов национального шитья мелких вещей (сумок, рукавиц и др.), образцов сырья для их изготовления (шкуры с ног и лаба оленя, оленья борода и др.)

3. Набор принадлежностей для шитья меховой одежды, обуви, головных уборов: различные костяные иглы, нитки из оленьих и лосиных сухожилий, шилья костяные, ножи, игольники и др.

4. Образцы крашеной кожи, краски, сырье для изготовления краски (кора лиственницы, ольхи, березы и пр. и пр.).

5. Изделия из рогов и костей оленя и лося, образцы различного клея домашнего изготовления.

6. Выделанные шкуры оленя, песца, выдры, белки и других пушных зверей, фрагменты их применения при шитье одежды для ее украшения, орудия и приспособления для выделки шкур.

7. Мелкие изделия из кости мамонта и современных животных и птиц.

8. Образцы крапивного холста, изделия из него (рубашка женская с вышитыми узорами), рыболовных сетей из крапивной пряжи, различные веревки из крапивной кудели, образцы орудий и принадлежностей для обработки крапивы: мялки, чесалки, прялки, ткацкие приспособления.

9. Образцы художественного литья из олова, бисера, бус, бубенчиков, лапок мелких зверюшек, предназначенных для украшения женской праздничной одежды.

10. Изделия из рыбьей кожи: налима, стерляди, осетра.

11. Образцы тканой и плетеной тесьмы, орудий и материалов для ее изготовления.

Ниже следует подробное наименование изделий и первичных материалов с указанием места приобретения.

Женские шапки из меха росوماхи, выдры, кусочков оленьей шкуры, украшенные хвостами песцов, шкурками с лап глухаря, с шеек гагары, а также бисером, бусами, сукном разного цвета, медными подвесками. Село Обдорск Березовского уезда. Юрты Ивашкины и Ганжеевы Локосовской управы Сургутского уезда.

Ягушка (женская верхняя зимняя одежда) — из шкуры неплюя (молодой олень), подбитая шкурками лебедя с пухом. Ворот, подол, полы, концы рукавов опущены песцовыми хвостами и мехом выдры, украшены меховым узором из шкуры неплюя и сукном разных цветов. Обдорская тундра. Юрты Кантеровы по реке Пим Тундринской управы Сургутского уезда.

Женские кафтаны из зеленого сукна, подбитые мехом из гагарьих шеек, подол мехом оленя. Воротник сшит из красного сукна и беличьих лапок, опушка из меха выдры, полы, подол, обшлага рукавов украшены бисером и оловянными отливками. Юрты Кантеровы Тундринской управы, кочевье с реки Тром-Аган Локосовской управы Сургутского уезда.

Женские халаты, летний праздничный наряд, сшитые из кумача, красной бумазеи, красного малескина, украшенные бисером, нанизанным на нитки сухожилий, узорами — аппликациями из цветных бумажных тканей. Юрты Карымкары и Алешкины Березовского уезда, юрты Кантеровы Сургутского уезда.

Женские рубашки из кумача и из желтого сатина, украшенные бисером, бусами, пуговками и оловянными отливками, подол и рукава украшены полосками ситца разных цветов: красного, черного, зеленого, оранжевого, белого, синего. Юрты Карымкары Березовского уезда, юрты Кантеровы Сургутского уезда.

Рубашка женская из крапивного холста («Ирнас»). Грудь вышита синими шерстяными нитками, красным гарусом, фабричными нитками красного цвета. Плечи и рукава вышиты домашними шерстяными нитками, узор «руть-ханч» (русский узор). Юрты Летне-Пуштинские (река Конда).

Шабур из крапивного холста («Сукман»). Обшит вокруг вороту, подолу и рукавам бумажной черной и серой материей. Юрты Красноярские (река Конда).

Шали — праздничный головной убор, шелковые, из бумажных и шерстяных ниток, украшенные подвесками из бус и бисера, колец, медных и жестяных пластинок, длинными кистями из суровых ниток, узорами из ниток золотистого и серебристого цвета. Юрты Больше-Атлымские и Карымкары, село Обдорск Березовского уезда.

Малицы — мужская верхняя одежда, сшитая из выделанных оленьих шкур мехом внутрь с головным убором (капюшоном). Парки — мужская одежда, надеваемая поверх малицы, сшитые из шкур неплюя. Гусь — мужская зимняя одежда, сшитая из шкур белых оленей с головным убором, обшитым хвостами белых песцов и обшитыми красным сукном обшлагами рукавов. Юрты Карымкары Кодской управы, юрты Собские Обдорской управы, село Обдорск Березовского уезда.

Колег — верхняя мужская одежда, сшитая из оленьих шкур, украшенная полосками из черной материи. Полы и подол украшены бисером. Река Вах Сургутского уезда.

Женская зимняя обувь «кисы» и чулки к ним, «чижи». Кисы сшиты из шкур с оленьих ног, подошвы — из шкуры со лба оленя, украшены оленьим мехом разных цветов и прокладками из красного, зеленого, желтого и синего сукна. Село Обдорск Березовского уезда.

Чирки женские (легкая обувь, наподобие башмаков), украшенные бисером. Детские башмачки из кожи осетра с украшениями. Мужская рубаха с украшениями. Приобретены в разных местах.

Рукавицы из шкур оленя и выдры. Одна пара украшена коричневым узором и вышивкой белой строчкой, волосами из оленьей бороды. Вершина реки Юган, юрты Сайгатины Тундринской управы Сургутского уезда.

Шейно-грудные женские уборы к праздничному наряду с разнообразными украшениями и узорами с типичным остяцким «ханда-ханч», с силуэтами птиц и зверей. Юрты Красноярские, Летне-Пуштинские, село Болчаровское на реке Конда.

Воротники — украшения нарядного костюма, надеваемые на шею, прикрепляемые к рубашам, кофтам, обычно украшенные бисером ярких цветов. Юрты Красноярские и Летне-Пуштинские на реке Конда.

Женские пояса, связанные из шерсти красного и синего цвета, пришитые на суконную подкладку, украшенные бисером и оло-

вянными отливками. Носятся при праздничном наряде поверх кофты, платья. Юрты по реке Конда, юрты по реке Салыму Сургутского уезда.

Свадебное украшение головы и кос остяцких женщин. Украшено оловянными отливками и разными подвесками.

Свадебное украшение головы и кос остяцких женщин, надевается на голову и спускается по спине. Образец отличается обилием украшений из бисера, бус и разнообразных материалов. Юрты Красноярские, река Конда.

Свадебное украшение головы и кос. Образец со своеобразными украшениями: оловянными отливками, подвесками из вещей археологического происхождения и пр. Город Березово.

Свадебное украшение головы и кос своеобразного устройства по сравнению с другими. Разнообразные подвески с использованием археологических предметов. Юрты Летне-Пуштинские. Река Конда.

Образцы бисерного плетения, нашиваемого на одежду. Юрты Соровые, река Салым Сургутского уезда.

Полотенце из крапивного холста с тканым узором на обоих концах. С реки Салым Сургутского уезда.

Женские рабочие сумки из оленьей кожи с украшениями для хранения принадлежностей шитья. Село Обдорск Березовского уезда.

Кошелек из шкуры выдры для хранения огнива. Приспособление для ношения топора на поясе при ходьбе в лесу, сделанное из рога оленя. Село Юган Сургутского уезда.

Литье из олова: перстни с узорными печатками, трубка для курения табака, блесны для ловли щук с залитыми в олово двумя рыболовными крючками с зазубринами, с привязанными лоскутками красного сукна и оленьей шкуры с белой шерстью. Формы и сосуды для отливки оловянных украшений, камень с вырезанными на нем 4 видами форм для отливки, формы из коры осокоря. Река Юган и Аган, юрты Казымкины, Урьевы Локосовской управы Сургутского уезда.

Принадлежности для раскраивания шкур и меха при шитье из них одежды: кожи, доски, скобели. Очки для защиты глаз от блеска снега весной с прорезьями, опушенными мехом и с завязками из шерстяного шнура. Делаются из кожи и других подходящих материалов. Село Обдорск Березовского уезда.

Пластинка — накладка на левую руку для защиты от удара тетивой спущенного лука. Сделана из оленьего рога, украшена резьбой. Село Ларьякское Сургутского уезда.

Мерки для пороха и дробы из костей оленя и лося, украшены резьбой. Дробовницы для запаса дробы на охоте, сшиты из кожи, с горлышком из оленьей кости и пробкой тоже из кости. Юрты Урьевы Локосовской управы Сургутского уезда.

Крюк для подвешивания детской колыбели из рога оленя. Юрты Егутские.

Женский музыкальный инструмент (домбра), играют на нем губами. Юрты Угутские Юганской управы Сургутского уезда.

Мужской музыкальный инструмент «Лебедь». Из Березовского уезда.

Пояса кожаные мужские для ношения охотничьих ножей, с пряжками для застегивания, украшенные медными бляшками. К поясу на цепочках крепятся деревянные ножны, обтянутые кожей и медными обручами. В ножны вставляются ножи. На одном поясе ручка ножа сделана из кости мамонта, на другом — деревянная, покрытая оловянной обкладкой с прорезным узором. К поясам крепятся медвежьи зубы — талисманы туземцев и кожаные кошельки. На одном поясе кошелек с оселком, на другом два кошелька, в первом — тоже оселок, во — втором древесная стружка для пыжей. Село Обдорск Березовского уезда.

Кошельки для хранения денег, табака и пр. Сшиты из хорошо выделанной покрашенной кожи оленя, с различными украшениями.

Арканы (тынзян, тянзян) для поимки в стаде оленей — длинные плетеные или ременные веревки. Село Обдорск Березовского уезда.

По рыбному делу представлены в музей в моделях: вары из мочальной мережи, то есть запоры, перегораживающие устья соровых речек, гимги (морды) летние и зимние, сети муксуновые и сырковые, соровые однотетивные и двухтетивные на разную рыбу, рукава с запором из соснового жильника для ловли рыбы в устьях речек и в живцах, невода из крапивной пряжи и другие рыболовные снасти, образцы веревок из кедрового корня и из таловой коры.

По звероловству в моделях: сторожевые луки на медведя, лося, волка, росомаху, лисицу, выдру, луки и стрелы для ручной охоты на белку, боровую и водоплавающую дичь, черканы и другие разнообразные приспособления и устройства.

Все эти экспонаты, как уже было сказано выше, были собраны в разное время на севере Тюменской области. Позднее они

экспонировались не только на первой Западно-Сибирской выставке в Омске.

Многие из этих экспонатов после окончания выставки были переданы в Тобольский губернский музей, где до сих пор числятся в фондах и часто используются при подготовке новых экспозиций.

ПО ГОРОДАМ И ВЕСЯМ

Березов

Березов расположен на левом берегу реки Сосьва на трех высоких холмах, окруженный еще и речкой Вогулка, впадающей в Сосьву, а с юго-западной стороны — хвойным лесом.

Первоначально, в 1592 году, отправленными для завоевания Севера казаками построено было укрепление (острог) Березов, получившее это название от находившейся ранее на этом месте березовой рощи и бывшего тут остяцкого городка «Сумгут-Вож», что значило «березовый городок». В следующем 1593 году построен и самый город Березов воеводой Никифором Траханиотовым.

Путь из России на север Сибири в то время лежал через ущелья Уральских гор по реке Сосьва с ее притоками. И назывался Русской Засекой.

В 1892 году 9 мая Березов праздновал 300-летний юбилей, т.к. основание русскому укрепленному поселению заложено в 1592 году. В тот год в Березов основателями острога, казаками, были привнесены высокочтимые святыни этого города — древние иконы Михаила Архангела и Николая Мирликийского.

Хотя Березов красиво расположен на возвышенном месте, посреди него находилось болото, невысыхающее и в летнее время, куда весной и осенью садились перелетные птицы: утки, гуси, лебеди. К провиантским складам по ночам забредали медведи, убиваемые сторожевыми казаками, а во дворы иногда заходили лоси, коих ловили арканами.

Население Березова состояло из казаков и стрельцов, посылаемых Московским правительством для «объясачивания» инородцев, и из духовенства. Впоследствии население увеличивалось за счет вольных переселенцев из мещан, купцов и прочего звания людей. Численность населения в городе: 1875 г. — 1888 чел., 1897 г. — 1071

чел., 1902 г. — 1169 чел., 1905 — 1170 чел. Ревизских душ во всем Березовском уезде в 1828 году во время составления окладных книг, по сведениям бывшей ясачной комиссии, числилось остяков — 6187 душ, а самоедов — 2398 душ, в 1850 году всего — 8899 душ.

В первые годы после основания Березов подвергался неоднократным нападениям со стороны туземцев — остяков, вогулов, самоедов, как главный город в низовьях Оби, откуда исходили все распоряжения по взиманию ясака и других поборов. Поэтому город тогда имел и военно-стратегическое значение.

Потом Березов, как глухой и далекий от центра страны городок, сделался местом ссылки важных государственных преступников.

В 1727 г. сослан в Березов князь Александр Данилович Меншиков, любимец Петра Первого, с сыном Александром и дочерьми Марией, обрученной невестой Петра Второго, и Александрой.

Летом 1730 г. прибыл в ссылку князь Иван Алексеевич Долгоруков, любимец Петра Второго, с женой Натальей Борисовной (дочь князя Шереметьева), отцом князем Алексеем Григорьевичем и матерью, тремя братьями и тремя сестрами, из которых Екатерина Алексеевна — вторая обрученная невеста Петра Второго.

Все эти бывшие государственные деятели содержались в остроге. Для окарауливания их из Тобольска наряжалась команда в составе одного офицера и пятнадцати солдат.

В октябре 1729 г. князь Меншиков умер и похоронен вблизи Богородицы — Рождественской церкви г. Березова на берегу реки Сосьва, в двадцати саженьях (40 метров) от острога, в котором он находился в заточении. До устройства каменной церкви на этом месте Меншиковым построена была деревянная церковь, сгоревшая в 1806 году.

В Москве в Государственной Третьяковской галерее имеется картина художника Сурикова «Меншиков в Березове».

Со смертью Меншикова дети освобождены были из острога с правом жительства в Березове, хотя и под надзором.

С целью освободить и увезти из ссылки Меншикова в Березов приезжал князь Федор Долгоруков, взявший паспорт за границу и прибывший сюда под другим именем, хотя Меншикова он уже не застал живым.

Старшая дочь Мария тайно вышла замуж за этого князя, но через год умерла от родов двух близнецов, тоже умерших. Она

похоронена вместе с детьми близ соборной церкви, над могилой ее установлен деревянный крест с буквой «М» под княжеской короной, с деревянной оградой. Вскоре после смерти Марии Меншиковой умер ее муж Федор Долгоруков, похоронен тут же у церкви.

Могила князя Меншикова не существует с давнего времени. Подмытая водами реки Сосьва, она уничтожена обвалом берега.

Летом 1825г., по распоряжению тобольского губернатора Бантыш-Каменской, производились раскопки для отыскания могилы Меншикова, но ошибочно была открыта могила его дочери Марии.

В 1731 г. сын Меншикова Александр и дочь Александра были освобождены от ссылки и возвратились в Москву.

Старики Долгоруковы пробыли в ссылке около четырех лет, умерли там. Дети их прожили в Березове еще несколько лет.

Княжны Долгоруковы и Меншиковы занимались рукоделием. В Березовском соборе хранились две парчевые священнические ризы, шитые этими княжнами, а в другой церкви — две бархатные ризы княжен Меншиковых, пожертвованные еще самим Александром Даниловичем. (Одна из этих риз, подаренных князем Меншиковым, передана в Остяко-Вогульский (Ханты-Мансийский) окружной музей. — Ф.П.).

Кроме облачений, в этом же соборе сохранились две церковные книги, присланные уже из Москвы Еленой Алексеевной Долгоруковой по возвращении из ссылки с собственноручными надписями: «1764 года, сентября 1 дня. Сию книгу дала вкладу в церковь Всемиловитового Спаса, что в Сибири в Березовском остроге, на поминание своих родителей, преставившихся тамо. Княгиня Елена князя Алексеева дочь Долгорукова».

Кроме того, из Березова вывезены и хранятся в других местах еще следующие достопримечательности:

1. Военная хоругвь или знамя казаков, основавших Березов. Это воинское знамя хранилось в Березовском соборе, но в восьмидесятых годах прошлого столетия перевезено в Омск для хранения в войсковой церкви бывшего Сибирского казачьего войска.

2. Золотой медальон превосходной отделки на белой атласной ленте, с помещенной на лицевой его стороне под выпуклым стеклом пряди волос, поступивший в Березовский собор, по преданию, от князя Федора Долгорукова вместе с иконой. Хранящиеся в медальоне волосы взяты от умершей жены его Марии Александр-

ровны Меншиковой. Медальон этот в 1889 г. передан Тобольскому губернскому музею.

Кроме воинского знамени, при основании Березова казаками в 1592 г. привнесены были еще иконы, хранившиеся в Березовском соборе: Архистратига Михаила, Георгия Победоносца, Николая Мирликийского. Икона Георгия Победоносца украшена древними серебряными накладками с редким орнаментом и с надписью о том, что она принесена в Сибирь в 1592 году казаками, основателями Березовского острога. В том же соборе хранились древние иконы Богородицы Одигитрии и Всех Скорбящих Радости. Первая икона большого размера со времени основания Березова стояла над воротами городской башни, потом перенесена в церковь. Подлинная икона, по преданию, увезена была в Москву, и с нее сделан список (копия) в меньшем виде, который и находится в соборе. Вторая икона пожертвована воеводой Моисеевым с надписью на ней этого жертвователя.

Иконы Георгия Победоносца, Богородицы Одигитрии и Всех Скорбящих Радости, хранившиеся в Березовском соборе, в 1939 г. доставлены в Омский областной краеведческий музей во время предпринятой на Север экспедиции.

Братья Долгоруковы имели широкое знакомство с березовскими обывателями и служилыми людьми и вели разгульную жизнь. Раз во время попойки подьячий Тишин стал приставать к княжне Марии Долгоруковой со своими грубыми желаниями, за что по ее жалобе и был избит гарнизонным офицером. Тогда в отместку этот канцелярист настрочил губернатору донос на всю долгоруковскую компанию о дерзких словах в адрес царицы Анны и ее фаворита Бирона. Назначено было следствие, подтвердившее донос, учинена расправа. Это происходило весной 1738 г. Первым арестован был Иван Долгоруков и заключен под строжайший караул. Потом, уже поздней осенью, в одну темную дождливую ночь взяты и отправлены вместе с князем Иваном Долгоруковым на судне в Тобольск несколько тамошних приверженных Долгоруковым жителей: шесть священников, дьякон, караульный майор Петров, который пропускал жену Ивана Долгорукова Наталью Борисовну к передаче ночью к мужу через оконце пищи.

Из числа березовских обывателей 19 человек в Тобольске наказаны кнутом и разосланы по разным местам или отданы в солдаты, один обезглавлен. Князь Иван после суда в Тобольске был отправлен в Россию и там под Новгородом по Указу Правитель-

ствующего Сената колесован. Братьев Ивана Белобородова, Николая и Александра, после урезания языков и сечения сослали в работу: первого — в Охотск, другого — на Камчатку, третий — Алексей — тоже на Камчатку матросом. Сестры разосланы по женским монастырям: Елена — в Тюменский, Анна — в Верхотурский, Екатерина — в Томский и там пострижена в монахини.

За дружественное обхождение с Долгоруковым, кроме духовенства и обывателей, по доносу отдан был под суд и разжалован в матросы лейтенант Овцын, состоявший командиром экспедиции по исследованию берегов Обской губы и Полярного моря по назначению Адмиралтейств Коллегии.

В архиве Томского Алексеевского монастыря имелся документ о княгине Екатерине Алексеевне Долгоруковой, прожившей в Томске более года в заточении в Рождественском девичьем монастыре. По записанным со слов старожилов рассказам, Долгорукова в монастыре находилась в такой обстановке: небольшая бревенчатая из необтесанных бревен избушка, вроде крестьянской бани «по-черному» с маленькими окнами, являлась ее жильем-кельей. Мебелью служили грубо сколоченные стол и два стула, лавки вдоль стен и скамья, приставляемая к лавке вместо кровати. Питалась подаванием, собираемым ходившими по домам старухами монахинями или приносимым жителями города. Караул был строгим, согласно именному указу, велено было «по пострижении содержать девку Екатерину в оном девичьем монастыре под накрепчайшим караулом». Без постороннего лица княжне не позволялось даже переменить белье.

При Елизавете Петровне (1741 г.) возвращены из ссылки все жертвы Бирона. Возвращена из монастыря и Екатерина Долгорукова. Все сестры вернулись в 1742 г. в Россию, им возвращены фамильные права и родовые имения. Возвращены из ссылки и братья Долгорукова и служащие из духовенства. Княжна Долгорукова уже 33-летней женщиной вступила в брак с генералом Брюсом.

В 1742 году сослан в Березов член верховного тайного совета граф Андрей Иванович Остерман с женой. В 1747 г. он умер, похоронен против бывшего острога, тоже близ церкви, над могилой его стоит крест с буквами «А.О.», окружена деревянной оградой.

В течение долгого времени в Березове хранились 4 чугунные пушки времен Пугачева с клеймом 1740 года. По последним сведениям, эти пушки, лежавшие у собора на берегу реки Сосьва, на слабом грунте, во время наводнения подмыты и снесены в реку.

В первой половине XIX столетия в Березове находились в ссылке декабристы.

Ентальцев Андрей Васильевич, подполковник, командир артиллерийской роты, отнесенный по приговору суда к седьмому разряду государственных преступников и приговоренный к четырем годам каторги, но отбыл только год работ в Петровском заводе и в 1828 г. водворен на поселение в Березов, где жил с приехавшей к нему женой. Материально был обеспечен, получая достаточные суммы денег из России, много помогал бедным жителям города. Ентальцев хорошо был знаком с медициной, умел готовить лекарства и оказывал медицинскую помощь всем обращающимся к нему, чем заслужил всеобщую любовь и уважение. Потом Ентальцев переведен был в Ялуторовск, где и умер.

Барон Алексей Иванович Черкасов, поручик квартирмейстерской части Южной армии, также отнесен был к седьмому разряду государственных преступников, осужден к четырем годам каторги. Но после одного года каторжных работ в Восточной Сибири он вместе с Ентальцевым водворен на поселение в Березов, откуда переведен в Ялуторовск в 1833 г. В 1837 г. Черкасов вместе с некоторыми другими декабристами определен рядовым в действующую кавказскую армию. Умер в Москве.

Фохт И.Ф., штабс-капитан Азовского пехотного полка, отнесенный к восьмому разряду государственных преступников, осужден к лишению чинов, дворянства и ссылке в Сибирь на вечное поселение с сокращением срока до 20 лет. В 1826 г. водворен на поселение в Березов, откуда переведен, ввиду болезненного состояния, в Курган. Фохт так же, как и Ентальцев, не будучи врачом, очень любил медицину, имел свою аптечку и оказывал бесплатную помощь бедноте, и пользовался уважением. В Кургане Фохт умер в 1842 г., оставив о себе лучшие воспоминания.

Друцкий-Горский Иосиф Викентьевич, полковник гвардии, был участником войны 1812 года, где и получил семь тяжелых ран. Он приговорен без лишения прав и дворянства к ссылке в Сибирь и водворен на поселение в Березов, затем переведен в город Тару, где арестован по подозрению в намерении в сообщничестве с ссыльными поляками произвести бунт в Омске, куда и был доставлен, но следствие по этому делу выяснило непричастность его к раскрытому заговору. Друцкий прожил в Омске 10 лет и там умер.

В Березове, Таре и Омске Друцкий зарекомендовал себя раз-

дражительным, неуживчивым человеком, заводил тяжбы с обывателями, даже к товарищам по ссылке Ентальцеву, Черкасову и Фохту относился враждебно, посылал доносы, обвинял их ложно в организации противоправительственного мятежа.

После декабристов, уже в сороковых годах в ссылке в Березове находился казахский султан, подполковник Губайтулла Валиев, заподозренный в возмущении казахов.

В 1905 г. в Березов были сосланы члены исполнительного комитета первого Петербургского Совета рабочих депутатов и много политических ссыльных из разных мест, в том числе Лев Троцкий, благополучно бежавший тогда из пределов Березовского края зимой на оленях через Северный Урал.

Обдорск

Обдорск расположен на высоком правом берегу реки Полуй, впадающей в 5 км от Обдорска в Обь. Основан в 1593 г. Посамоедски он называется «Салехарт», т.е. мысовой город, по-остячки — «Пулноват».

Обдорск являлся крепостью для умирения туземцев, нападающих на Березов, в коем они видели заступника в лице князька Тайшина, получившего от русского правительства грамоту на управление ясачными людьми

Для охраны Обдорского острога назначались из Березова отряды казаков в 50 человек и более. Послано было в Обдорск «две пушки железные со станками и колесами калиберовые, да при них дрови 300».

В отдаленных тундрах туземцы неоднократно восставали против князьков и воевод.

В 30-40 годах XIX века происходило большое восстание туземцев под предводительством Ваули Пиеттомина, который, разъезжая по тундрам и отбирая у богатых самоедов оленей, раздавал их неимущим. В 1839 году Ваули был арестован, наказан плетью и выслан в Сургутское отделение, в отдаленную Пирчину волость (на границе с Нарымским краем), откуда вскоре бежал со своим товарищем Майри Ходакы и вновь чинил нападения на богатых оленеводов. В 1841 г. Ваули с отрядом своих единомышленников до 400 человек предпринял поход на Обдорск, где ежегодно в январе проходила ярмарка, на которой наряду с торговлей проходил сбор ясака. Целью Ваули было смещение обдорского князя Тайшина,

назначение на его место остяка Янку Муржана, снижение ясачных платежей и цен на муку и припасы, повышение цен на пушнину.

Но это нападение ему не удалось. Ваули был предан своим же компаньоном по торговым делам Нечаевским. Его осудили и сослали в Восточную Сибирь, где он бесследно затерялся.

Нападения на богатых оленеводов совершались и после Ваули его последователями самоедами Пани, Хорыме, Хынды и др. В Тазовской местности они организовали шайку, отбирали оленей у богачей и раздавали беднякам. В конце концов их поймали сородичи и жестоко наказали: вывихнули руки, повредили суставы пальцев. Особенно тяжело был наказан Пани, слывший между самоедами шаманом, как и Ваули, а чтобы он не смог причинить людям вреда, ему, по самоедскому понятию, полагалось изуродовать пальцы.

В 1937 г. научные сотрудники Омского архивного управления обнаружили в архиве дело «О возмущении остяков Березовского края самоедом Ваули Пиеттомином», представляющее большую научную ценность, так как это дело дает ряд новых фактических данных о Ваули и его движении, которые прежде не были известны и не упоминались исследователями Севера. (Движение Ваули описано в книгах: М.Анисимова «Ваули», Свердловск, 1980 г., М.Е. Бударин «Сын племени ненягов», Свердловск, 1964 г., Ф.Показаньев «Город древний, город славный», Сургут, 1994 г. — Ф.П.).

При царизме Обдорск служил местом политической ссылки. Наиболее известен ссыльный Виктор Бартенев, написавший и издавший в 1896 г. книгу «На крайнем Северо-Западе Сибири. Очерки Обдорского края» и брошюру «Понятия обдорских остяков о грехе».

Обдорская ярмарка, называемая Васильевской, проходила со 2-го по 25-е января. Туда съезжались туземцы из разных мест: самоеды-кочевники с Северного Урала, с полуострова Ямал (каменные самоеды), с Тазовского полуострова (низовьи самоеды), из Туруханского края, зыряне из Архангельской губернии (ижемцы), как скупщики оленьих шкур для выделки замши. Приезжали торговцы даже из Тобольска. Туземцы привозили мамонтову кость, моржовые клыки и ремни, шкуры лисиц и песцов, оленьи шкуры и одежду из них, шкуры белого медведя, разную пушнину, рыбу, моржовый жир (ворвань).

На ярмарочной площади торговля проводилась в амбарах и с нарт, где выставались разные ходовые товары и всевозможная

мелочь: чай, табак, кремни и огнива, сукна ярких цветов, холсты, капканы, мережа, котлы, железные листы, медные побрякушки, кольца, пояса и т.д.

Настоящие торговые операции совершались не на площади, а в домах, где туземцев сначала угощали водкой, иногда разбавленной и настоящей на табаке, после чего начиналась скупка у пьяных остяков и самоедов за бесценок пушнины, рыбы, другого дорогого товара.

Ярмарки эти не всегда бывали удачными и многолюдными. Так, например, в 1911 г. из-за гололедицы остяки и самоеды долго стоять с оленями вблизи Обдорска не могли и вынуждены были уехать. В том же году русские и зырянские торговцы-скупщики еще в начале зимы устроили станы-зимовки на Ямале, Надыме, Обской губе, так что отпадала нужда ехать на ярмарку в Обдорск. Иногда туземцы ехали для сдачи пушнины в Сургут, а не в Обдорск. А однажды по тундре прошел слух, будто в Обдорске мало вина, и олени обозы направились в Сургут.

В 1911 г. на Обдорскую ярмарку все-таки поступило пушнины приблизительно на 240 тыс.рублей. Продано песка белого 8000 на 120000 руб., белки 30000 — на 10000 руб., лисицы 500 — на 8000 руб., оленьих шкур 15000 — на 50000 руб., шкур белого медведя 50 — на 5000 руб.

Послесловие издателей

В рукописи Г.А.Пирожникова был собран материал о городе Сургуте. Редактор-составитель Ф.Я.Показаньев решил не использовать его в данном издании, поскольку считал, что в начале девяностых годов двадцатого века было издано несколько книг по истории Сургута, в которых представлены многие факты и события, описываемые Пирожниковым.

Кроме того были исключены некоторые заметки, которые автор приводил в рукописи, ссылаясь на конкретный источник, вернее, на опубликованные ранее в различных изданиях статьи.

Как редактор-составитель книги «Записки уездного исправника» Ф.Я.Показаньев проделал огромную работу. Он тщательно проверил все факты, попытался систематизировать материал, не нарушая общую концепцию рукописи Г.А.Пирожникова.

*ИЗ ЛИЧНЫХ ФОТОАРХИВОВ СЕМЬИ
ПИРОЖНИКОВЫХ*

*Евросиния и Григорий
Пирожниковы.
1903 год.*

*Дети исправника
Пирожникова
Поля, Лена, Соня, Кеша.*

*Дом исправника в Сургуте.
1916 год.*

ИЗ ЛИЧНЫХ ФОТОАРХИВОВ СЕМЬИ ПИРОЖНИКОВЫХ

*Дети исправника Пирожникова:
Пульхерия, Гавриил, Иннокентий.
1915 год.*

*Мария, Александра,
Пульхерия — дочери
исправника
Пирожникова,
Наталья, внучка,
Ольга, правнучка
исправника
Пирожникова.
1968 год.*

ИЗ ЛИЧНЫХ ФОТОАРХИВОВ СЕМЬИ ПИРОЖНИКОВЫХ

*Сургутский уездный
исправник Г.А.Пирожников.
1914 год.*

*Мария Григорьевна Юмина,
младшая дочь исправника
Пирожникова.
Февраль 2001 год.
г. Симферополь.*

Улица старого Сургута. 1965 год.

**ОТЗЫВЫ НА РУКОПИСЬ
Г.А.ПИРОЖНИКОВА «ОБЬ-ИРТЫШСКИЙ
СЕВЕР»**

ПИСЬМО ИЗ ЛЕНИНГРАДА

Академия Наук Союза Советских
Социалистических Республик

Институт этнографии
им. Н.Н.Миклухо-Маклая
г.Ленинград, Университетская наб.,3.

Многоуважаемый тов.Пирожников.

Ваше письмо, адресованное в Московскую часть Института Этнографии, было переслано в Ленинград на заключение коллектива научных сотрудников сектора Сибири нашего института. Насколько можно судить по приложенному к письму подробному оглавлению,готавливаемая Вами работа представляет несомненный интерес для изучения истории и этнографии народов Советского Севера.

В дальнейшем, в целях получения интересующих Вас научных отзывов о работе, необходимо Ваш труд после его завершения переслать в сектор Сибири института Этнографии Академии Наук СССР по адресу: Ленинград 164, Университетская Набережная, дом N3.

Ученый секретарь Ленинградской
части Института Этнографии А.Н.СССР
В.П.Якимов.

26 июля 1963 года

ОТЗЫВ
НА РУКОПИСЬ Г.А.ПИРОЖНИКОВА
«ОБЬ-ИРТЫШСКИЙ СЕВЕР»

В рукописи собран большой фактический материал о жизни, быте, хозяйстве и культуре народов Тобольского Севера. Автором изучена обширная литература по указанным вопросам, список которой приложен к рукописи.

Однако, представленную рукопись можно рассматривать лишь как систематизированный по отдельным разделам материал для книги, в целом ряде мест весьма интересный. Публиковать рукопись можно только после доработки.

Е.Шувалов, кандидат географических наук,
проректор СГПИ по научной работе.

20 декабря 1963 года

ОТЗЫВ
НА РУКОПИСЬ Г.А.ПИРОЖНИКОВА
(Письмо к дочери Г.А.Пирожникова М.Г.Юминой)

Уважаемая Мария Григорьевна, я с удовольствием прочитал рукопись Григория Александровича. Она представляет несомненный интерес и ценность, так как обобщает личные наблюдения Григория Александровича о жизни и быте народностей Севера, а также концентрирует сведения о нашем крае, опубликованные ранее в исторической литературе.

Мария Григорьевна, мне кажется, что материал (в настоящее время — рукопись) издать невозможно по следующим причинам:

1. Рукопись требует серьезной редакции и проверки некоторых фактов. Я за это дело взяться не могу — нет времени.

2. Материал не является злободневным, т.к. не отражает тех грандиозных изменений, которые произошли в нашем крае за последние 10-12 лет в связи с открытием и освоением больших запасов нефти и газа.

3. К Сургуту сейчас приковано внимание не только государственных деятелей и ученых, но также писателей, журналистов, работников искусств, которые будут стремиться в первую очередь реализовать свое творчество.

Мария Григорьевна, я совершенно не хочу умалить труд Григория Александровича, но издать его, кажется, будет нелегко.

С уважением Ф.Я.Показаньев.

29 января 1969 года.

Обь-Иртышский Север

*этнографический очерк
в двух частях*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Составил Г.Пирожников

*Посвящаю коллективу
научных сотрудников сектора
Сибири Ленинградского
Института Этнографии
имени Н.Н.Миклухо-Маклая*

Природа

Обский, бывший Тобольский Север, занимал пространство приблизительно около миллиона квадратных метров, превышая Францию, Германию и Италию, взятых вместе.

Рельеф представляет огромную Западно-Сибирскую низменность с уклоном к Северу, с беспредельными водными и лесными пространствами и необъятными полосами тундры и тайги.

В состав его входили бывшие уезды Березовский, Сургутский и северная часть Тобольского уезда, пространства коих делились на два пояса или зоны — полярно-тундровой области полярного моря с Карским морем и Обской губы, полярной тундры, поросшей карликовыми деревьями, мхом, и области тундр и лесов, с летними и зимними кочевьями туземцев, частицы русских пунктов и второй пояс — область высокоствольных лесов.

Через всю территорию края протекает величайшая и богатейшая по высокоценным породам рыб река Обь, берущая начало из двух Алтайских рек - Катунь и Бии, у высочайшей вершины Алтая — Белухи и Телецкого озера. Река эта имеет длину около 3500 км., шириной от 2-х до 25 км, а устье ее шириной около 50 км.

Обь принимает притоки — Чулым, Кеть, Тым, Вась-Юган, Парабель и Чаю в соседнем с Сургутским Нарымском крае, Вах, Аган, Лямин, Большой Юган, Балык, Салым и Пим в бывшем Сургутском уезде и Конду, Сосьву, Казым, Ляпин, Ковенский, Еждырь, Васпуголь, Нянынь-Яган, Хугот, Сеульский, Чемашевский, Шеркальский, Больше-Атлымский и Малоатлымский в бывшем Березовском уезде, Демьянку и Назым в бывшем Тобольском уезде.

Вблизи села Чемашевского у юрт Перегребных против Перегребного мыса, река Обь разделяется на два рукава — Большую и Малую Оби, протяжением около 500 км, которые соединяются вновь в одну реку под Обдорском (Салехардом). Ширина Оби у Перегребного около 4 км.

Весной река Обь разливается на десятки километров, селения на луговой стороне почти сплошь затопляются, воду для питья черпают прямо из окон и сообщение между домами происходит на лодках.

Такие большеводия бывают раз-два в десятилетие, приносящие огромный ущерб в хозяйственной жизни Севера. Вода застаивается

вается до глубокой осени, препятствует сенокосению и сокращает рыбный промысел, так как лучшие ловецкие места и пески остаются залитыми во весь рыболовный сезон.

В некоторых местах, спасая от воды, скот держат на крышах скотных дворов — в юртах Мало-Вачпугольских бывшей Лумпокольской Управы Сургутского района и на плотках — в юртах Лымжиных той же Управы.

Особенно памятен 1914 год, когда подъем был до 15 метров против осеннего уровня воды, дома заливались до крыши, много погибло скота, вместе со льдом по реке несло жилые строения и трупы павших животных.

Климатические условия Севера суровы. Зима в Березовском крае продолжается 7 месяцев, а в Обдорске и далее к Обской губе около 8 месяцев.

С половины сентября часть территории покрывается снегом, толщина снегового покрова достигает от одного до полутора метров, температура воздуха понижается там до 50 градусов. Грунт земли не оттаивает и летом на Крайнем Севере остается в вечной мерзлоте, где хорошо сохраняются части трупов мамонтов и других животных. Ненцы во время своих кочевок находили мамонтовые клыки, идущие на разные костяные поделки, и привозили их на ярмарку в Обдорск.

В дореволюционное время рабочими рыбопромышленника Плотникова найден в Обской Губе в бухте «Находка» остов громадного мамонта с хорошо сохранившимися в земле кусками кожи, кости которого занимали около 10 метров в длину и 6 метров в ширину. Часть их — крестец, ребра, лопатки и позвонки-привезены были в Тобольск и пожертвованы Плотниковым в Тобольский музей. По объяснению рабочих место, где найден остов, — ложбина сажень в пяти от реки, и там остались еще кости ног и большие куски кожи, которые они не успели достать, так как приходилось оттаивать землю, а времени для этого было мало ввиду отъезда за окончанием рыбных промыслов.

В бывшем Сургутском уезде климатические условия благоприятнее, зима около 5 месяцев и температура воздуха падает до 45 градусов, за исключением северо-восточной части Ваховского района, где холоднее.

Вегетационный период продолжается с июня до сентября и средняя температура держится в Березове 13, в Обдорске 10,9 и Сургуте 14,8 градуса тепла.

В Обдорске с с первых чисел мая до июля наступает полярный день, ночи совсем не бывает, солнце светит почти круглые сутки, так что и ночью можно читать без огня.

Среднее годовое количество осадков составляет до 500 мм.

Большое растительное богатство Севера составляют его леса хвойных пород: кедра, сосны, лиственницы, ели и пихты, расположенных по берегам Оби и ее притокам, главным образом, в юго-западной части бывшего Березовского уезда по реке Сосьве, в верховьях реки Конды, в восточной части этого уезда, в бассейне рек Назыма и Казыма и на крайнем северо-западе по реке Надым, в бывшем Сургутском уезде — в бассейнах рек Агана и Ваха. Помимо хвойного леса масса других древесных пород — березы, осины и частью ивы, ольхи.

Кроме того в бывшем Сургутском уезде имеются площади ценного тополя-осокоря в Майонском и Ивашкинском участках и других. Кора черного тополя (балбара) заготавливается для рыболовецких снастей и экспортировалась одно время в Швецию и Норвегию.

В Локосовском районе и по левому берегу Оби у юрт Мурасовых, Прохоркиных и Пирчиных Лумпокольского района в 1905 году компанией предпринимателей из Черниговской губернии Грибейниковым с товарищами хищнически производилась разработка осокоревой коры, отправляемой через Томск сотнями вагонов на Астраханские и Каспийские промысла для Германии. Тем самым местному туземному населению нанесен был немалый ущерб через порчу вблизи юрт вековых деревьев.

Большие опустошения лесных площадей причиняются пожарами — этим бичем севера, приносившими ежегодно миллионные убытки. Особенно огромные пространства охвачены были пожарами в 1915 году, когда уничтожены огнем массивные кедровники в верховьях Оби и Лумпокольском, Локосовском районах и по реке Ваху бывшего Сургутского уезда, когда дым продержался около 45 дней, и из-за дыма останавливалось движение пароходов и рыболовство.

В поймах реки Оби огромные площади заливных лугов, дающие возможность в благоприятные годы, то есть в годы маловодия и незастойной воды, делать большие запасы сена. В Лумпокольском районе, граничащем с Нарымским краем бывшей Томской губернии, настолько богатейшие луговые места, что некоторые жители этого района, переселившиеся сюда из Колпашевского и

других районов Нарымского края, имели от обилия заливных сенокосов хорошего пырейского сена до 40 штук коров и до 35 лошадей на одну семью.

Делались, между прочим, опыты развития и молочного хозяйства. Близ г.Березова в девяностых годах XIX века существовала молочная ферма с маслодельным заводом С.П.Шахова, но скот был местной породы — мелкий, и в летнее время от 45 коров средним числом вырабатывалось лишь 13 пудов масла в месяц. Сведения Ветеринарного отделения бывшего Тобольского управления.

Ботанический состав трав — пырей, осока, мятлик, острец, тимopheевка, дикий клевер, вейник, хвощ. Лесотундровую растительность составляют лишайники ягеля (олений мох), служащий главным хорошим кормом для стад оленей. Здесь же в тундровой полосе в советский период найден лекарственный противочинготный лук.

Масса брусники, клюквы, морошки, голубицы, черники, рябины, княжники, калины, шиповника и частью малины мелкой. Много повсеместно грибов — маслят, моховиков, обабков, подберезовиков и других.

Фауна севера составляет очень большое богатство. Кроме основного зверька белки, занимающей первое место по количеству в промысле, водится песец, лисица, горноста́й, колонок, росомаха, рысь, выдра, барсук, бурундук, куница, кидус и частью соболь, медведь и волк.

Самое важное значение в хозяйстве севера имеет северный олень, оленные тундровые пастбища, при обилии хорошего лишайника-ягеля (основной зимний корм). Оленеводство главным образом развито в пределах Обдорского района и частью в бассейнах рек Сосьвы, Вогулки, Казыма и Ляпина того же Березовского уезда и в Сургутском районе по Агану, Тром-Югану, Пиму, Усть-Югану и в небольшом количестве по реке Ваху. На Ямальском полуострове и полуострове между Обской и Тазовской Губой различные пастбища и кочуют огромные стада оленей.

Олень — главная основа экономического благосостояния туземцев и единственный способ передвижения по тундрам. Он дает и пищу, и одежду, и материал для постройки жилищ (чумов). Оленьи шкуры, называемые постелями, отправлялись в Москву и другие места для выделки замши, как ценного экспортного товара, из сухожилий делались нитки, а в последнее время из них стали изготовлять струны для музыкальных инструментов. Оленьи рога шли на украшения и разные изделия.

Но время от времени на Севере происходили падежи оленей от эпидемических болезней — сибирской язвы, копытной болезни и ящура, производящих страшные опустошения в оленеводческих хозяйствах. На Ямале в 1911 году в середине лета у ненцев пало около 100000 оленей, стоимостью около полутора миллионов рублей (сведения Ежегодника Тобольского губернского музея), но никаких мер помощи пострадавшим оленеводам со стороны правительства не было оказано. Лишь после этого бедствия в 1912 году Главным Ветеринарным правлением снаряжена была экспедиция для исследования причин падежа оленей и прививки сибирезвенной вакцины.

Из парнокопытных животных выделяются по своему величию лось или сохатый, на вид неуклюжий, но в то же время называемый красавцем тайги, самый крупный из семейства оленей, с широкими лопастообразными у самцов рогами, широкоплечий, вес которого достигает до 500 и более килограммов. Благодаря своим длинным ногам лось быстро бежит и легко проходит по болотам. Питается молодыми побегами и прутьями осины, березы, тальника и сосны, объедает кору на деревьях. Водится на всем пространстве северной лесной полосы Тобольского округа, главным образом по притокам Иртыша, Конде, Демьянке, Туртасу, по реке Тавде, в Васьюганской тундре, в Березовском, Кондинском, Сосьвинском, Сургутском, Юганском, Тундринском и Локосовском районах. Охота на лося разрешалась только с 15 августа по 1-е января, а стрелять маток-лосей, как и оленей, и диких коз совершенно воспрещалось, но правила эти, за отсутствием какого-либо надзора, не выполнялись, и происходило беспощадное истребление лосей и во всякое время. Весною, по насту глубокие снега не выдерживали лосей, они проваливались на бегу, охотники на лыжах догоняли их и убивали, перерезая ножом горло. Уничтожались все животные без разбора, и таким образом масса истреблялась беременных самок. Особенно такой хищнический убой лосей производился в бывшем Тобольском округе и русскими промышленниками. Мясо лосей, несмотря на его ценность, бросалось вместе с рогами, снималась одна шкура, идущая на выделку замши.

Делались попытки приручения лося, но уже в советский период. Интересный случай в этом отношении имел место в городе Тюмени Омской области. Гражданину Печенкину Л.А. удалось приручить приобретенного им, доставленного с Севера молодого лосенка, который после полутора лет обучения легко подчинялся

управлению, хорошо шел в упряжке при перевозке тяжестей и ходил в седле, а кроме того, проведено было испытание лося в бегах на Тюменском Ипподроме, и Печенкин обгонял на нем лошадей и рысаков.

В 1937 году Печенкин, у которого в этом году приручено было уже две лосихи, получил приглашение участвовать с лосями во Всесоюзной Сельскохозяйственной выставке в Москве.

Кроме того, еще известный случай одомашнивания лося на Тобольском Севере по реке Демьянке. Там лось приручен был настолько, что ходил вместе с охотниками в лес и спал у костра спокойно наравне с собаками.

Ихтиофауна Обь-Иртышского бассейна также чрезвычайно богата и разнообразна. В изобилии имеются — осетр, нельма, муксун, стерлядь, сырок, сосвинская сельдь, обская сельдь, шокур, пыжьян и все виды черных рыб — язя, щуки, налима и других.

Из морских животных встречаются — белый медведь, морж, целые стада белухи (дельфин) и тюленей (нерпа).

Птица водоплавающая — гусь (несколько видов на Ямале), лебедь и масса всяких уток — кряквы, чирков, связей, крохалей-шилохвостов, чернети, гоголя и гагар, боровая птица — рябчик, глухарь, тетерев и куропатка.

Север обладает и минеральными богатствами. В разное время для поисков золота и других металлов снаряжались разведочные партии промышленниками Верходановым, Сидоровым, Шишкиным, Сибиряковым, купцом Сыромятниковым и другими. Открыты золотоносные пески и месторождения медной руды (на реке Большой Харуте). В 1847 году отправлена была партия для золото-промышленности по реке Ваху Ларьяковского района Сургутского края от генерал-майора Дотраверева, и разведки по этой же реке производились в 1861 году отставным чиновником Александром Кайдаловым и доверенным капиталиста Поклевского Адольфом Миссуном (Сургутский архив), но, видимо, работа этих исследователей была безрезультатной.

Этнографический состав населения

Русские и туземцы — ханты, ненцы, манси и зыряне (коми). Русское население состояло из городского, значительной части

бывших казаков, упраздненных в 1881 году Березовской и Сургутской казачьих команд, а также из жителей сельских районов. По уничтожении казачества казаки переименованы в мещан, и в бывших городах Березове и Сургуте сведено упрощенное городское положение.

В районах уездов, кроме туземного населения, жили крестьяне, приписанные к волостям и сельским обществам, частью из того же казачества, а главным образом из пришлого населения, переселившегося сюда в разное время из других местностей. Большинство из этих людей поселилось самовольно, с захватом рыболовных угодий туземцев, и лишь немногие пользовались этими угодьями на правах аренды и то за ничтожную плату.

Ханты, как манси и ненцы, финского племени. Некоторые ученые относят ненцев к Урало-Алтайскому племени, близкому к финнам.

В русских летописях места, населенные ханты и манси, назывались югорской землей (Югрой), а народ ее — юграми или «чудью». Югры были многочисленным и воинственным племенем, часто воевали с татарами и вооруженными отрядами Новгородских дружин (ушкуйников), посылаемых за собором «дани» — мягкой рухляди или пушнины — ценных звериных шкур — соболей, лисиц и прочего. Иногда югры в этих схватках и столкновениях выходили победителями, и особенно в этом отношении отличались вогулы — манси. Но с 1265 года Югра уже называлась Новгородской волостью, а в царствование Ивана Васильевича IV в 1582 году она подчинена была власти Московского государства.

По наружности ханты среднего роста и ниже, физически слабы и вялы, с узкими глазами, с выдававшимися скулами, темно-волосы, цвет лица смуглый. По характеру они честны и правдивы, добродушны, при нужде помогают друг другу, миролюбивы, ссоры между ними редки, как и преступления.

Ханты делятся на оседлых от границы Нарымского края юрт Мурасовых бывшей Лумпокольской управы по всей Оби до города Березова, полуоседлых — от Березова до Обдорска (Салехарда) и кочующих оленеводов в Обдорском районе. В Сургутском крае ханты, кроме Оби, обитают по рекам Югану, Балыку, Салыму, Агану, Тром-Югану, Пиму, Лямину, Куль-Егану и по р.Ваху. В Березовском — по рекам Ляпину, Сосьве, Васпуголь, Ендырю, Куновату, Полую, Сыне, Ковинской, Сеульской, Чемашевской, Шеркальской, Большеатлымской, Малоатлымской, Нягын-Яган,

Хугот, Охлым, Вогулке, Мулымсе, Соби, Войкари, Лозье, Пелыму — по верхнему течению этих двух рек, по реке Назыму и Демьянке бывшего Тобольского округа.

Манси тоже среднего роста, но крепкого сложения, представляя здоровый в сравнении с ханты вид, цвет волос темнорусый и черный, глаза суженные и выдающиеся скулы. Руки татуируются. Мансийские женщины много носят колец и других металлических украшений. Как у манси, так и у некоторых ханты, волосы на голове заплетаются в две косы и растительность на лице редкая.

Манси населяли зону высокоствольных лесов, главным образом по рекам Сосьве и Ляпину в северо-западной части Березовского края.

Ненцы населяли полярную зону Обдорского района полуострова Ямал (назывались «каменные самоеды») и территорию между Обской и Тазовской Губами, эти назывались «низовые самоеды». В северной части Сургутского района и в южной Березовского кочуют лесные самоеды.

Все ненцы — оленеводы-кочевники и охотники, малая часть их занимается рыболовством.

В Тазовской местности, откуда река Вах берет начало из болот и куда с верховьев Ваха, по притокам его, можно проникнуть в Таз в половодье, среди живущей там небольшой части сургутских ханты-оленьеводов обитает группа тунгусов-звероловов, состоявших на перечислении в соседнем, Туруханском крае, и иногда наезжавших в село Ларьякское в декабре на ярмарку с пушниной.

По наружности ненцы крепки и здоровы, среднего роста, широкоплечи, с большими ушами, узкими глазами и выдающимися скулами, широконосы с жирными лицами и толстыми губами, растительность на лице слабая. Частью они монголообразны.

В истории наших летописей эта народность называлась «самоядь». В XI столетии в летописи Нестора упоминается, что «югра же суть людье язык нем и соседят (сидят) с самоядью на полунощных странах». В древние времена ненцы жили в Саянских горах, откуда оттеснены были турецким народом и рассеялись по северу Сибири.

В бывшем Сургутском уезде по рекам Салыму и Балыку в низовьях рек Юган и Ваха и по р.Оби в районах Лумпокольской и Локосовской управ и в Березовском крае по рекам Ендырю, Васпухолю, Ковинской, в низовьях Сосьвы и по р.Оби между селом Сухоруковским и г.Березовым, ханты, занимаясь рыболовством, держали лошадей, а в остальных местностях — по рекам Агану,

Тром-Югану, Пиму, Казыму и в низовьях Оби имеют оленей, и кроме транспортного значения оленеводство дает и сырье для зимней одежды и пищу, и жилье (чум), особенно по Оби ниже Березова.

В Обдорском районе на Ямальском полуострове оленеводы кочевали с многочисленными стадами оленей до 5000 голов и более. Но в других местностях Севера много было бедноты. По р.Ваху бывшего Сургутского уезда имелось по 2-5 оленей и были совсем безоленные. Все хозяйство ханты состояло из одних собак, служащих и средством при всех передвижениях. Такое же положение, кроме Ваха, существовало по направлению к вершине р.Югана, где большинство бедняков. При неуловах рыбы лишалось своих последних собак, пропадавших от голода, и тогда в хлебозапасный магазин за 200 верст и далее приходилось идти пешком и нарту с мукой тащить самому. Одноюртники, имевшие оленей, пользовались случаем и охотно принимали на себя доставку муки беднякам, взимая за провоз по 5 белок и более за каждый пуд. Так что эта мука по доставке на место обходилась более, чем вдвое дороже существовавшей расценки в магазинах.

Большинство ханты, живущие по р.Оби от границы Нарымского края до г.Березова и по рекам Югану, Балыку, Салыму, обрусели, говорили по-русски, носили одежду русского образца и зипуны разноцветной байки, подшиваемые на зимнее время беличьими, лебяжьими и другими мехами. В остальных местностях Севера одежда у ханты большей частью меховая. Малица вроде длинной рубахи из оленьего меха шерстью внутрь, с головным убором — капюшоном или капором шерстью наружу, с пришитыми рукавицами. В морозы сверх малицы надевается «гусь» такого же покроя, как малица, но сшивавшимся мехом наружу. Вместо «гуся» сверх малицы иногда надевается «парка», сшиваемая шерстью вверх наподобие «гуся», но из тонких оленьих шкур.

Кроме означенной одежды был еще особый женский костюм, так называемый «ягушка», сшиваемая из оленьих шкур молодого оленя-«пешки», с полами вроде пальто, с завязками вместо пуговиц, с меховым воротником и с пришитыми рукавицами из оленьих лап. По рекам Оби, Югану и Ваху частью существовала еще верхняя мужская одежда, называемая «колегом» и «кумышом». «Колег» — зимняя меховая одежда, сшиваемая шерстью вверх, с полами и завязками без головного убора. «Кумыш» — летняя верхняя одежда вроде малицы, сшиваемая из сукна и байки.

Женщины летом носили шали и платки, зимою меховые шапки из шкур оленя, выдры и других зверей, птичьего меха, из гагарьих шеек и так далее с разными металлическими подвесками и украшениями. Обувь — меховые пимы, так называемые «кисы» или «унты», сшиваемые шерстью наружу шкуры с ног оленя, с подошвой из шкуры со лба оленя и меховые же чулки, называемые «чижи» шерстью внутрь. Летняя обувь — «ноговицы», переда и подошвы которых сшивались из шкур оленьих лбов шерстью внутрь, голенища из оленьей кожи или сукна.

В прежнее время для нижней одежды производилось тканье холста из крапивы, которое ныне заброшено, и лишь в редких случаях из крапивной пряжи плелись рыболовные сети.

В некоторых зажиточных семьях Тундринского района Сургутского уезда встречалась красивая праздничная одежда у женщин ханты — красный халат, вышитый бисером, меховой халат из гагарьих шеек, покрытый зеленого цвета байкой и убранный бисером (носимый зимой и летом), халат обшитый в подольной части шкурой выдры и прочие. Такая одежда приобретена была в 1910 году и доставлена в Тобольский музей в числе других предметов домашнего быта ханты для Омской сельскохозяйственной и промышленной выставки, бывшей в 1911 году, о которой упомянуто будет ниже.

Манси носили одежду из оленьих шкур «малицу» и «гусь» с меховыми пимами, и часть одежды у них была русского крестьянского образца из сукна или байки и холста. «Гусь» у манси назывался совиком, и такое же название этой одежды в бывшей Архангельской губернии.

У ненцев одежда вся меховая, те же малица и «гусь» из оленьих шкур, причем пимы с меховыми чулками, а также малицы носились ими на голом теле.

Обитающие в бассейне р.Ваха ханты считались беднейшими из всего промыслового населения Тобольского Севера, среди которых встречались семьи полуголые, не имевшие никакой одежды, за исключением брюк-штанов из налимьей кожи, в рубищах, едва прикрывавших грязное тело, босые, так как единственным источником существования их являлся промысел белки.

За неимением у многих домашних оленей, после большого падежа в 1891 году, или по малочисленности таковых и невозможности по этой причине белкования в дальних лучших борах или материках, добыча белки годами была весьма малой. Бедственное

положение этих охотников ухудшалось еще и низкими ценами на белку, существовавшими в течение подряд нескольких лет. К тому же представляемые в ясак шкуры обычно продавались в Тобольске, а например, не на Ирбитской, ближайшей к Северу и обширной в то время ярмарке, и по пониженным против местных ценам.

Так, в 1897 году партия беличьих шкур в 33177 штук продана в Тобольске по 10,5 копейки за штуку. Между тем цена на месте в Сургуте была 13-14 копеек. В 1898 году партия 23320 штук продана была по цене 15-17 копеек, в 1899 году 25518 шкур были проданы там же по 11,25 копейки, когда местная цена была 13-15 копеек. В 1904 году партия в 43219 штук продана в Тобольске и то со вторых торгов по 11,25 копейки, тогда как цена в Сургуте существовала 14-15 копеек.

Такие убыточные произвольные операции с продажей шкур породили недоверие к этой системе со стороны промышленников и с уменьшением сдачи шкур в податные повинности.

Но в последующие годы доходность от этих промыслов стала увеличиваться в связи с возрастающими промыслами и повышением рыночных цен. В 1910 году промысел оказался настолько хорошим, можно сказать, небывалый, что один человек добывал за один сезон до 1000 штук белок, и цена на нее на двух ярмарках в селе Ларьякском Ваховского края, зимней и весенней, доходила до 43 копеек за штуку. Благодаря таким повышенным ценам в этом году, а также и в предыдущем 1909, положение ваховских промышленников, несмотря на эксплуатацию торговцев, улучшилось. Многие из них выручили от продажи шкур большие сравнительно суммы денег и начали обзаводиться, приобретая вместо бывшего нищенского одевания исправную русскую одежду и в числе товаров стали покупать даже предметы роскоши — лакированные сапоги, драповое пальто, шелковые шали, часы, подстаканники и прочие.

Кроме ханты, ненцев и манси на бывшем Тобольском Севере по рекам Сосьве и Ляпину, в селах Сартынинском, Щекуринском, Обдорске, Мужах, в г.Березове и других населенных пунктах, жили зыряне-ижемцы, переселившиеся сюда в давние годы из Печорского края бывшей Архангельской губернии, и часть их кочевала по тундрам Березовского уезда.

Одежда у зырян русского покроя, за исключением зимней, ее составляют «малица», которую в головной части ее вокруг лица обшивают белым мехом, так что издали уже можно признать, что

идет зырянин, а зырянки носили красные сарафаны и подвязывались красным платком.

В 1895 году губернской администрацией назначено было выселение зырян из пределов Березовского уезда, ввиду усиливавшейся эксплуатации зырянами туземцев, захвата пастбищных оленеводческих угодий и грабежа оленей, но мероприятие это не получило тогда осуществления за отменой его Министерством.

Жилищем у ханты служили бревенчатые землянки без пола и потолка, покрытые жердями и сеном (ветошью) или землей и берестом, с вставленной льдиной вместо окна, и очагом, чувалом, обмазанным глиною вместо печи, иные землянки устроены прямо из жердей, покрытых сеном конусообразной формы. Живут в них по 2-3 семьи вместе, то есть до 15 человек в одной юрте, имеющей отдельные перегородки для каждой семьи. Ели из одной посуды, иногда из корыта и прямо руками на полу или на нарах. Умывались из одной посуды одной и той же водой по несколько человек, пока вода не превратится в грязь.

В такой обстановке и крайне антигигиенических и антисанитарных условиях жили ханты по р.Ваху и в нижнем течении р.Оби между Березовом и Обдорском и частью по Югану, Тром-Югану, Пиму бывшего Сургутского уезда. Но экономическое благосостояние ваховских туземцев с начала девятисотых годов стало заметно улучшаться по хорошему промыслу белки, проявлялось стремление их к переходу на оседлое состояние и к постройке ими изб русского типа. За период времени с 1905 по 1910 годы по Ваху построено было до 40 таких изб, и постройки произведены по другим управам бывшего Сургутского уезда по 1911 год: по Тундринской с 1900 года — 91 изба, Юганской с 1903 года — 40 изб, Локосовской с 1905 года — 39 изб. Хотя никакой помощи туземцам со стороны правительства к этой постройке оказано не было.

Летнее жилище ханты — шалаш, крытый берестом.

Жилище манси почти такое же, как у ханты, и с такой же грязной и беднейшей обстановкой, но у манси по рекам Ляпину и Сосьве также есть избы и русского типа.

У ненцев жилище составляет конусообразный переносный чум, покрываемый оленьими шкурами, а летом проваренным берестом, называемым тиской или киской, с отверстием вверху для дыма.

Примитивный образ жизни туземцев показывался и в Москве. Для смотра направлены были ханты, двое мужчин и одна женщи-

на с грудным ребенком, и по прибытии в Москву они помещены были в Зоологическом саду. Причем жилье для себя устроено было самими особое из бревен с заменой стекол в окнах льдинами, и привезены были с собой северные собаки для катания публики на санках. Вместе с ханты приезжали и коми-зыряне с оленями для того же катания публики. Коми приспособляли для своего жилья юрту.

Кроме упомянутых народностей в Тобольском уезде в верховьях Большого Туртаса — правого притока Иртыша, впадающего в него на 180 км. ниже Тобольска, обитала группа тунгусов - эвенки — племя монгольской расы, по характеру быта сходных с ханты и ненцами-оленьеводами и ведущих такой же кочующий образ жизни, но больше занимающихся звероловством.

Питались туземцы рыбой вареной, сушеной, вяленой (у ненцев-поземы) или жареной на втыкаемых перед огнем палочках, печеными на таком же приспособлении у огня или в золе лепешками, а также мясом. Как рыбу, так и мясо ели и в сыром виде. Из рыбы приготавлилась мука, называемая порсом.

Суррогаты пищи. По Югану ханты варили малиновые листья вместо чая, ели березовую почерневшую кору и мешали с мукой мельченый орех. На Вахе употреблялся в пищу «пас» — коренья, растущие в воде.

Кочевавшие в Тазовской местности тунгусы не ели мясо оленьих домашних ездовых, объясняя это тем, что полевой олень ходит на воле и чище домашнего, который ест и кал человеческий, и мочу.

Религия

Хотя большая часть ханты, а также и манси, считались христианами, но шаманство или шаманизм (колдуны и ворожба) по-прежнему играли важную роль в их жизни. Ежегодно в декабре ханты ходили по русским селениям толпами, разыскивая продажных жеребят и лошадей, но лошадей непременно белых для жертвоприношений своим божествам. Празднество в честь богов сопровождалось пением и дикими криками шамана с ударами колотушкой в бубен, называемый еще домброй или пеньзьяром, музыкальным инструментом из оленьей кожи, и закалыванием лошади или оленя, которых тут же съедали. По окончании пиршества на деревья священного места развешивались куски материй, платки, те-

семки, рога убитого оленя или шкуру убитой лошади и прочие. Затем в самых глухих и труднодоступных местах (в лесных трущобах) ханты устраивали капища и хранящимся в них идолам делали «приклады» (приношения) в виде денег, ценных шкур соболей, лисиц, цветной материи.

Кроме призывания лесного духа, приносились жертвы водяному богу — духу, поили его водкой, лили чашками в прорубь реки водку.

Главное божество туземцев называется Торым или Туром, Торм, после Торума главный верховный бог — «Мастерко». Вблизи села Троицкого бывшей Елизаровской области Березовского уезда в юртах Протоčných, еще находился бог, называемый Урт-Игэ или Ун-Урт. Имелись и другие полубоги — в Березове, Обдорске, Ляпине и прочих местах.

Считался тоже большим богом Микола Торум (Николай Мирликийский), иконы которого имелись во многих юртах. Ненцы называли его «Нум-Микола», «Торум-Микола», «Нум-Торум-Никола» и обоготворяли его, отзывались о нем так: «Давно знам велик бог русской, святой человек Микола Самодям шибко помогает». Кроме того по описанию Новицкого, были еще главные идолы. Во всей остяцкой стране почитаются три первоначальных бога: «нарицаетжеся старык Обский, Гусс и Кондинский, о них последи». «Старык Обский, сей имеюще скверное свое хранилище на усть Иртыша, недалече Самарова града». «Гусс, боготворимый идол их, бяше изваян от мѣди в подобие гуся, имъ скверное жилище в юртах Белгородских при великой рѣкъ Обь. Первоначальный же и паче всих натающийся Кумир здѣ бо за едино зъ гусем бысть во единой кумирни в Белгородских юртах». Краткое описание о народе остячком, сочиненное в 1715 году Григорием Новицким, участником миссионерских экспедиций на север митрополита Ф.Лещинского, и изданное Л.Майковым в 1884 году.

Идолские капища в окрестностях села Троицкого с древних времен привлекали к себе на поклонение массы туземцев со всего севера, и это место являлось для них святилищем, наподобие совершаемого мусульманами паломничества в их священном городе в Турецкой Аравии — Мекку.

Для жертвоприношений приобретались в русских селениях, кроме жеребят и лошадей (белых), белые петухи, у которых при закалывании молеельщики пили кровь, как священную.

Кроме идолопоклонства, в особом почете был медведь, в честь

которого устраивались медвежьи праздники. Шкура убитого медведя развешивалась в лесу или в избе, и перед ней происходили пляски с пением и поклонением с целованием с надеваемыми на лицо берестяными масками.

У ханты установлено целование медвежьей лапы, как клятвы (присяга), за нарушение которой, как самой страшной клятвы по их верованиям, Торум шлет разные наказания. Целуя медвежью лапу, ханты приговаривает: «Задери меня, медведь, если я скажу неправду».

Такое празднество как-то осенью удалось застать в юртах Сухоруковских бывшего Елизаровского района в южной части бывшего Березовского уезда. Перед разостланной в переднем углу избы шкурою медведя плясали хантыйские женщины с закрытыми лицами и в рукавицах, нахлопывая руками, как хлопают в ладоши, и тут же сидел ханты-музыкант, но играл он не на бубне или домбре, а на другом национальном инструменте, называемом «лебедем». Форма птицы большого лебедя со струнами из тонкой проволоки, которые натягиваются вдоль спинки, прикрепляемыми к шее лебедя копылками, как у гитары.

В этнографическом отделе Тобольского музея, в витрине принадлежностей шаманского культа находятся два идола: окаменелая голова лягушки, которая у ханты считалась святой и неприкосновенной, и окаменелая голова святого же, по их мнению, ребенка. С этими камнями связана легенда о их происхождении, и запись о ней имеется в библиотеке упомянутого музея, сделанная сотрудником его Л.Е.Луговским в дореволюционное время.

В Свердловском областном краеведческом музее в числе экспонатов исторического отдела находится громадный деревянный идол, сохранившийся в течение тысячелетия, найденный в раскопках торфяника, привлекаемый, по свидетельству заведующего историческим отделом этого музея тов. Сушкова, внимание ученых Москвы и Ленинграда.

В религиозной обрядности ханты имело значение и символическое число семь. Так, во время жертвоприношений их богам число убитых оленей должно быть не более и не менее, как семь. Вблизи Обдорска есть священное место, где осенью раз в год происходило празднество. На него туда собиралось семь родов ханты и празднество с плясками, маскированием продолжалось семь ночей сряду.

Такой же обряд у ханты происходил после жертвоприношений

главному богу Мастерку вблизи села Троицкого. Празднество с такими же плясками продолжалось семь ночей сряду и также семь раз в год.

Число семь отражалось в пении ханты героических былин при своих празднествах. При отсутствии водки для большего воодушевления певец былин — шаман съедал перед началом пения несколько мухоморов: семь, четырнадцать, двадцать один, словом, число кратное семи.

По мифологии ханты, весь мир состоял из семи светов и в самом высшем свете пребывал всевидящий, всезнающий сам Торум, а в остальных, до второго, жили полубоги. Ханты преклонялись перед восходом солнца, считая свет восходящего светила сутью всего мироздания божеством. Из семи светов на втором — худом свете жили ханты, и понятно, жили плохо, несли тяготы, терпели нужду, бедность, выносили часто обиды, напрасно искали правду.

Крещение ханты происходило по истечении года и даже нескольких лет. Был такой случай. В село Ларьякское бывшего Сургутского уезда приехали тазовские туземцы венчаться, но оказалось, что невеста, имеющая 16-17 лет, не крещена, поэтому предложено было ей креститься, Она сначала не соглашалась из стыда при раздевании, потом согласилась, ее окрестили в местной церкви, затем тотчас же от купели к венцу и обвенчали.

С начала девяностых годов прошлого столетия в Сургуте существовала духовная миссия, но она не оправдала возложенных на нее надежд и была закрыта. Миссия в течение многих лет была и в Обдорске (Салехарде), но деятельность и этой миссии в отношении распространения христианства среди язычников признавалась мало успешной, и расходы на это дело являлись непроизводительными. И после крещения туземцы оставались при старых своих языческих воззрениях, и жизнь крещеных отмечалась даже наибольшею безнравственностью — пьянством, воровством.

Отношения туземцев к миссии и крещению их характеризовались между прочим такими случаями. Крещеного ненца ненцы же избрали исполнять должность шамана пред истуканом (идолом).

Затем по поводу жалобы одной хантыйской женщины миссионеру на своего мужа, что он крещеный, а между тем взял себе вторую жену, да кроме того занимается еще шаманством, прибывший в юрты с проповедью обдорский миссионер стал упрекать ханты, мужа жалобщицы, за дурное поведение: «Ты крещеный, разве не знаешь, что закон не позволяет иметь больше одной жены».

«У нас можно», - ответил ханты.

«Как это у нас, да ты-то кто? Ты ведь православный, а не язычник и шаманством еще занимаешься! Это разве полагается христианам?»

Ханты молча выслушал увещевания священника и сказал: «Вот что, батюшко, я тебе скажу: я к тебе в Обдорск не езжу, в твои дела не мешаюсь, ну и ты ко мне не езди и в мои дела не мешайся».

Затем он встал и ушел.

Второй случай. Новообращенный ненец раньше, когда был язычником, всегда аккуратно платил свои долги, когда же окрестился, то перестал платить. Ему и говорят: «Что же это ты раньше был такой честный, а теперь мошенничаешь, а еще крещеный». «Что же, — отвечает ненец, — я теперь такой же крещеный, как и вы, русские, ну и мошенничаю так же, как и вы все тут мошенничаετε. Оно так и следует быть».

С назначением на Тобольскую митрополию Филофея Лещинского происходило массовое крещение туземцев. В период с 1712 по 1718 год им окрещено при помощи воеводских властей до 40 тысяч человек. Но при разъездах его по северу часть туземцев отказывалась от крещения и укрывалось бегством. Так, из юрт Иалотлымских Кондинского района 30 человек ханты, не согласных на крещение, бежали в Обдорск в Оксарковские юрты. А некоторые и открыто, с оружием в руках, противодействовали проповеди и насильственному обращению в христианство, кричали на Филофея, ругали его и, наконец, стреляли в него и его спутников из ружей и луков.

Окрестившихся ханты ненцы преследовали, нападали на них, грабили и убивали, трупы убитых увечили, нападали на целые селения. Кресты с убитых снимали и привязывали к концу погоняемого оленей шеста, а иконы на веревках волочили за нартой.

С целью охраны ясачных ханты от ненцев, от «воровской самояди», как означалось в указе Березовской воеводской канцелярии от 25 сентября 1761 года, укреплялся Обдорск, куда посылались казаки с оружием, о чем упомянуто при описании села Обдорска.

Ханты верили в загробную жизнь, и поэтому с покойником в гроб клали промысловые орудия — ружье, сети, хлеб и другие съестные припасы и разные вещи. По верованиям их на том свете будут тысячи оленей и большие горы хлеба и жиру, а жизнь будет в таких больших и теплых домах, как русские остроги, то есть тюрьмы.

Экономический и общественный быт

Об эксплуатации и вымирании туземцев очень много было писано, и кабальное положение их можно дополнить такими, например, ярко характеризующими ухищрения и мошеннические проделки торговцев — случаями. Один торговец получил с туземца 100 штук белок для отсылки якобы Святителю Иннокентию. А торгош из Нарымского края сам откровенно рассказал о хищнических приемах своей торговли, как он по приезде в юрты, встретив больного ногами хозяина избы, где остановился, на просьбу помочь, продал ему за 10 белок десятикопеечную банку помады, которой велел натирать ноги перед топившимся чувалом. Когда, по счастливой случайности, ногам больного вскоре стало легче, то на другой день к торговцу начали являться больные туземцы со всевозможными болезнями, не исключая и глазных. Этот торговец «лекарь» вместо лекарств раздал весь свой торговый запас парфюмерии — кому мыло, кому духи, стоимостью 1- 1,5 рубля, а белок набрал рублей на 150.

Для частной торговли по р.Югану хлеб доставлялся только одним торговцем села Юганского Тетюцким, который продавал его не на деньги, а исключительно на шкуры, выменивая их по таким ценам: 5 пудов муки ржаной — 1 соболь, 1 пуд муки — 8 белок (стоимость муки от 1 руб. до 16 р.20 копейки.), то есть при переводе на деньги — соболь от 15 до 45 рублей, 8 белок 3 рубля 20 копеек, цена которой в 1910 году доходила до 43 копеек. Лишь после того, как ему Тетюцкому, удавалось обобрать все шкуры в обмен на муку, он начинал пускать ее в продажу и на деньги, и в долг.

Маловажные проступки туземцев решались старшинами родовых управлений и по закону о туземцах. Суд должен быть словесным. Между тем, например, в бывшем Сургутском уезде по Локосовской управе Суд родовой расправы производился письменно, и все решения родовых старост записывались в особые постановления, налагался арест от 3-х суток до 1,5 месяца. По сведениям этой управы с 1905 по 1908 годы разобраны были следующие дела о ханты. Подвергнуты аресту при каталажной камере управы на трое суток из юрт Тарховых Алексей Тархов за кражу денег 26 рублей у Михаила Натускина, из юрт Ликрюсовых Александра Юсопина за

незаконное сожительство, из юрт Пылиных Степан Пылин тоже за незаконное сожительство, Марк Тюмкин — за побег с работы, Василий Гындин за кражу денег у Петра Сыколева, Федор Чалтомов — за нанесение ран в драке Спиридону Чалтовому, Алексей Пылин — за побег с работы от содержателя земской гоньбы Бабанина, Сидор Айпин — за побег с работы от Позевалова, из юрт Качисовых Иван Качисов — за кражу ведра вина и мешка с хлебом у Трофима Сыколева, Осип Пылин — за кражу денег 40 рублей у Ивана Пылина подвергнут аресту на семь суток, Дмитрий Курлокин за выстрел из ружья в жилую юрту Николая Муколчина подвергнут аресту на 1,5 месяца.

По некоторым управам за маловажные поступки наказание заменялось платой в пользу обиженного.

За кражу случались наказания и розгами, и чаще очистительным присяганием, состоявшим в том, что обвиняемый целует медвежьей лапу и приговаривает: «Если я виновен, то пусть меня съест зверь», или присягали «по морде медведя».

Затем наказанием было битье по щекам и поклон — виновный по маловажным проступкам должен поклониться в ноги обиженному и получить прощение.

В Казымской местности Березовского уезда, как упоминал исследователь севера А.И.Якобий в своем докладе в Тобольском Музее о результатах работы, сохранилась особая форма моления с топором, висящим на веревочке лезвием кверху: молящийся тихо его раскачивает и потихоньку поет старинную священную формулу. «Я имел случай, — пояснял Якобий, — видеть это у себя на квартире и записал со слов поющего священную формулу».

В том же Казыме, по свидетельству Якобия, при получении прощения через земнопоклонение существовался особый обряд: обиженный прощает и в знак того слегка трогает обидчика по спине крестообразно. В более важных случаях, где требуется клятвенное удостоверение, ставят чашку с водой и присутствующие говорят: «А если кто из нас виноват, пусть вода возьмет его!» И потом по очереди берут нож и разрезают воду крестообразно.

За более важные поступки туземцы подвергались по приговору Окружных Судов тюремному заключению, хотя некоторые из них мало страшились тюрьмы. Был случай (почти небывалый) обнаружения кражи на станции у проезжающего пассажира багажных вещей. Когда стали говорить совершившему кражу ханты, что «теперь тебя увезут в Тобольск и посадят в тюрьму», он ответил:

«Что пужашь меня, вот Сенька был, сказыват, там нас уважат, дают кашу с маслом и табак дают курить».

Мало боялись туземцы тюрьмы потому, что кроме предоставления в них теплого помещения, кормили их хлебом, давали одежду и нахождение в ней они считали лучше для себя, чем дома, при убогих, темных и холодных жилищах и при недоедании.

За неплатеж ясака, кроме отдачи в работу, туземцы подвергались наказанию розгами.

Ясак. В прежние времена, в XVII-XVIII веках, взимание ясака сопровождалось насилиями над туземцами, истязаниями их со стороны воевод и существовало женское рабство. Воеводы насиловали как русских, так и ясашных туземных женщин и девушек, отнимали их у туземцев и обращали в своих наложниц.

Производилась даже торговля туземками: взрослые продавались по 15-20 рублей, малолетние — по 20 копеек.

Насиловали туземок и казаки, посылаемые для сбора ясака. Они жестоко обращались с туземцами бедняками, как недоимщиками по платежу ясака, причиняя им разные мучения.

Кроме ясака, взыскивались еще поборы — поминки воеводам и подарки, поклонный ясак и другие виды налогов. Ясак выражался в громадных размерах. На Обском Севере в начале XVII века ясак взимался по 10 соболей с холостого и по 20 с женатого. Лучшие соболя шкурки присваивались воеводами и сборщиками.

Под тяжестью таких непосильных поборов и жестокостей воевод создавалось недовольство поработанных туземцев, проявлявшееся в открытых восстаниях. В 1607 году манси с Сургутскими и Березовскими ханты и Обдорскими ненцами нападали на Березов. Такие нападения имели место в 1612, 1616 и следующих годах XVII века на Сургут и еще на некоторые сибирские города.

Чтобы приучить туземцев к ясаку, при царе Михаиле в 1631 году велено Тобольскому воеводе князю Трубецкому высылать в Березов горячего вина по 15 ведер в год для угощения старшин остяцких и самоедских, угощение которых водкой требовалось и от самих плательщиков ясака, продолжавшееся до последних времен.

Занятия и промыслы

Всю почти домашнюю утварь ханты и манси делали сами из дерева и березовой и пихтовой коры. Из береста делали коробушки

или куженьки для хранения провизии и мелких вещей, солонки, блюда, кузова для ягод, детские люльки, лукошки для хранения муки и других припасов, лукошки для водки с крышкой, туясья, украшая частью бересто на корбушках, люльках и других вещах разноцветными узорами. Из камыша, тала и травы осоки плели ковры, называемые «циновки», из корня кедра изготавливались замечательно мастерски кореноватики (корзины) круглые и четырехугольные разной величины. Из этого же корня раньше на Вахе плели рыболовные сети и веревки, также веревки плелись из таловой коры в других районах, из крапивной кудели и из сухожилий оленя.

Рыболовные снаряды и звероловные орудия также изготавливали сами. Самоловы для ловли стерляди, осетра, налима — морды (гимги), остроги, сети, невода, черканы для ловли горностая, колонка и белки по Ваху и Югану, сторожевые луки на медведя, волка, росомуху, лисицу и зайца со стрелами, луки и стрелы для ручной охоты на белку, уток, рябчика и тетеревов, употреблявшиеся Ваховскими ханты слопцы, деревянные чучела для приманки на охоте гусей и уток.

Из дерева работали олени и собачьи нарты, маленькие лодки-однодеревки, называемые обласами, или осинолками и душегубками, из дерева же делали детские игрушки и музыкальные инструменты.

В изделиях у ханты проявлялись художественные навыки. Кроме узоров на бересте, изображались орнаменты в вышивках на одежде и других вещах, узоров с искусственным подбором цветов и рисунков при тщательном исполнении работ и красивой отделке.

Особенно отличались трудолюбием хантыйские женщины. Кроме занятий по домашнему хозяйству, ухода за детьми и помощи мужчинам по рыболовству, пастьбе оленей, они шили одежду с украшениями ее и с разноцветной узорчатой вышивкой. Образцы такой одежды посылались на выставки. Обращали, например, на себя внимание тщательностью исполнения работы женщин, как об этом уже было упомянуто в начале очерка. Женский кафтан зеленого сукна, подбитый мехом из шеек гагар, в числе коллекций других, собранных в бассейнах рек Ваха, Югана, Тром-Югана и приобских ханты, был послан А.А.Дунин-Горкавичем для Парижской выставки. Затем посылались на Омскую первую сельскохозяйственную и промышленную выставку в числе других, поминенных ниже предметов. Женский халат — верхняя празд-

ничная летняя одежда, сшитая из кумача ситца, украшенная бисером и нашитыми узорами-полосками бумажных тканей цветов синего, оранжевого, зеленого и белого, с обшитым розовой бумазой воротом (Сургутский уезд). Женская зимняя обувь «кисы», хорошо сшитые из оленьих шкур белого, темного и серого цветов, с ног оленя с подошвами из шкур со лба оленя, украшены полосками разных цветов оленьего меха и прокладками из красного, зеленого, желтого и синего сукна, чистой и красивой работы и чулки «чижи» из отлично выделанной оленьей шкуры с украшением красным сукном (с.Обдорск).

Отличались мастерством работы мелкие вещи: кошельки (кисеты) для хранения денег, табаку и прочей с р. Вах из села Ларьякского, также посылавшиеся через Тобольский музей на Омскую выставку, сшитые из хорошо выделанной и окрашенной кожи оленя, на подкладках из черного ластика и из хорошей светлой материи, с опушкой из меха куницы, искусно окрашенные на белом фоне кожи коричневым узором, стеклярусом двух цветов и бисерной вышивкой разных цветов прозрачного и непрозрачного бисера, с украшенными бисером ремешками для стягивания кошельков.

Вышивки женщин имели несколько видов, из коих главным своим национальным считалось хантыйское шитье «ханда-ханч», с украшением одежды узорами, с параллельными и перпендикулярными стежками, заполнением крупными параллельными стежками контура рисунка с лицевой стороны цветною шерстью и т.д.

Узоры изображались с окружающей туземцев природы из животного и растительного мира, например, по оленеводству, в формах птиц — тетеревов и глухаря и деревьев по рекам Иртышу и Конде, изображений хантыйского культа — небесных явлений и прочие.

Другие типы вышивок назывались: старинный вид «керем-ханч» с мелкими параллельными стежками с красной или синей чертой, русская вышивка «руть-ханч», схожая с хантыйской с одинаковым узором, но с небольшим изменением главного рисунка, «севем-ханч», вышивка крестиками, и «ектем-ханч» похожа на старинную — «керем-ханч», но с применением крупных стежков наподобие хантыйского шитья.

Из покупаемой у русских овечьей шерсти женщины вязали чулки и рукавички с окрашиванием шерсти и вязанием тоже с узорами по своему национальному вкусу.

Кроме производства меховой одежды из шкур птиц, использовались и рыбы кожи. Из осетровой кожи шили детские башмачки, из кожи налима шили штаны и рукавицы. Из кожи стерляди и налима делали мешки, из налима еще шили обувь и сумки для вещей.

Из крапивы ткали холст с шитьем из него женских рубашек, с окрашиванием разноцветной узорчатой вышивкой, из крапивного волокна ткали нитки и плели рыболовные сети.

Для выделки шкур служили нож, скобель и струг по соскабливанию мездры, для размягчения — рыбий жир, вывариваемый из рыбных потрохов.

При шитье из шкур и мехов употреблялись прочные нитки из оленьих и лосиных сухожилий, кроме обыкновенных стальных игол и шил, употреблялись костяные иглы и шила, делаемые из костей ног оленя и из косточек белки.

Части одежды из шкур и кож окрашивались краской, смешиваемой с жиром и коричневой краской, получаемой из коры лиственницы в целом и истолченом виде, частью березовой коры и коры ольхи с протравой золой. На Вахе при выделке шкур внутренняя голая сторона окрашивалась в коричневый цвет составом из коры лиственницы, с примесью пережженной губы, то есть наростов на березе.

Красная краска — охра приобреталась в Березовском уезде с Уральской реки Маньи, правого притока р.Ляпина.

Кроме бисера и бус, одежда украшалась оловянными маленькими пластинками круглыми или 4-х угольной формы величиной около трех сантиметров, которые отливались в деревянных маленьких формах или в формах, сделанных из деревянной коры осокоря, олово расплавлялось в жестяных или железных коробках.

У ненцев одежда украшалась цветными лоскутками и медными бляхами. Оловянными отливками, кроме украшения одежды (кафтанов и халатов), наряду с бисерными уборами головы, украшались и косы женщин и эти же отливки служили для убора, надевавшегося на шею, плечи и грудь.

При плавлении олова для женских украшений ханты отливали блесны для ловли щук с крючками, ручные перстни и трубки для курения табаку.

Из кости производились следующие изделия: из кости лося — мерки для пороха и дробы и наконечники стрел для охоты на оленя (эти наконечники делались еще из клюва гагары); из рога

оленья — мерки для пороха, дробовницы для запасов дробы на охоте, крючки для подвешивания детской колыбели, приспособление для ношения топора на поясе при ходьбе в лесу, пластинки для предохранения руки от удара тетивой при стрельбе из лука, украшения оленьей сбруи — принадлежности для упряжи к надеваемой на домашнего оленя уздечке, черенки для ножей (сами ножи делались частью из подпилков); игольники для хранения игол и другие мелкие вещи из принадлежностей шитья у женщин. Игольники делались еще из крыловой кости лебедя.

Лосиные кости употреблялись часто при обработке крапивы и ткань прежде из нее холста в Тобольском уезде по рекам Иртышу и Конде.

Работами из кости особенно отличались ненцы. Из мамонтовой кости они делали табачные трубки и красивые ножи с рукояткой из этой же кости, с ножнами, обложенными медью.

Для оленьей езды производились наборы из мамонтовой кости, делались оленьи вожжи из моржевого ремня и пояся, как седло для оленя из кожи с цепочками и кольцами и сшиваемые из зеленого и синего сукна.

Для защиты глаз от блеска снега изготавливались очки из железных пластинок с прорезанными щелями для глаз и частью из бересты и из кожи выкрашенной в красный цвет, с опушкой мехом, с завязками из шерстяного шнура. (Обдорский район).

Имелись у туземцев и музыкальные инструменты — «бубен и пенъязр», хантыйский и мансийский, «лебедь» — хантыйский инструмент и ненецкий, называемый хотола, имевший вид лебедя с медными струнами. О «домбре» и «лебедь» уже было выше упомянуто в отделе о религии. Эти вещи также они делали сами из дерева и кожи.

Рыболовство

Туземцы севера занимались рыболовством в небольших размерах, большей частью для собственного потребления. Лов производился примитивными способами, мордами, сетями из ниток крапивного волокна, деревянными удами и маленькими неводами по речкам и протокам. Лучшие рыболовные угодья пески (отмели) захватывались русскими промышленниками, самовольно производившими лов и хищническими способами — самоловами, загораживанием речек, проток и соров и даже заборами всей реки Оби

с берега на берег в бывшем Березовском уезде, в Кондинском и Обдорском участках и так далее. Частью эти угодья и арендовались русскими, но за самую низкую плату.

В 1879 году Главным управлением Западной Сибири было издано постановление о воспрещении лова рыбы самоловами, как препятствовавшими свободному ходу рыбы в речные устья и снизу вверх по рекам, хотя это постановление за отсутствием надзора не выполнялось.

В числе карательных мер за лов рыбы самоловами установлен был штраф в 15 рублей. Русские промышленники добывали осетра этими снарядами на реке Оби ниже Обдорска за высмотр по сто голов и более в сутки и ничтожность наказания за самоловы высмеивали, выражая согласие заплатить такой штраф вперед за десять лет, лишь бы ловить.

В Березовском уезде в неводной работе у русских промышленников находились и туземцы как ханты, так и ненцы с своими семьями, но жили в своих чумах, плату получали по договорам 20-30 рублей в лето при изнурительном труде, при плохом питании и плохой одежде, наряды и с русскими рабочими. Работали по 15 часов и более, пища готовилась из недоброкачественных продуктов, неводили в рваной обуви, теклых броднях, расчет производился товарами и по вздувшимся ценам, для жилья рабочих не было соответствующих помещений и развивались всевозможные болезни.

В 1876 году И.С.Поляковым, по поручению Академии Наук, произведено было обследование Тобольского Севера, вполне подтвердившее жестокую эксплуатацию рабочих рыбопромышленниками. По распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири Казнакова принят был ряд мер в защиту промысловых рабочих — уменьшение рабочих часов, обяание хозяев построить помещения для рабочих с установлением известных гигиенических норм, по планам губернского строительного Комитета, в частности, иметь на каждом промысле столовую, баню и так далее, об улучшении питания, одежды и прочего. Но мероприятиям этим не суждено было осуществиться. Рыбопромышленники прямо не выполняли приказов об улучшении условий труда, администрация бессильна была в борьбе с ними и проявляла потворство.

Затем обследования рыбных промыслов на Крайнем Севере производились в 30-90 годах XIX века врачами Матвеевым, Почtareвым, Дунаевым, профессором Якобием, ихтиологом Варпа-

ховским, Дунин-Горкавичем, от Тобольского музея — Луговским, Юрасовым и другими.

В начале 90-х годов, по случаю холерной эпидемии в 1892 году, рыбопромышленники обложены были 2-х рублевым сбором с каждого рабочего для постройки больничных барачков и оборудования аптек, причем одним из выше названных исследователей П.Ф.Почтаревым, на получившуюся от устройства барачков и содержание их экономию, приобретен был паровой винтовой катер для обслуживания промыслов в санитарном отношении и для помощи рабочим. Но в этой покупке допущена была большая ошибка, катер был глубокоосидающим судном и не мог проходить в мелководные простои в местах расположения песков и промысловых заведений, которые и на этот раз были вне контроля.

Таким образом и указанная попытка к улучшению положения на рыбопромыслах оказалась неудачной. Рабочие, в числе их и туземцы, оставались при тех же кабальных формах эксплуатации, какие существовали прежде и все время вплоть до советского периода.

Главным предметом рыбного промысла у населения Обского Севера и ценным являлся муксун. Ловили его после икрометания в верховьях Оби (в Томской губернии) и при обратном ходе в Обскую Губу. Кроме русских, занимались и ханты, живущие между Березовом и Обдорском и частью в других местностях. Лов производился через городьбу Оби с наступлением замороза в первых числах ноября до половины января.

Сырка промыслили в это же время выше Березова по р.Сосьве. При начавшемся спаде воды, в местности от села Кондинского до Обдорска на протяжении около 600 км, для ловли рыбы городились сора и заливы. С половины лета между Березовым и Обдорском ловился сырок, шокур и большей частью те же породы муксуна-недомуксунок, то есть неполный муксун и колезень. Выше Березова в сорах жевился только сырок, ниже Обдорска муксун принимался рыбопромышленниками по другой величине, там мерный муксун считался 55 сантиметров, меньше этого считался за недомуксунок и цена была другая.

Самое благоприятное время для лова рыбы «вонзь», хантыйское слово, означает богатое время, когда начинается первый весенний подъем рыбы из Обской Губы вверх по реке Оби и в ее притоки — сора. Этот вонзевой ход появляется вскоре после вскрытия рек, иногда сразу за льдом с первых чисел июня и позднее

или раньше — с конца мая и длится в течение 15-20 дней и до месяца, в зависимости от условий весны и движения замора рыба идет косяками — сырок, муксун, нельма, осетр и налим, вылавливавшаяся стрелевыми неводами и плавными сетями.

В половине лета второй подъем рыбы, гонимой с моря белухой (дельфином), когда лов производится на салмах и также неводами и в сорах, прибрежных заливаемых лугах с установкой запоров, и в озерах. При наступлении убыли воды рыба выходит из соров и расходится к верховьям рек, к местам своих нерестилищ. Муксун проходит в верховьях Оби в приток ее р. Томь (в Томской губ.), где и мечет икру. Туда идет частью и сырок, нерестилища которого находятся в реках Сынь и Ляпино Березовского уезда; в последней реке нерестуют еще и сосвинская сельдь и шокур, места нереста нельмы в р. Щучью Обдорского района. Стерлядь идет в большинстве по руслу Оби и Иртышу, где залегает в глубокие ямы и в них зимует вместе с иртышскою стерлядью. В реке Иртыше происходили промыслы стерляди, называвшиеся «юровыми», в районах Самаровской, Надцинской и Бронниковской волостей Тобольского уезда.

Лов стерляди на юровых производился следующим хищническим способом: ежегодно около Николина дня, 19/6 декабря, на р. Иртыше делались круглые проруби на расстоянии одна от другой около 70 сантиметров в тех местах, где ямы и глубина достигала от 12 до 16 метров, а вблизи Надцинских юрт глубина ям достигает до 30 метров, называемых «ирым» и на пространстве 40 метров ставился самолов, то есть опускались в воду привязанные к прогону (тонкой конопляной веревкой) уды на расстоянии одна от другой около 22 сантиметров, самолов опускается в воду с якорем из камня на дно реки; к уде на сгиб ее надевается круглый небольшой поплавок из коры тополя, так что при падении прогона с якорем на дно уды эти торчат, течением воды поплавки шевелятся и рыба попадает.

К началу лова приступали по сигналу через выстрел из ружья, после которого сразу все самоловы спускались в воду и через час уже вынимались с рыбой. Затем снова спускались другие сухие самоловы и так продолжался день-два, пока была рыба. Ловилась преимущественно стерлядь и самая малая часть осетра, причем помимо вылова много рыбы от подранения голым острым крючком погибало. На трех юровых добывалось более тысячи пудов, цена была на месте до 7 рублей пуд стерляди, оптом «тулаем», то есть

вместе крупная от 50 см. с мелкой; икряный осетр — до 20 рублей пуд, холостой — до 9 рублей. Открытие юрового промысла сопровождалось большим стечением народа и покупателей, приезжавших, кроме Тобольска и Тюмени, из Екатеринбурга, Перми и из других мест.

В Березовском уезде существовал промысел высокосортной сосьвинской сельди, называемой «тугун». Это небольшая рыбка 20 см. длины и 80 граммов веса водится в Северной Сосьве и притоке ее Ляпине. Откуда в начале весны начинается ход ее вниз по течению в р.Обь, и в это время лов ее производится сетями и гимгами. При спаде воды манси по сорам делали запоры, они приготавливали из этой селедки, так называемую, «юколу», подвергая ее копчению.

В половине лета лов сосьвинской сельди производился в большом количестве в районе Березова, расположенного на берегу Сосьвы. Эта ценнейшая по своим вкусовым качествам рыба также подвергалась солению по первобытному способу, и лишь в незначительных размерах начато было тогда приготовление ее в Березове маринованным способом по инициативе местного промышленника С.П.Шахова.

В сентябре месяце обратный ход сосьвинской сельди в верховья Северной Сосьвы и ее притоков, в места ее нерестилищ.

В Тазовской губе промышляли только четверо русских из Сургута с рабочими в 15 человек из местных туземцев и добывали осетра до 2000 пудов и другой разной рыбы до 3500 пудов. Пароходы в то время в Тазовскую губу еще не проникали, и рыба доставлялась в Сургут на оленях. Целый месяц требовалось времени для проезда с ненцами только в один путь с Тазу до Сургута и обратно столько же.

В 1900 году в массе привезенных с Тазу товаров была рыба весом 5 пудов 10 фунтов, которую в Сургуте не могли определить, что это за рыба, пойманная в Тазовской губе у устья Таза в пресной воде зимой. Полагали, что это стерлядь по икре, которая была мелкая, черная, как у стерляди. Но резко отличающаяся от конического короткого рыла осетра стерлядь никогда не достигает таких крупных размеров, как осетр, и неизвестно есть ли даже, например, двухпудовые стерляди в Обь-Иртышском и Тазовском бассейнах. Являлось предположение, что это может быть «шип», то есть помесь осетра со стерлядью, но выяснилось, что шипы попадались при неводьбе и всегда без икры.

По привозе означенной рыбы в Тобольск для осмотра и определения ее приглашен был консерватор Тобольского губернского музея Н.Л.Скалозубов. Ему также не удалось установить вид и по желанию владельца рыбы, сургутского промышленника Тетюцкого, она отправлена была в Петербург в дар Зоологическому Музею Академии Наук, где из нее сделали чучело, и она оказалась осетром.

Большая часть добываемой на севере рыбы приготавливалась примитивным способом — стоповым засолом за неосведомленностью населения о лучших приемах обработки ее. После добычи рыба долгое время лежала неубранною, сразу не направлялась с мест улова к местам посола, портилась и солилась, когда уже начинались процессы разложения, делалась мягкой, облезлой с желтой окраской. В таком именно виде обская рыба развозилась по рынкам и поступала потребителю наподобие трески. О плохом способе приготовления рыбы описано было в отчете научно-промысловой экспедиции у берегов Мурмана в 1903 году.

Никакого искусственного охлаждения на рыбных промыслах Тобольского Севера еще не было. Промысловые судна с приспособлениями для замораживания рыбы были лишь на Мурманском побережье и на Енисее. В 1905 году обществом «Рефрижератор» построена была баржа-холодильник «Север» для замораживания и перевозки рыбы с низовьев Енисея.

В 1856 году Главным Управлением Западной Сибири поднимался вопрос об упорядочении рыбных промыслов на Тобольском Севере и улучшении качества рыбных продуктов, но никаких мер к этому тогда принято не было. Попытки в этом отношении проявлялись лишь со стороны частных лиц. Так, в начале 1897 года в селе Самаровском Тобольского уезда открыта была рыбная школа рыбопромышленником В.Т.Земцовым на собственные средства. Срок обучения в этой школе был двухлетний, ученики должны были обучаться в течение этого срока преимущественно путем практических занятий обработки рыбы и рыбных продуктов и поучении населения технике лучшей посолки рыбы. Теоретические же занятия состояли в беседах по рыбному промыслу. Школа была открыта в составе 10 учеников в возрасте 16 лет и просуществовала около трех с половиной лет. В 1901 году была закрыта за смертью основателя ее Земцова и за отсутствием средств к ее содержанию.

После того в 1902 году рыбацкая школа была открыта на Астраханских рыбопромыслах тоже частной фирмой братьев Сапожниковых. В 1906 году она была закрыта за отсутствием преподава-

теля, а также учеников. Затем открывалась рыбная школа в Енисейске управлением Земледелия.

Часть рыбы летнего и осеннего уловов садилась в сады. Сады устанавливались в глубоководных, невысыхающих, находившихся при песках, водоемах, при впадении которых в р.Обь ставились заморы из деревянных решетчатых перелетов или жильников с перевязкой черемуховой заболонью (Саргой). В них рыба сохранялась в живом виде до наступления замороза, тогда и вычерпывалась. При крепком заморозе рыба вынеживалась, имея хороший вид, цветная. При оттепели же после посадки ее рыба чернела, теряя свой натуральный цвет, и считалась малоценной, при продолжительной оттепели рыба погибала.

На р.Вахе в начале весны ловили рыбу язя во время икрометания в речках и протоках мордами. Эта ловушка имеет вид двух воронок, вставленных одна в другую, ставили их близ берега. Котцы, так назывались запоры жильниками, то есть переплетами из кедровых или сосновых корней, ставились по сорам при начавшемся спаде воды, который назывался варовой порой. Соровые устья перегораживались кедровой дранью, во время подхода рыбы к запору закидывается невод, и таким путем рыба излавливалась. Второй способ лова в варах заключался в ограждении соровых устьев мочальной мережей, с привязанным к нижней тетиве камнем для потопления вара. Осенью промышляли блеснами, неводом и деревянными удами.

В 30-40 км. от юрт Охтиурьевских по р.Ваху, в Полуденной горе, в Егане, маленькой речке, одно время в ноябре месяце оказалась такая масса мелкой рыбы мохтика, что три человека начерпали часа в два три воза этой рыбы и много возов начерпали другие местные жители. Воз пудов 10-12, размер мохтика 22 см. В прежнее время ханты за недостатком хлеба на зиму уезжали с семьями на эту речку и там питались рыбой, черпая ее, когда надо, как из садка. Далее этой речки есть еще две речки, в которых водятся крупная щука и окунь.

В нижнем течении р.Оби Обдорского района существовали полуневодчики — артели в 4-5 человек из ненцев и ханты, промышляли малыми неводами по Хаманельской Оби, но они сдавали свою рыбу русским промышленникам на тех же кабальных условиях за бесценок.

В большеводие, (о котором уже было упомянуто выше) все рыболовные пески и сора в Обском бассейне затопляются, промыслы

останавливаются до половины лета, а при застойной воде и далее. В такое время население испытывает острую нужду в продовольствии.

Замор или «загар» происходит вследствие недостатка в воде растворенного кислорода и порчи воды зимою, от попадающих из почвы особых гуминовых веществ или кислот. Вода загорается, приобретая краснобурый и желтоватый цвет и ржавый вкус. С наступлением холодов с ноября месяца до наступления весеннего времени рыба уходит из русла р.Оби к берегам, в устья притоков и речек, к горным ключам и к местам, называемым «живцами» или живунами, где она в массах скопляется и тут же ее ловят.

Замор начинается с притоков Оби-Кети, Чая, Васьюгана и Тыма Тобольского района, в мае и июне доходит до Обской губы.

В Нарымском крае в 1912 году в притоках Оби Васьюгане, Чижапке и других, вследствие раннего, начавшегося еще в октябре месяце замороза и рекостава, произошел такой замор, что в Васьюгане погибла почти вся рыба, не успевшая выйти из заморного района и, как описано было тогда об этом в статье местной Томской газеты «Сибирская жизнь», — к концу этой эпидемии вдоль берегов образовались целые склады рыбных трупов, на половину разложившихся.

В верховьях Оби Нарымского края замора не бывает, вода всегда чистая, светлая и там зимою ловится много стерляди и осетров, тогда как в смежном Сургутском крае лова такой рыбы в это время не бывает. Явление это объясняется тем, что в нижнем течении Оби много таежных, впадающих в нее притоков с болотной кислотной водой и с болотным илом, выгоняющих рыбу из этого плеса в верховья Оби.

В р.Иртыше, как известно, рыба не гибнет от недостатка кислорода, лишь предустьевая часть ее, около 250 километров от устья, подвергается замору. Но одно время в Деньшиковском районе, у деревень Деньшики, Семейка, Яга, Чебакчина в марте месяце был замор и за неделю добыто «чердаками» и «самоловами» 2500 пудов нельмы и стерляди, в том числе до 80 процентов мелкой стерляди-недомерка, называемого крестовкой от 22-х сантиметров, и в этой же местности замор происходил в 1918 году.

В нижнем течении р.Оби уничтожалась мелкая рыба при ловле «мордами» в запорах. Между Войкаром и Шурышкаром ханты занимались ловом осетрового мультка от 20 сантиметров длиной, называемого лобарем или карышем, который при наступающем заморе в январе и феврале массой поднимается к живунам, всплы-

вает вверх, так что лед над ним пропревает и тут его добывают, вылавливались целые горы.

Распорядительный комитет Тобольского Губернского музея в 1901 году обсуждал новый проект Устава рыбопромышленности и, между прочим, постановил указанные места по Малой Оби и по Войкару, где сохраняется молодь от замора и где происходит икрометание осетра, признать заповедными.

Питались туземцы рыбою в вареном, сушеном, вяленом и мороженом виде (патомка), сосьвинскою сельдью — «юколой». У ханты и манси особо вкусным блюдом считалась варка, приготовляемая из рыбьих потрохов (кишек). Этот продукт сберегается ими на время урманных звероловных промыслов, где труд считается усиленным и пища поэтому требуется питательная.

В Тазовской местности ненцы ели мясо песцов и волков, но не ели собак, говоря, «тот зверь бегаёт воле, а собака сидит дома».

При рыболовстве туземцы обращались к своим богам, умилялись им о помощи, и в случае неудачного лова подвергали идолов наказанию. Бытописатель ханты Новицкий описывал это обращение туземцев к большому богу-старик Обскому или называемому «Ун-Урт» такими словами: «Егда же на первом ловлении морския не обрящут рыбы вскорь, возвращаются с премногим ругательством, нападают на нь, укарають, яко бестудная старости сего толико, отец и праотец наших не благодарен, забыв почитания и нерадив о рибном промысле, погубляет гладом нас, малословном же его ругая, вящие скорое дьла ругательство изъясняя свержше с хранилища, вервою оцъпивше, влекут его во вся бесчестная мьста, попирая всяк ногами и оплевая его, и дотоль в таком содержать безчестии донележе полов рыбный начнет исправлятися».

Звероловство

Охотничий промысел на Севере, как и рыболовный, составлял основную отрасль хозяйства туземцев. Главным объектом этого промысла зоны высокоствольных лесов являлась белка. Охота на нее начиналась поздней осенью с октября месяца, когда белка вылиняет и примет серый и голубоватый цвет. Добыча белки зависит от условий перекочевок ее, связанных с урожаем кормовых хвойных деревьев. Белка питается кедровыми орехами, семенами сосны, ели и лиственницы, грибами и ягодами, делая

запасы шишек в дуплах деревьев, где устраивается ею гнездо (гайно) и где она живет. Кроме того белка запасает грибы на зиму, развешивая их на деревьях для просушки. При неурожаях кедровых орехов белка переселяется в другие места и наблюдались случаи массового движения ее (миграция) на новые места. Она густо шла по населенным местам, плыла по рекам и переплывала даже Обь. При обильном урожае орехов и размножении белки бывает хороший промысел ее. Таким урожайным годом был 1910 год в местности по р.Ваху. Там в одной семье две хантыйские девочки 12 и 15 лет добыли 1430 штук белок в течение января, февраля и марта маленькими пистонными ружьями, а мужчина добыл до 1000 штук.

Белка имеет доминирующее значение в промышленности Ларьякского района. Большой выход ее в 1910 году значительно улучшил экономическое положение туземцев. С двух Ларьякских ярмарок декабрьской и майской вывозилось до 200 тысяч и более беличьих шкур, считая в том числе и нестандартную белку, то есть подпаль — весеннего промысла с рыжеватой окраской. Ваховская белка выделяется по качеству и ценности (наподобие дальневосточной), шкурка ее толще и пышнее, взяв в руки, сразу можно отличить ваховскую белку от обской по пышности, и цена ее доходила до 43 копеек. Таким же основным промыслом белка служила и у населения в бассейне р.Югана, но в значительно меньших в сравнении с Вахом размерах. В Березовском уезде по количеству добываемой белки выделялся Шурышкарский участок Обдорского района.

Из других добываемых зверей наибольшую ценность составляют песец, исчезающий соболь и лисица. Песец преимущественно водится в Обдорском районе на полуострове Ямал, где промышляли его ненцы и в большом количестве привозили на Обдорскую ярмарку в январе. При этом сбывалось много крестоватиков, норников и копанцев, то есть шкур летней добычи молодых песцов (шенков), ловля которых губительно отражается на размножении этих зверей. Встречались песцы, хотя редко, и в Сургутском уезде в бассейнах рек Ваха и Югана. Были случаи добычи их вблизи г.Сургута на островах Раздорном и Утичем. В 1910 году песец добыт даже в самом Сургуте в то время, когда этот зверок, появившись в городе, бегал по дворам и, преследуемый, забежал на крышу амбара и тут пристрелен был политическим ссыльным Матюшенко. Шкурка песца у Матюшенко была куплена и послана в числе других экспонатов на Омскую сельскохозяйственную выставку через Тобольский статистический комитет.

В Обдорском районе изредка попадались очень ценные экземпляры песка голубого и с коричневой и палевой окраской цвета.

Соболя промышляли в Березовском уезде в бассейнах рек Конды и Сосьвы и притоках Оби — Ендыре, Сеульской, в Сургутском уезде в бассейнах рек Югана, Салыма и Балыка. В начале девятисотых годов по Югану еще водился соболь и охота за ним для местного населения служила главным источником существования. Промышленники в вершине р. Югана — юрт Купландиевых и других добывали по несколько штук за сезон; один из них из юрт Усановых три зимы промышлял соболей одного и того же гнезда, сохраняя самку, детеныши подрастали, он их добывал при помощи собаки сетью сажен в 30.

Добывалась и куница, которая по краске и пушным свойствам похожа на соболя и помесь ее с соболем, называемой кидус, мало отличается от соболя.

Из Югана в то время вывозились сотни собольих шкур, в последующие же годы промысел этот значительно уменьшился, заметно было, что соболь стал исчезать и переключиваться в другие более глухие места вследствие участвовавших лесных пожаров и хищнического истребления его.

Главною причиною исчезновения соболя послужили именно лесные пожары летом 1915 года на огромном пространстве в этом крае, о чем уже было упомянуто в начале очерка, когда река Обь окутана была дымом в течение более месяца и прекращалось движение пароходов и частью рыболовство. Дымовая завеса стояла настолько густая, что не видно было противоположного берега Оби.

В 1912 году в Государственной думе избрана была особая Комиссия для рассмотрения проекта правил об охоте на соболя в Сибири, которая нашла необходимым повсеместное запрещение охоты на соболя в течение трех лет до октября 1916 года. Это решение предлагалось принять Думой вместе с пожеланием, сформулированным Сибирской группой, чтобы правительством были приняты меры к оказанию в течение запретного времени материальной помощи туземному населению в тех местностях, где охота на соболя служила главным источником его существования. Однако никакой помощи туземцам таких местностей (например, Юганской) правительством не было оказано. После того запрещение охоты на соболя продолжено было еще на три года, но эти запретительные законы мало достигали цели, потому что никакого над-

зора за выполнением их не было, а соболь, появляясь в продаже у частника, добывался контрабандным путем.

Затем Главным Управлением Землеустройства предполагалось устройство заповедников или 300 парков, но этот проект не был осуществлен, оставался в области мечтаний, и охрана промысловых животных и разведение пушных зверей установлены лишь Советской властью.

Лисица водится на севере почти повсюду вдоль р.Оби и ее притоков. Она различается по окраске меха на виды: рыжевато-красная (обыкновенная), белодушка со светлой грудью и белым брюшком, сиводушка с темной шерстью на груди и брюшке. Редко встречаются чернобурые и седобурые и в чрезвычайно редких случаях попадались белые и черные лисицы. В 1899 году добыта в Сургутском уезде совершенно черная лисица большого размера и шкура продана на Ирбитской ярмарке за 5000 рублей, в 1909 году добыта в том же уезде белая лисица, шкура ее послана была в Петербург и там помещена Академией Наук в Зоологический Музей, как зоологическая редкость.

Ущербом зверопромышленности являлось то, что некоторые туземцы практиковали легкий способ добывания из нор и гнезд маленьких лисят и приручали их дома, но шкура такой воспитанной в неволе лисицы, грязной, с потертой шерстью и коротким волосом, называемой кормленкой или сиделкой, ценится вдвое или втрое дешевле добытой на свободе полевой лисицы, да и часть таких лисят погибала до вскармливания сразу по вынуждению из гнезд.

В юртах Майонских Локосовской управы Сургутского уезда ханты приручена была обыкновенная лисица, которую кормили тухлой рыбой. Живший в тайге чернобурый самец посещал ее, и она приносила чернобурых лисят по несколько щенков (не менее трех). Они их выкармливали и продавали по дорогой цене.

На истребление туземцами лисят обращалось внимание даже в прежнее время. Из архивных источников (Сургутский архив) усматривается, что в 1827 году издан был приказ о невынимании инородцами и русскими из гнезд лисят и соболей, с указанием на вред такого способа добычи. «Оные лисята, говорилось в приказе, и соболенки пропадают все сколько ни было, или хотя остаются из оных самая малая часть живых, они не могут быть такими добротными, каковы бывают польские (полевые) и продают с сиделых зверей шкуры за бесценок. Предписывалось объявить старшинам и всем инородцам, дабы они ни под каким видом лисят и

соболей из гнезд не вынимали, засим иметь неослабное наблюдение с тем, чтобы у кого окажутся сии звери, таковых отбирать и отпускать на волю и о тех иногородцах доносить неотлагательно».

К промысловой фауне еще относится горностай, колонок, ласка, бурундук, выдра, рысь, росомаха, заяц, медведь, волк. Росомаха и рысь очень вредные животные. Росомаха забирает в охотничьих избушках съестные припасы и добычу в ловушках до высмотря их промышленниками, уничтожает лисиц, зайцев и других зверей, нападает на оленей и даже на лося с дерева, куда она легко взбирается.

К числу таких же вредных хищников относится и рысь, также уничтожающая других животных и нападает иногда и на оленя.

Эти три хищника водятся в Березовском и Сургутском краях.

Остальные звери не составляют существенного промысла, так как добываются случайно, попутно, при охоте на других зверей.

Из парнокопытных самый крупный — лось или сохатый, о котором уже было описано в начале очерка в главе о видах фауны Севера и о случае приручения лося в советский период. В Сургутском уезде этого зверя промыслили в районах Юганской и Тундринской управ. В 1914 году в верховьях Салыма и Балыка добыто было около 300 штук лося. В верховьях Югана 12-летний сын ханты из юрт Курландиевых убил из берданки лося лет двух, догнав его на подволоках — лыжах, обтянутых кожей оленя, а из юрт Тайлаковых сын Алексея Когончина Петр 14-15 лет убил из берданки 7 штук лосей в первой половине марта и вне пределов Сургутского уезда, за рекой Демьянкой около границы Тарского уезда, куда юганские ханты уходили с давних времен за промыслом соболя, оленей и белки, доходя до р.Тары.

Ханты той же Юганской управы юрт Курлокиных Спиридон Немчинов и юрт Ярсомовых Егор Ярсомов находились на охоте за полевыми оленями и лосями в марте 1912 года в вершине той же речки Демьянки приблизительно в трех днях ходу от юрт Курлокиных, если идти на лыжах настоящему ходуку и налегке — с одним кузовком на плечах, убили 140 штук полевых оленей и 8 штук лосей из берданок. По объяснению того же Немчинова, полученному от последнего автором через переводчика, в той Демьянской местности большие табуны оленей на болотах, а частью и в материках, и что можно бы и еще добыть, но им было не под силу, так как были только вдвоем.

Белый медведь, нерпа и морж встречаются преимущественно у

полуострова Ямала Обдорского района и у островов Шараповы кошки. Промыслом их занимались местные ненцы. Моржей промышляют и на море, бьют для жира (ворвань), как и нерпу, и для ремней.

Песца, соболя, лисицу, куницу, выдру и росомаху ловили капканами. Лисицу, выдру, росомаху и зайца еще и сторожевыми луками, соболя по Югану, Малой Сосьве и Конде ловили сетью. Белку, горностаю и колонка черканами. Черкан — маленький лук с прикрепленной к тетиве дощечкой и насторожкой с протянутыми волосками и приманкой, при задеве насторожки лук спускается и добыча придавливается дощечкой. Росомаху промышляют кулемами. Это ловушки, имеющие вид треугольного сруба с приманкой убитого животного, с наваленными наверх бревнами, которые обрушиваются на зверя при задевании насторожки. Ловят слопцами — два бревна, приподнятые с одного конца насторожкой. Так добывались и песцы. Лисиц промышляли и стрихнином, чем причиняется вред для домашнего скота, так как летом были случаи через отравленную траву часть его погибала. Стрихнином добывали изредка и песцов.

Лосей и оленей промышляют «огородами» длиною в несколько км., (Березовский уезд) с настораживаемыми в проходах изгородей самострелами с луками и стрелами в большом количестве; лося и оленя бьют и из ружья, и луками, из ружья бьют белку и росомаху.

Оленей по Югану добыто в 1912 и 1916 годах по 200 штук, в 1913 году около 100, в другие годы — в меньшем количестве.

Помимо охоты «огородом» в массах уничтожались дикие олени заманиванием весною по насту стрельбой «важенок» — маток с детенышами, о чем уже было описано в начале очерка в главе о пушной фауне.

Цена на пушнину в Обдорской ярмарке были: 1911 году — песец 13-15 рублей, пыжик-пешка-олений теленок — 3 рубля, горностаю — 2 рубля 80 копеек - 3 рубля, белый медведь — 100-150 рублей, оленина — 3 рубля 25копеек. Общее количество проданной в тот год на этой ярмарке пушнины: песца белого 8000 на 120000 рублей, пыжика-пешки 6000 на 20000 рублей, неплюя 4000 на 14000 рублей, горностаю 3000 на 10000 рублей, белки 30000 на 10000 рублей, лисицы красной 500 на 8000 рублей, медведей белых 50 на 5000 рублей, оленьих шкур 15000 на 50000 рублей.

Между ценными животными Севера заслуживают особенного внимания исчезнувшие бобры. В древние времена речные бобры на

Тобольском Севере существовали в большом количестве. О широком распространении их описывает первый сибирский публицист Ф.И.Соймонов, принимавший участие в журнале Миллера «Ежемесячные сочинения» в первом своем произведении о «сибирском изобилии» в половине XVIII века, отмечая, что по Оби были превосходные рыбные ловли; также «промысел диких коз и речных бобров» (черных, карих и рыжих). Уезды Березовский, Сургутский были чрезвычайно богаты промысловыми зверями.

О ловле бобров в Сургутском уезде упоминает и русский посланник Николай Спафарий, совершивший путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска в 1675 году, проплыв на дощанике по р.Оби от устья Иртыша до устья Кети. А по записям исследователя Тобольского Севера Идеса «по близости Сургута речные бобры и наблюдаемы стадами».

Бобр — речной пушной зверь длиной 90 см., задние лапы снабжены перепонками и они длиннее передних, хвост широкий, покрытый чешуей, благодаря каковым свойствам бобр хорошо плавает и ныряет, может пробыть в воде от 10 до 15 минут.

Мех бобра считается весьма ценным темно-каштанового или черноватого цвета, подшерсток с длинным волосом, с густым непромокаемым пухом серого цвета.

Живут бобры в устраиваемых в берегах рек и других водоемах норах или домиках под водою до 2-х с лишним метров вышиною; питаются корою древесных пород, зеленых лиственных деревьев и прочей растительной пищей.

Кроме ценности меха бобра, высокую ценность представляла бобровая струя — пахучая жидкость, выделяемая особой железой бобра (самца), которая применялась ранее в медицине как средство, возбуждающее нервную деятельность, а туземцами Севера употреблялась при религиозных культах и различных обрядах, например, для окуливания женщины в ихнем быту.

Но особенно бобры славятся искусством строить себе жилища из обрубков, срезаемых и подпиливаемых своими крепкими клыками деревьев и из ветвей, и устраивать плотины для удержания воды на известном уровне.

Из-за ценнейшей шкуры, съедобного вкусного мяса и бобровой струи бобры подвергались хищническому истреблению и давно уже исчезли. Лишь малая часть их уцелела в Воронежской губернии, в Белоруссии, на Украине и у нас на Севере, на реках Конде и Малой Сосьве Березовского уезда.

Под Воронежем в конце прошлого столетия после исчезновения бобры вновь стали появляться, перебравшись на берега речки Усманки из помещичьего имения Рамонь, куда завезено было несколько бобров для забавы. Там уже в советский период организована охрана бобров, основан Государственный бобровый заповедник (Усманское лесничество). Бобров расплодилось много, и их отправляли целыми семьями в заповедники других местностей. Работниками этого заповедника подмечены случаи подпиливания бобрами и сваливания осины толщиной до полуметра, а в заповеднике на реке Ивнице бобрами построена была плотина длиной около 150 метров.

Боброво-соболиный заповедник учрежден в советский период и на Кондо-Сосьвинской территории.

В Сургутском архиве имелись такие записи о бобровой струе и об издававшихся в прежнее время правилах о сохранении речных бобров.

В июле 1829 года Сургутский Отдельный заседатель получил запрос от гражданского губернатора — «отобрать от торгующих в Сургуте лиц, какую именно последнюю и без малейшего излишества цену согласятся взять за каждый фунт бобровой струи, нужной для Тобольской казенной аптеки». Заседатель ответил, «что по собранным им сведениям, бобровой струи в течение сего (1829) года в продаже по Сургутскому отделению не было и ныне оной в руках ни у кого не имеется, как инородцы, так и русские в промыслах своих сих зверей не добывали».

Затем 5 июля 1851 года на имя того же заседателя из Тобольского Губернского Правления последовал указ, при котором приложена копия предложения председательствующего в Совете Главного Управления Западной Сибири Тобольскому гражданскому губернатору от 14 апреля 1851 года. В предложении изложены правила для предупреждения совершенного истребления речных бобров в Западной Сибири:

1. Запретить вообще в Западной Сибири ловлю речных бобров в продолжение пяти лет.

2. В местах, где водятся речные бобры, запретить на расстоянии полуверсты истребление кустарников и всякого рода деревьев, особенно тополя, ивы и березы, которыми они наиболее питаются.

3. Наблюдение за исполнением сего возложить на Старост (родона начальников), родовые управления и иногородные управления.

Оленеводство

Основу благосостояния Севера составляет оленеводство. Олень является транспортным средством, дает пищу, одежду, обувь, жилище.

Сильные олени у казымских ханты Березовского района и в верховьях реки Таза. На Тазовских оленях доставлялись зимою в Сургут большие клади рыбы и партии пушнины с Тазовских промыслов. В бассейнах реки Ляпина манси на оленях по подрядам возили почту, а между Березовом и Обдорском на оленях совершалась земская гоньба и содержателями земских станций по найму были ханты.

В Ляпинско-Сосьвинской местности и в Обдорском районе, кроме местных туземцев, оленеводством занималось пришлое население архангельские зыряне — ижемцы с тысячными стадами, сбывавшие крупные партии оленьих шкур пешечьих и неплюйчатых, то есть шкур молодого оленя в Москву на меха и замшу и для кустарных замшевых мастерских на Печору. На замшу шла шкура без головы и ног, называемая постелью.

Кроме шитья из оленьих шкур зимней одежды, шкура с ног оленя употреблялась на обувь, а подошвы подшивались шкурою со лба оленя, как отличающейся прочностью, шли в дело волосы из бороды оленя при вышивании белых узоров на ноговицах обуви, рукавицах, при украшении меховой одежды для прокладки во швах.

У туземцев по рекам Ваху и Югану олени имелись в самом малом количестве только для передвижений от 3-х до 20 штук на хозяйство. Много было бедноты совсем безоленных, и передвижение совершалось на собаках и на лыжах, бедняки принуждены были покупать оленей у зажиточных оленеводов и у кочующих зырян по спекулятивным ценам.

По Югану нет удобных пастбищ для оленей вследствие лесной местности, там пасут их вблизи юрт и ноги путают, привязывая к ним палки для того, чтобы они далеко от юрт не разбегались. Лесные дороги здесь настолько узки, что езда возможна только на одном олене и к тому же на олене с узко поставленными рогами; величина нарты для запряжки была такая: длина 2 м.70 см., ширина между полозьями — 54 см. и ширина, где устроено сиденье — 40 см.

По статическим данным на всем Тобольском Севере к 1910

году значилось около 450 тысяч оленей, после того это количество стало уменьшаться вследствие периодических эпизоотий сибирской язвы, копытной болезни, и в редких случаях эпизоотии ящура. В последующих годах их показывалось приблизительно уже наполовину меньше. После массового падежа в 1911 году, когда пало более 100 тысяч оленей на полуострове Ямале, на Ямсале и других местностях Обдорского района, когда у многих ненцев пали поголовно все олени, им пришлось выбираться из тундры к приобским жилым местам пешком.

Ненцы болезнь называли в своем наречьи «вой ханиче», что означало — «худая болезнь». Симптомы были следующие: пухнут рога, голова, шея, все туловище, и через час олень издыхает. При опросе проезжавших с рек Пур и Тазовской губы тамошних русских промышленников П.Александрова, М.Палилова и других, падеж оленей происходил в жаркое время лета в июле месяце, болезнь начиналась с опухоли глаз и шеи, олень падает, туловище разбухает наподобие бочки, и он погибает.

При снимании с таких оленей шкур под кожей их на мясе видны были водяные пузыри.

Были случаи, когда ненцы, поевшие мяса таких оленей, умирали целыми семьями. По словам этих лиц, у одного кочевника на ихней местности пало около 5000 оленей дня в три. В 1903 году существовал с июля по август повальный падеж оленей у ненцев по рекам Надыму и Ныды. Там все имеющиеся у них олени — приблизительно 7000 голов — пали, так что они не могли выехать с добытой рыбой на рынки и оставались в местах своих кочевков. Во время этого падежа умерло тогда 17 человек ненцев, поевших мяса павших оленей, и даже птицы той местности — вороны и хохотуны после клева подыхали. От павших стад оленей впоследствии образовались целые площадки костей, обраставших сверху мхом, на котором паслись новые стада оленей и при заболеваниях и эти стада погибали.

Падеж оленей происходил в Сургутском уезде, но там оленеводство существовало в малых размерах приблизительно около 8000 голов. С мест из уезда посылались ходатайства в Губернию о выдаче пособия из казны на покупку оленей для снабжения пострадавших от падежа, но на них не обращалось внимания, никакой помощи от правительства не было, за исключением того, что в 1913 году послана была на Ямал экспедиция ветеринарного управления для исследования причин массового падежа оленей в 1911 году.

Начальником экспедиции назначен был бактериолог Драчинский, которым по возвращении экспедиции сделан был о результатах ее доклад в Тобольском Губернском музее, причем, описывая свой путь на Ямал, докладчик между прочим отмечал о значении оленя для тундры и высказывал свое мнение, что вымирание туземцев зависит не от тех причин, какие обычно указывались всеми исследователями их быта, то есть эксплуатации, водки и сифилиса, а именно от исчезновения оленя, без которого невозможно существование в тундре.

По упомянутому докладу Ямальская экспедиция, в распоряжении которой было 600 оленей и несколько ненцев, разбивались в три отряда, вела жизнь кочевую, как ее ведут сами ненцы, двигаясь за оленями, изучая всю обстановку и условия содержания оленей. Летняя стоянка лаборатории Драчинского оказалась на месте падежа — трупы лежали у самой палатки и земля, взятая из-под этих трупов, дала по исследовании споры сибирской язвы, которые и были культивированы.

Архангельская губерния в отношении борьбы с падежом оленей и проведении практических мероприятий оказалась более счастливой в сравнении с Тобольской. Там еще в 1909 году произведены были предохранительные сибиреязвенные прививки в Тиманской и Большеземельской тундре. По данным Архангельского статического комитета отход оленей простирался до 0.4 процента. За время свирепствовавших эпизоотий сибирской язвы в тундре Печерского края образовались повсюду так называемые «падежные места», на которых оленеводы уже боялись пасти свои стада, и места эти оставались неиспользованными в течение ряда лет. Между тем ощущалась нужда в них, так как количество необходимого для питания оленя ягела с каждым годом уменьшалось, и предохранительные прививки давали возможность вновь пользоваться этими пастбищами. Стада, прошедшие прививки, были запущены на эти пастбища, и ни один олень не заразился и не погиб.

О кедрах

Дополнительным промыслом является — кедровый. Кедровые леса раскинулись повсеместно в лесной зоне Обь-Иртышского севера, но особенно богатыми считались кедровики по реке Вах и в районе села Александрово Сургутского уезда по рекам Конда и Сосьва Березовского уезда и в районе села Самарово Тобольского уезда.

В урожайные годы, бывающие через промежутки в три и более лет, кедр дает до 5 кулей шишек или около 2,5 пуда чистого ореха. Таким годом был 1910 год и с обилием белки, принесшим значительную доходность туземцам. Цена ореха на месте была около 3 рублей. В указанных местностях заготавливалось по несколько тысяч пудов ореха. Дальние кедровые острова оставались еще не использованными.

В прошлом орехи потреблялись только для «шелкания», как лакомство, между тем из них можно было готовить растительное столовое масло, но никаких хотя бы кустарных маслобойных производств для переработки ореха в то время не было. Лесохимическая промышленность создана и развивалась лишь в советский период.

Кедровая шишка поспевает в начале сентября, когда начинается и сбор ее, продолжавшийся около месяца, а по дальним кедровым местам и более. По Ваху и Охпурьевской местности (Ларьякский район) один год шишка не падала с дерева и в начале зимы, в половине ноября, ханты сбивали ее как осенью в тех островах, куда не могли попасть в свое время из-за болот, и при личных опросах выяснилось, что такого особенного года не бывало и старики не запомнят. Но эти вытаявшие из-под снега шишки составляют безвкусный, бесцветный и почерневший орех.

Много ореха истребляется преждевременным сколачиванием незрелой шишки (преимущественно русским населением) и птицей ореховкой или кедровкой (ронжей) и бурундуками. Огромные площади кедровников уничтожаются пожарами. Добывание ореха производилось старым способом — сбиванием шишек тяжелым деревянным молотом ударами по стволу кедра и длинными шестами по сучьям, куда взбираются для сбивания. Обмолот и чистка шишек делалась ручным способом посредством растирания шишки деревянным катком, высеивания через решето сора на разостланной тиске, затем орех высушивается на листовом железе над малым огнем или в печах. Специально молотилки и веялки в то время имелись лишь в местностях с русским населением в Самаровской и южной части Тобольского уезда, где прекрасная кедровая роща при дер. Ярковой Бегишевской волости, бдительно охраняемая местными жителями.

Отрубки кедра вместе с сосновыми и лиственничными для определения степени их пригодности для выделки целлюлозы посылались казною на Лондонский рынок, и химическое исследование этих отрубков в Лондоне подтверждало их пригодность для вышеуказанной цели.

Птичий промысел

Главный предмет промысла составляла водоплавающая птица — утки и гуси, в малых размерах промышлялась боровая птица — рябчик, глухарь, тетерев-косач и куропатка. Ловлю уток повсеместно производили перевесом, то есть длинною сетью, прикрепляемой к столбам с перекладинами, для чего в гривах или ветвях, между озерами или протоками в густом лесу прорубается просека шириною в несколько сажен (от 6 до 10), где и устраивается перевес-сеть из тонкой мережи для ловли уток в весенние ночи по зорям, когда она пролетает по просекам с одного озера на другое. Сеть прикрепляется к веревке, называемой возжами, и поднимается и опускается при помощи деревянного блока или кольца, через которые продевается бечевка. У добытых уток промышленник прикусывает головки, и в ночь добывалось от 20 до сотни и более уток.

Для ловли гусей устраивались станки по р.Оби и Иртышу. На песчаном незатопляемом берегу, называемом «гольцом», вырывалась яма такой глубины, чтобы в нее мог пролезть человек с ружьем и припасами, накрываемая сверху берестяной крышею (тискою) на решетке, с дверцею, где помещается охотник на все время весеннего перелета гусей, продолжавшееся около трех недель. Ловля производилась через установку маншиков, чучел гусей. К этим приманщикам прилетающие стада вольных гусей садятся и часть их попадает под ружейные выстрелы сидящего в яме охотника. Но этот промысел гусей практиковался только среди русского населения Севера. Боровую птицу туземцы били из ружей и добывали слопцами. По Ваху уток, рябчиков и тетеревов ловили луком и стрелами, а в Обдорском районе линялых гусей били палками. У туземцев практиковался еще способ вынимания яиц из гнезд уток и другой птицы.

Продовольствие

Делом первостепенной важности на Севере является снабжение туземцев хлебом. Бывшие Сургутский и Березовский уезды — потребительные, население этого края жило исключительно привозным хлебом, доставлявшимся частными торговцами; в целях же регулирования цен последних с давних времен учреждены были

хлебозапасные магазины, и мука в них заготавливалась Губернским управлением по указаниям количества местной администрацией через сдачу подряда на поставку с торгов, назначавшихся всегда в городе Тобольске. Но почти каждый год покупная стоимость хлеба, поставляемого купцами в казенные магазины, была высокой в сравнении с заготавливаемой частными торговцами мукой. Так что иногда магазины эти не понижали цен, а, напротив, способствовали повышению хлебных цен торговцев.

Мука в некоторые магазины Сургутский, Угутский Сургутского района, Сартынинский Березовского должна быть завезена в начале навигации, так как при спаде воды и обмелении мелких речек пароходы с баржей к месту нахождения магазина не могут пройти. Груз застревает в пути, и доставка его к месту назначения сопряжена с большими накладными расходами и ущербом для промыслового населения. Так, например, в навигацию доставлявший для Угутского магазина наряд в половине лета пароход Плотинова из-за мели не мог пройти по реке Юган далее села Юганского и сбросил тут груз, не довезя по договору до Угутских юрт около 250 км. При совершении же рейса парохода во второй половине навигации по спаде воды доставка грузов для этого магазина возможна только до Сургута.

За несвоевременной доставкой хлеба и недостатком его происходили голодовки. В 1882 году в селе Ларьякском Сургутского уезда происходил голод за неуловом рыбы. В местном хлебозапасном магазине муки хватило до весны, оставались запасы только у торговки Глазковой. Она в начале весны продала 300 пудов для казенного магазина, а потом продажу совсем прекратила. Тогда ханты взломали у нее амбар и взяли 100 пудов муки, благодаря чему и прожили до новой муки (2500 пудов), доставленной лишь в половине августа.

Далее села Ларьякского километров на 600 по направлению к Туруханскому краю в вершине Кул-еган (приток р.Ваха) в 1892 году был голод и умерло около 20 человек. Голод произошел вследствие того, что у этих ханты безоленных есть горная речка, которую они каждый год запирали и черпали тут рыбу преимущественно одних ершей. Везли каждый день нартами и, надеясь на эту рыбу, хлеба запасали мало. Но вдруг рыбы не стало, они съели заготовленную сушеную рыбу, приели кости и чешую от летней рыбы, а потом начался голод.

В прежние годы хлеб доставлялся на север сплавом на барках,

туземцы голодовали из-за того же позднего приплыва и происходило даже людоедство.

Старожил села Ларьякского Кайдалов Ефим Гаврилович рассказывал, что по речке Котос-еган километров в 100 от этого села, в 70-х годах XIX века был голод с людоедством. В одной семье хантыйка Сигильетова Марья Александровна зарубила топором своего мужа при помощи своей матери, труп которого разрубили, сварили и съели, таким же путем убили и съели и живущих у них приемных детей двух человек, после чего человеческое мясо, варившееся в котле, было найдено кем-то из приехавших властей. Во время записи автором этих сведений со слов Кайдалова в селе Ларьякском в 1906 году Сигильетова была еще живая, имеющая от роду уже 90 лет, жившая тогда в этом селе у своего зятя.

Население севера, Сургутский и Березовский уезды с Самаровской волостью Тобольского уезда (Остяко-Вогульский), ныне Ханты-Мансийский округ, исчислялось для продовольствия в начале Октябрьской революции по данным 1912 года (за отсутствием других сведений), с некоторым округлением и увеличением цифр, в количестве 48476 человек. На это число Губернской продовольственной организацией в 1918 году заготавлился хлеб по 30-фунтовой норме в месяц на едока или по 9 пудов в год, всего 428284 пуда. Между тем действительное число населения к данному времени было значительно больше. Например, в 1917 году в Сургутском уезде числилось 15018 человек, считая в том числе и русское население города и уезда (5636), а в 1912 году было всего 10804 человека.

В большинстве районов Севера цены на муку были сносны: от 80 копеек до 1,50 рубля. Но в некоторых местах Березовского уезда, вследствие малых запасов частными торговцами, цены на нее поднимались до 2 рублей и дороже. Были случаи, что некоторые из беднейших ханты голодали и посылали своих детей за сбором подаяния-милостыни, так как из хлебозапасного магазина муки им не выдавалось за неуплатой старой хлебной недоимки.

Цены ржаной муки в Сургуте в давнее время — в 1864-72 годы были 35-40 копеек за пуд, и плата в то время рабочему-пешему была 20 копеек, с лошастью — 40 копеек.

В Обдорске массы хлеба продавались туземцам частными лицами в печеном виде во время ярмарки в январе месяце, и для этого целые горы ковриг хранились на складах у них.

КООПЕРАЦИЯ

В Сургутском уезде по Ваху производилось снабжение туземцев Ларьякской управы товарами из предметов первой необходимости, закупавшихся на капитал их 1200 рублей, образовавшийся от приторжки при продаже представляемых в ясак и повинности шкур, согласно постановленного приговора о закупке и продаже этих товаров по заготовительной стоимости в целях регулирования цен торговцев.

Производство операций по этой торговле сопряжено было с крайними трудностями и неудобствами ввиду дальности расстояния центра Ваха — села Ларьякского до г.Тобольска (летом около 1700 км.). Откуда доставлялся товар и отсутствия там людей, которым бы можно было доверить ведение этого дела, и трудностей установления контроля.

В 1915 году, вследствие все возрастающей дороговизны жизни и исчезновения совсем некоторых товаров в частной продаже, предложено было населению об устройстве своих общественных лавок для продажи на первое время только предметов первой необходимости, причем только русским населением села Тундринского дано согласие на устройство потребительской лавки. Туземцам же постановлены приговора об отказе от организации этого дела за неимением средств и отсутствием грамотных и сведущих людей среди них.

В Березовском уезде потребительская лавка существовала в селе Кондинском.

В дореволюционное время кооперативные общественные общества в местах и с русским населением вообще были весьма редки. Лишь в советский период общества эти стали развиваться благодаря В.И.Ленину, который придавал особое значение снабжению населения именно через кооперативную систему.

Болезни

Для иллюстрации распространения сифилиса среди туземцев была взята справка из Сургутской больницы. За пять лет в этой больнице находились на излечении от сифилиса по управам: Юганской — 12 человек, Тундринской — 15, Локосовской — 38, Ларьякской — 26, в то время как по Лумпокольской — 106 человек.

В сильной степени распространены на Севере глазные болезни: трахома и конъюнктивит. Много слепых во всяком возрасте, поэтому являлась настоятельная необходимость в посылке существовавшего в центре глазного отряда попечительство о слепых, о чем прошена была губернская власть с представлением списка слепых, которым по Сургутскому району произведен был для этой надобности учет. Но это ходатайство оставалось неудовлетворенным. Между тем для лечения этих болезней являлось желание у самих больных ханты. Так, Никита Сигильетов Ларьякской управы летом 1903 года возил свою жену на лечение в Томск, но съездил неудачно, не застал будто бы врачей, врачи-окулисты оказались разъехавшимися по отпускам. Ездили и еще в Томск на лечение больные ханты села Криволуцкого Тихон Сыгрянкин и юрт Чамкиных Локосовской управы Яков Чамкин и также бесцельно. Никто этим слепым никакой помощи не оказал. Вот такое отношение со стороны правительственной власти к туземцам Севера в то время было даже и в университетском городе, не говоря уже о таком захолустном городе, как Тобольск, куда за этим лечением съездил и также зря из юрт Качесовых Локосовской управы Никита Качисов.

Больных глазами в Сургутском уезде по учету 1913 года оказалось всего 136 человек. Но эти сведения не точны, многие больные в дальних пунктах остались не внесенными в списки, а по Тундринской управе совсем не было получено списка.

В 1903 и 1912 годах в Тобольске были вышеуказанные глазные отряды, но вместо помощи населению Севера тамошние власти ограничивались лишь бесцельным оповещением о времени прибытия отрядов и открытия их действий, так как за дальностью расстояний никто из больных туземцев там лечиться не мог и никто не ездил.

Многие слепые нуждались в постороннем за собою уходе, служа тяжелым бременем для своей семьи и одноюртников. При отлучках всех на промысел, они оставались дома без всякого присмотра одиночками на произвол судьбы и подвергались всевозможным лишениям и жестоким несчастьям. В апреле 1911 года сгорела в юртах Корольских Ларьякской управы 75-ти летняя слепая старуха Прасина во время пожара в юрте, будучи оставленной без присмотра сыном ее при отлучке на промысел. Затем в том же году в Березовском уезде в юртах Холась-Соимских Куноватской волости в ноябре месяце сгорели в своей избушке Иван Русьми-

ленков 72 лет и жена его Анна Григорьевна 68 лет, оба слепые.

Некоторые слепые пропитывались собственным трудом по рыболовству, помогая в этом своим семьям и соседям по плетению снастей и вязке мережи, по пряже ниток. Одна слепая на оба глаза хантыйка в юртах Урьевских Локосовской Управы Ганжева Акулина 40 лет, кроме пряжи ниток, занималась еще шитьем одежды. Она находилась на лечении в Сургутской больнице.

На дровяной пристани «Лукашкин Яр» Лумпокольской управы находился на жительстве ханты Александр Сигильетов, слепой на оба глаза старик, живший одиноким в избушке. Он пропитывался собственным трудом, сам без всякой помощи занимался промыслом рыбы на реке Оби и ездил один в обласу, маленькой лодочке наподобие душегубки.

По реке Югану в юртах Угутской управы в двух семьях слепых скарауливали дети их и из-за этого не отлучались на промысел. В юртах Рыскиных той же управы слепой Иван Рускин, имевший сына тоже калеку, одинокого, жившего отдельно от отца, за отлучками соседей оставался один дома и приучил свою собаку водить его за нартой по ближайшим юртам за сбором милостыни-подавания. Таким путем в течение нескольких лет этот слепой ханты пропитывал себя, переходя пешком из юрт в юрты в зимнюю пору с собакой, которая, будучи запряженной, водила его за нартой и помогала ему, когда он в своих юртах оставался один.

О плохой медицине на Севере в прошлом в печати отмечались такие сведения с мест.

Насколько удовлетворительно поставлена медицинская помощь в г.Березове может служить иллюстрацией недавний случай: крестьянин села Елизаровского на охоте нечаянно прострелил своему сыну руку, повезли раненого в Березов, врач отказался сделать ему операцию и несчастного больного должны были везти из Березова в Тобольск, то есть за тысячу километров. Да при перевозке его из села Елизарово до Березова проделано 420 километров.

Школы

Первая школа на Ваху в селе Ларьякском Сургутского уезда — единственная на Тобольском Севере туземная школа.

В январе 1904 года в селе Ларьякском открыто начальное училище Министерства Народного Просвещения, согласно приговора туземцев, постановленного в декабре 1903 года во время съезда их

на происходившую тогда в этой местности ярмарку. До того времени в некоторых пунктах Крайнего Севера существовали школы лишь церковно-приходские для обслуживания русского населения. Для обучения туземцев были школы в селах Обдорском и Кондинском Березовского уезда, но в них преподавались также главным образом божественные науки, и образовательного значения они не имели.

На должность учителя Ларьякской школы назначен был Тобольским училищным Советом молодой педагог Дмитриев-Садовников Григорий Матвеевич, уроженец Тобольска, который прибыл в Ларьяк в январе 1904 года и тогда же приступил к открытию школы и началу занятий.

До разрешения открытия Ларьякского училища и подыскания учителя автором были приняты лично меры при поездке по служебным делам в Тобольск в декабре 1903 года, и назначенный учитель Г.М.Дмитриев-Садовников прибыл из Тобольска в Сургут в январе 1904 года вместе с автором. Откуда до села Ларьякского он был отправлен один, проехав таким образом в самую морозную пору и при крайних неудобствах расстояние в 1564 километров.

В первое время в школу поступило 15 учащихся. Из них 6 ханты — 4 мальчика и 2 девочки, остальные — русские. Ученье пришлось начинать при тяжелых условиях, учитель не знал хантыйского языка, ученики — русского. Тем не менее учителю удалось научить их читать по звуковому способу сначала хантыйские слова, написанные русскими буквами, а потом и русские. Ученики научились по — русски, а учитель по — хантыйски. Шесть хантыйских детей окончили в этом училище учение в первые годы и получили свидетельства. В последующие годы еще обучено несколько человек детей этой национальности.

С 1908 года при Ларьякской школе открыта была слесарная мастерская (холодная), и туземцы обучались этому мастерству.

Училище помещалось в собственном здании, устроенном главным образом на средства туземцев и на субсидию от казны стоимостью около 2000 рублей, в коем помещалась квартира учителя и слесарная мастерская.

Первые годы учащимся хантыйским детям выдавалась бесплатная одежда и обувь на собранные пожертвования около 200 руб. и отчасти платилось за содержание их. Сохранился список выданной учащимся детям ханты одежды с расписками их и с заверением подписью учителя Дмитриева.

Из указанной суммы пожертвований 40 рублей было израсходовано на покупку картофеля, посадка которого тогда начиналась для ознакомления туземцев, хотя разведение его в той местности впоследствии прекратилось за неимением средств.

По сообщавшимся учителем сведениями и в письмах Дмитриева на имя автора о положении в школе, дети учились со старанием, особенно ханты. Была у них, писал учитель, одна девочка лет 9, маленькая, веселая, когда у ней летом не хватало чернил, она писала ягодным морсом. Хорошо решала задачи в пределах 20, красиво и без грубых ошибок писала. Ханты Егор бегал летом, то к тому, то к другому из жителей села и просил разъяснить то непонятное слово, то предложение. «Кем ты хочешь быть?» — спросил его учитель. «Писарем», — ответил он и улыбнулся широкою остяцкой улыбкой.

Часто ученики ханты расспрашивали учителя о больших городах, о японцах, о жизни других народов. После учения они бегали вместе с учителем ловить рыбу, катались на санках, на собаках, а иногда ходили на охоту.

Дмитриевым-Садовниковым составлена была рукопись грамматики хантыйского Ваховского наречия, сданная им в библиотеку Тобольского Губ.Музея. Правление общества изучения края при этом Музее, ввиду большой нужды в туземных учебниках, в 1925 году решило издать ее для пользования в школах, но предварительно она послана была через Уралплан для оценки и отзыва профессору Пермского Госуниверситета Емельянову, которым давно эта рукопись признана неудачною, как имевшая много дефектов, лингвистических ошибок.

Кроме упомянутой рукописи, Дмитриевым составлен этнографический очерк «С реки Ваха сургутского уезда», помещенный в Ежегоднике Тоб.Губ. Музея за 1911 год, выпуск XIX, с описанием природы этого края, быта населения, промыслов.

Будучи активным деятелем Тобольского Губернского музея Дмитриев-Садовников участвовал в экспедиции В.Н.Городкова по исследованию реки Ваха, снаряженной по инициативе этого музея и при денежной поддержке Академии Наук и Петербургского Ботанического Сада.

В первые послевоенные годы Дмитриев-Садовников перемещен был из Сургутского района в Березовский, там он в 1920-21 годах произвел исследование Обдорского края и выполнял другие работы.

В 1904 году был составлен приговор об открытии школы в юртах Вартовских Локосовской управы, но из-за нерасторопности и бездействия училищного совета открылась она только в 1910 году. В ней обучалась одна остяцкая девочка.

Транспорт

С Томской губернией юрт Мурасовых Лумпокольской управы до города Березова, а далее до села Обдорска — на оленях и частью на лошадях по Вахтомскому тракту от юрт Нижневартовских по направлению к юртам Охтиурьевским Ларьякской управы и между Сургутом и селом Юганским сообщение было на лошадях. Во всех остальных областях сообщения между населенными пунктами совершались на оленях и на собаках. Оленные пути осуществляли до Обдорска на Ижму Архангельской губернии из Березова через Сосьвинский район в Пермскую губернию.

На лошадях ездили «гусем», то есть ввиду узких дорог лошади запрягались (две или три) как обычно не с боков коренника, а в прямой линии одна за другой. На переднюю лошадь при впряжке тройки (или в редких случаях четырех лошадей) усаживался особый ездок (ямщик). Летом сообщение по рекам на пароходах и лошадях, но срочного пароходства не было. Частные пароходцы рейсировали в низовьях Оби до Обдорска и далее исключительно по обслуживанию своих промыслов. На плесе Тюмень-Барнаул рейсовали пароходы Товарищества Западно-Сибирского пароходства, но они всегда шли переполненными, попутных грузов не брали. Так что на пристанях грузы лежали целыми месяцами в ожидании отправки, и рыба портилась. За неопределенностью продвижения пароходов, неустановкой расписаний и за отсутствием телеграфа (проведенного только в 1913 году), пассажирам приходилось сидеть на пристанях по неделе и по две.

Сообщение на лодках представляло наибольшие неудобства при весенних разливах р.Оби, затопляющих низменные берега и луга, называемые сорами, на необъятных просторах. При сильных ветрах движение на лодках приостанавливалось дня на два и более, а при застигшей в пути буре — единственное спасение — причаливание и укрепление лодки в торчащих поверх воды береговых кустах.

С 1905 года в Березовском уезде установлено было земское и почтовое, субсидируемое казной, пароходство. В Сургутском же уезде почта доставлялась на проходящих между Томском и То-

больском товаропассажирских пароходах. Земская гоньба отбывалась на лодках, некоторое время на арендованном у частного владельца катере. В 1915 году вызывались желающие сдать в аренду пароход для земского сообщения в пределах Сургутского уезда по р.Оби от Томской границы пограничных юрт Мурасовых до села Селияровского Тобольского уезда и по рекам Ваху до села Ларьякского и Югану до села Юганского, но эта мера не была осуществлена за непоступлением заявлений от пароходовладельцев.

В целях оживления богатейшего Низового Края с давнего времени проектировалось соединение железнодорожным путем стоящего на узле водных дорог г.Тобольска, к которому нижнее течение р.Оби от Сургута до Обдорска тяготеет экономически, о чем Тобольским Городским Управлением в течение многих лет велись безуспешные ходатайства перед Комиссией о новых дорогах, перед Министерствами Путей Сообщения и Финансов, уполномачивались для этого Тобольские депутаты Государственной Думы и другие лица.

Для осуществления этого дела имелось два железнодорожных варианта: Тавда-Тобольск и Тюмень-Тобольск. По записке к проекту железнодорожной ветки на Тобольск инженера Адрианова, составленному на основании рекогносцировочных изысканий, произведенных в 1905 году, кроме двух вариантов по левому берегу р.Тобола, с пересечением рек Туры и Тавды от Тюмени до Тобольска и по правому берегу Тобола с пересечением Туры и Тобола и Ивлевой пристани, от Тюмени до Тобольска разработано было еще основное направление от станции Тобол, расположенной на 84 версте Тюмень-Омской железной дороги (у Ялуторовска) до г.Тобольска. Длина ветки по этому направлению от станции Тобол до Тобольска 188 верст, и инженер Адрианов считал его более выгодным в строительном отношении, чем работы по 1-му и 2-му вариантам. Затем строитель Тюмень-Омской железной дороги инженер Беер также был сторонником соединения Тобольска с Ялуторовской железнодорожной ветвью, для которой бывшими в его распоряжении инженерами тоже были произведены изыскания, давшие самые благоприятные заключения о дешевизне и удобстве этой ветви.

Вариант Тавда-Тобольск считался невыгодным и нецелесообразным для оживления Севера по сравнению с другими вариантами. Эта линия на всем своем протяжении в 180 километров должна проходить по пустынной болотистой местности сплошными болотами и топями, особенно по громадному Колумбаевскому болоту,

тогда как при соединении железнодорожной ветки с Ялуторовском постройка пройдет по ровной сухой местности. Однако впоследствии, уже в советский период, для оживления экономического и культурного возрождения Севера предположено строительство Тавдинской линии, главными грузами для которой должны быть Кузнецкий уголь и кокс для Уральской металлургии, лес, рыба, причем эта линия обеспечивается и в обратном направлении такими главными грузами, как уральские металлы и хлеб для экспорта по Великому Северному пути.

Помимо Ялуторовского варианта и Тавдинской линии возник еще проект на постройку линии Петропавловск-Ишим-Тобольск, чтобы воспользоваться для товарообмена грузами юга.

Соединение Тобольска с югом с государственной точки зрения признавалось более важным, чем соединение его с северными дорогами.

Но, несмотря на все усиленные хлопоты Тобольска о железной дороге, поддерживаемые к тому же рядом других также заинтересованных в постройке этой дороги городов, расположенных по рекам Обь-Иртышской системы, ни один из этих проектов не осуществлялся.

Взамен соединения железнодорожной сети с Тобольском, в целях увеличения движения грузов и экономического улучшения Севера, Тюменью выдвигался проект шлюзирования р. Туры, ввиду ее маловодия, о чем долго велись споры Тюмени с Тобольском, на стороне которого были все преимущества соединения его железной дороги с одной из станций Тюмень-Омской дороги предшлюзованием Туры. Шлюзование нужно было не в интересах края, а в интересах пароходчиков и строителей шлюзов, с предположенным ассигнованием на производство работ 5 миллионов рублей (включая часть расходов на расчистку мелей и в р. Тоболе).

Расчистка перекатов на р. Туре путем гидротехнических сооружений и землечерпалок производилась в течение многих лет, но обмеление реки получилось на всем протяжении, условия судоходства ухудшились, и в числе неопровержимых аргументов за проведением железной дороги с Тобольском между прочим указывалось, что на шлюзование будет только бесполезная трата денег так же, как они тратились на неудачную постройку Обь-Енисейского канала.

Устройство железной дороги предполагалось и в Березовском уезде, где с 1900 года производились предварительные изыскания

от Обдорска до Белковской губы экспедицией инженера Гетте с перевалом через Урал в 90 верстах от Обдорска и около 300 верст от Белковской губы в местности, называемой Санго-Ма. Но в результате этих работ выяснилось, что направление указанной линии намечено было неудачно.

В Тобольске, на одном из частных совещаний, проведенном железнодорожниками в 1913 году при участии Депутата Государственной Думы от Тобольска Суханова, обсуждался вопрос об урегулировании сообщения с Севером, и выяснилось, что сургутские грузы в ожидании отправки лежат на пристани более 2-х месяцев за перегруженностью проходящих томских пароходов. На этом совещании присутствовал представитель Западно-Сибирского пароходства Корнилов, и ему предложено было оказать содействие в этом деле, связать правильными рейсами Сургут, где для этого всегда имеется более ста тысяч пудов груза, кроме покупных по направлению к Тобольску пристаней. Но названный капиталист откровенно заявил, что для них представляют интерес не нужды населения, а миллионные грузы, если есть сто тысяч пудов груза, то это не груз. Они перевозят в навигацию 30 миллионов пудов грузов и что, если бы по сургутской линии был один миллион пудов груза, это был бы груз, а сто тысяч пудов — какой это груз.

МОРСКОЙ ТОРГОВЫЙ ПУТЬ

Огромное значение в экономической жизни Севера имеет Морской Торговый Путь. Со времени большой Северной экспедиции 1733-1743 годов в половине 70-х годов XIX столетия английским капитаном Виггенсом и шведским профессором Норденшельдом установлена возможность сообщений с иностранными портами через Карское море, в котором иногда встречается мало льдов и оно бывает доступно для плавания. Эта возможность подтверждена была последовавшими затем несколькими экспедициями к устьям рек Оби и Енисея, снаряженными от Академии Наук, от Общества для содействия Русскому Торговому Мореходству и Русской Промышленности и от Министерства Финансов. С 1878 до 1898 года был разрешен, хотя и на краткие сроки, беспошлинный ввоз иностранных товаров в устья Енисея и Оби, и завязались торговые отношения с англичанами.

Для оживления Севера, подъема и развития местной промышленной жизни необходимо именно открытие порто-франко и не

краткие разрешения (на три и на пять лет), а на более длительное время, о чем вопрос одно время оживленно разрабатывался Сибирской прессой и Государственной Думой, но правительством, которому было заявлено об этом, сначала дано было разрешение на порто-франко, а потом в угоду Крестовнику, сибирскому фабриканту стеариновых свеч, и другим представителям купечества, это разрешение отменено и на доставленные английскими кораблями товары была наложена пошлина.

Вследствие успехов иностранцев в плавании Северным Морским путем сибирские купцы сделали попытку отправки в 1897 году в числе иностранных товаров в Сибирь кирпичного чая из Ханькоу через Лондон и Карское море в устья Оби и Енисея в количестве 154000 пудов, и попытка эта вышла удачной. Английской фирмой Поппам груз с чаями доставлен был так скоро, что цибик чая даже в Тюмени получился в четыре месяца, тогда как старым монгольским путем для этого требовалось до двух лет. Затем, в 1899 году, той же транспортной конторой Поппам снаряжена была товарная экспедиция в Сибирь, но она оказалась неудачной. Вернулась обратно в Англию по невозможности пройти через Карское море за большим скоплением льда в Югорском и других проливах. В числе вернувшегося тогда по несчастью в Англию груза товаров также было много кирпичного чая, и московские частноторговцы просили разрешения Министерства Финансов о провозе его с другими грузами в Сибирь по железным дорогам. Но такой провоз не разрешен, поэтому чаи были отправлены обратно в Ханькоу, откуда монгольским путем через Кяхту в Иркутск направлены в Сибирь, и только на третий год чаи эти попали на сибирские рынки.

В 1898 году из Тобольска послана была в Обскую Губу пароходными фирмами Корнилова и Плотникова торговая экспедиция с грузом 20 000 пудов пшеницы для обмена на заграничные товары, и обмен при встрече судов в бухте «Находка» прошел благополучно. Из Англии получен кирпичный чай, рис, олово, жель, гарпиус и машинные вещи всего около 30 000 пудов, причем по возвращении английских кораблей в половине сентября из Лондона в Екатеринбург, получена была телеграмма с извещением, что из пяти кораблей, ходивших в ту навигацию к берегам Сибири с заграничными товарами, один корабль отстал и в фиордах, у берегов Норвегии, наскочил на подводный камень и со всем грузом затонул.

Кроме крушений морских судов в сношениях с Сибирью, терпели аварии и речные суда. В 1879 году отправлены были в море для обмена товаров три шхуны Трапезникова с грузом пшеницы, сала и спирта, и все погибли, одна — в Обской губе, две — в Карском заливе. В Обской же губе погиб и пароход «Луиза».

Аварии происходили вследствие неимения в то время морских карт и наблюдательных знаков, отсутствия перегрузочных баз и другого оборудования. Лишь советской властью установлен вполне безопасный морской путь с освоением арктических морей, с составлением карт, с устройством полярных радиостанций, маяков, авиабаз.

Обь–Енисейский канал и проект соединения Оби с бассейном реки Печоры

В соседнем с Тобольским Севером Нарымском крае существовал Обь–Енисейский канал, построенный в конце прошлого столетия с целью установления сплошного водного пути от Урала до Китайской границы, но построен был неудачно и был заброшен.

Первоначально делались попытки к проведению канала частными лицами. Инициатором этого дела являлся енисейский купец Фунтусов. Им сдано направление канала по такому пути: из р.Оби в реки — Кеть, Озерную, Ломоватую, Язевую, озеро Большое, реки Малый Кас, Большой Кас и Енисей. По этому пути Фунтусов первый приступил к прорытию означенного канала, хотя его работа на первое время и не достигала желаемых результатов, но им прокопано канала 8 верст длиной.

После Фунтусова капитан Сиденснер возбуждал ходатайство о разрешении ему организовать акционерное общество для постройки канала, но в этом правительство ему отказало.

Затем намеревался осуществить эту идею работавший много лет над решением вопроса о морском пути из Сибири в Европу известный энергичный деятель Севера М.К.Сидоров, бывший учитель. Обладая большими денежными средствами, он обращался в Восточное генерал-губернаторство за разрешением провести этот канал без всякого пособия от казны, но ему ответили: «Если бы канал был нужен, то он сделал бы и без Сидорова, а так как

канал не нужен и проведение его на севере решительно невозможно, то в просьбе Сидорову отказать».

Однако впоследствии, в 1883 году, к устройству этого канала приступлено и самим правительством. Работы тянулись десятки лет и при плохом строительстве. Канал был доступен только для самых мелкосидящих речных судов и был заброшен.

Организованной в советский период в 1927 году для изучения бассейна р.Оби Красноярской рыбохозяйственной станцией было произведено обследование водораздела между Обью и Енисеем и выяснилось, что канал окончательно пришел к разрушению. Шлюзы не действовали, железные части оказались растасканными, деревянные гидротехнические сооружения сгнили, образовавшиеся местами заломы заросли травой и завалены карчами леса. Так что этот водный путь стал совершенно негодным для судоходства и потрачены миллионы рублей непроизводительно.

Упомянутым исследователем Севера Сидоровым проектировалось еще соединение бассейна Оби с бассейном Печоры и производились исследования удобных перевалов через Северный Урал, продолженные потом Сибиряковым и Голохвастовым. По исследованию Сибирякова оказывалось, что сношение между Обью и Печорой удобнее всего организовать по волокам Щугорскому и Сосьвинскому. Первый волок находится между Ляпиным на притоке р.Северной Сосьвы-Сагве и между селом Щугорским на р.Печоре протяжением 200 верст. Сосьвинский волок между Обью и Печорой находится между Ияксимбалем, лежащим при устье Нетса и селом Троицко-Печорским на Печоре, иначе называемым Мылвой, вблизи устья р.Ильча, протяжением около 300 верст. До Ляпина с Оби по рекам Северной Сосьве и Сыгве возможно устройство удобного пароходного сообщения, как и далее по Печоре до села Щугорского. Жители Ляпина по Щугорскому волоку отправляли на Печору зимой на оленях олени шкуры и рыбу, как и печорские зыряне по этому же волоку всегда въезжали на Обь через Ляпин для закупки этих товаров.

Из Ляпина была устроена дорога через Ияксимболь на Лозьву и в Ивдель, куда березовские туземцы постоянно ездили зимой на оленях, доставляя туда рыбу.

Этот путь мог бы быть использован для того, чтобы связать весь Сосьвинский район сухопутным сообщением с Уральскими заводами и выйти таким образом к Пермской железной дороге.

И еще был проект Маркграфа о проведении железной дороги

от Архангельска до истоков Ляпина Сыгвы через Пинегу, Ижму, Кожву и Усть-Цильск для оживления как Западного склона Урала с его нефтяными и рудными богатствами и Тиманского хребта, так и Березовского края.

Памятники и история

В 1940 году весь архитектурный ансамбль Тобольского Кремля принят советской властью под Государственную охрану, как имеющий высокую историческую художественную ценность, а также взяты под охрану некоторые церкви города и одна из них — Захарьевская — является замечательным памятником древнего зодчества сооружения знаменитого архитектора Бартоломео Растрелли в конце XVII века. Кроме Кремля и церквей, принят на учет и под государственную охрану и столица Кучума — Искер.

В ограде Кремля около здания архиерейского дома находился колокол с отсеченным одним ухом, сосланный в Тобольск из Углича по приказу Бориса Годунова в наказание по преданию за то, что в него били в набат при убиении царевича Дмитрия. Этот колокол в конце прошлого столетия возвращен в Углич, и в Тобольском Музее хранится макет его.

Кроме Кремля, в Тобольске много и других исторических памятников. Здесь при следовании в ссылку в Якутскую область в 1792 году в течение нескольких месяцев прожил один из первых революционных деятелей и пламенный патриот, великий писатель философ Александр Николаевич Радищев. Затем в ссылке, в Тобольске, по окончании сроков каторжных работ, находились декабристы и из числа их там умерли — А. Муравьев, Варягинский, Вольф, Башмаков, Кюхельбекер (друг Пушкина), как товарищ по Царскосельскому лицей, Семенов, Краснокутский и похоронены на Тобольском кладбище.

В отношении следования Чернышевского из Тобольска в Восточную Сибирь на каторгу главным начальником Западной Сибири, из опасения влияния Чернышевского на окружающих, отдан был приказ о строгом надзоре за ним, как опасным политическим преступником, во время пребывания в Тобольском тюремном замке, недопущении кого-либо для свидания с ним и скорейшей отправки его.

Из Тобольска Чернышевский отправлен был не с арестантской партией, а отдельно на почтовых лошадях в сопровождении

двух жандармов и за счет казны, тогда как проезд в то время арестантам к месту их ссылки на почтовых лошадях, то есть с наибольшей скоростью и удобством, разрешался лишь за собственный счет. Губернатор объяснял начальству в Омск нарушение этого закона и отправку Чернышевского на почтовых за счет казны особенной важностью преступления, за которое он ссылается, а также и тем, что Чернышевский, по созданной им литературе, привлек много поклонников, преимущественно людей молодых. Это обстоятельство могло вызвать в пути продолжительные остановки и что обыкновенный конвой для общего наблюдения за всей отправляемой из Тобольска арестантской партией, иногда в несколько сот человек и для особого наблюдения за Чернышевским, губернатор считал недостаточным. Эти сведения Тобольским Окружным Архивом доставлены были Московскому Государственному Музею Н.Г.Чернышевского по требованию этого Музея.

Когда Николай Гаврилович, при совершении над ним гражданской казни, находился на площадке эшафота, стоял прикованным цепями к позорному столбу и над головой его ломали шпагу, то к нему на помост со сторон через головы жандармов летели букеты цветов и был еще брошен букет к карете, когда в нее его садили по окончании казни и увозе от эшафота.

При проезде Чернышевского в Нерчинскую каторгу на одной почтовой станции произошла случайная остановка его на сутки вследствие того, что сопровождавшие его жандармы отлучались в расположенную вблизи от станции деревню к родне одного из них. Смотритель этой станции, под присмотр которого оставлен был Чернышевский, так рассказывал про него: «Чернышевский показался мне, что маленький ребенок, смирный, тихий, обходительный, воды не замутит... И за что только везли его в каторгу. Жандармы сами рассказывали: едем, говорят, мы и день, и ночь, он больше молчит и молчит, промежду нас сидит, или как там придется. Дорогой-то и познакомились. Я сам российский, а товарищ мой — здешний сибиряк, и от этой станции верст семь его деревня с отцом с матерью. Дорогой товарищ и разговаривает: близко родня живет, а заехать нельзя, потому секретного везем, инструкция строгая, на обратном пути разве заедем. Он и услышал наши разговоры, да и говорит: «Братцы, дайте отдохнуть сутки, устал я, очень разбило, а вы себе идите, если хотите, в вашу деревню. Посадите меня на станции в комнату, верьте мне — никуда не уйду, из комнаты не выйду». Соблазн был силен, деревня, родня

близко, поверили ему, согласились. Мне его и поручили в ту комнату в стороне от проезжающих поместить, взяли со станции лошадь и уехали в деревню. Сидел он тут, как младенец, больше лежал на диване... Лицо худое, загорелое, в очках, все больше промежду себя думает... Я к нему и так, и сяк, потому любопытно... «Чайку не желаете ли? — Благодарю, — говорит, — если найдется молоко, выпью... Устал я с дороги, очень устал, отдыхать надо...» Я все-таки, знаете, за ним присматривал, жандармы поручили, просили — кто его знает. А он в сутки два-три раза вышел на двор и опять в свою комнату, когда выходил, всегда меня спрашивал. Спросил я его, будто ненароком: «Из каких Вы будете?» — Как, из каких? Спрашивает. — «Рукоремеслом каким занимались у себя в России?» Он посмотрел на меня, улыбнулся, подумал, да и говорит: «По писарской части маялся...» Чудной человек был право, что ребенок малый, а в каторгу ехал, не разберешь — ему бы монахом быть, а он в каторгу. Полежит, полежит на диванчике, походит по комнате и снова ложится. Мне из писарской все видно и слышно. В те сутки ни единого проезжего не было, почта не проходила, так он и просидел до утра на свободе. Вернулись жандармы из деревни навеселе, провожать их приехало человек пяток, запрягли лошадей, прописал подорожную, только их и видели. Через две-три недели проезжали обратно, веселые ехали: сдали арестанта благополучно. Говорили между прочим: такого человека одного, без нас караульных, в каторгу без опаски посылать можно, посади одного в повозку, скажи: поезжай в каторгу, непременно доедет, никуда в сторону не заглянет.»

Царским правительством установлен был строгий надзор за декабристами, вся переписка их подвергалась проверке со стороны губернатора.

В виду обнаруженных за отбывавшими ссылку в Ялutorовске декабристами Ентальцевым и Тизенгаузеном поступков в том, что они состояли в близких связях с крестьянами и вселяли в них дух недоверия к начальству, а также замеченных в связях чиновника Макарова с декабристом Муравьевым-Апостолом, изданы были строжайшие приказы о том, чтобы не допускалось никаких сношений декабристов с местными жителями.

Запрещалось декабристам иметь у себя портреты и фотокарточки и отправлять кому бы то ни было. Такой надзор распространялся и на членов семей декабристов, переписка которых также подвергалась просмотру. Жены декабристов обязывались подписками

о том, что они не должны никуда отлучаться из тех мест, где состоят на причислении их мужа.

Декабристы в ссылке жили между собой в дружбе. Тобольским архивом найдены завещания Вольфа и Журавлева, по которым они оставшиеся после своей смерти деньги назначили своим товарищам по ссылке. Так, Вольф завещал дать сто рублей Башмакову и из следующих ему к получению, как долга по завещанию Муравьева 3000 рублей, распределить между четырьмя товарищами, находившимися еще в Восточной Сибири, — Фроловым, Крюковым, Киреевым и Фалленбергом.

Декабристы оказали большое культурное влияние на сибиряков. Жители Тобольска и других городов Тобольской губернии, где были на поселении декабристы, с величайшей благодарностью вспоминали о них, о постоянной их заботе и помощи беднейшему населению, устройстве школ, приеме к себе на воспитание детей бедноты.

Такое же обращение декабристов к сибирякам было и в Восточной Сибири.

В Тобольске жил и великий ученый Д.И.Менделеев. По окончании института Дмитрий Иванович Менделеев служил преподавателем в Одессе и Симферополе, в 1856 году, 22-х лет, Менделеев занимал уже должность приват-доцента при Петербургском Университете, затем работал в Германии в Гейдельбергском университете (1859-1861 годы).

С 1866 года был профессором Петербургского университета. В 1869 году Менделеевым издан знаменитый труд «Основы химии». Этот труд «периодическая система элементов» всюду во всем мире служит пособием для химиков. Имя Менделеева повсеместно за границей превозносится с восторгом, и только у себя, в своей родной стране, творец химии не был оценен. Царское правительство относилось к нему даже с презрением, кандидатура его в члены Академии Наук была отвергнута, и Дмитрий Иванович вынужден был оставить кафедру химии университета и перейти на службу по министерству Финансов в Департамент торговли и промышленности управляющим Главной Палатой мер и весов, где теперь находится музей Д.И.Менделеева при Ленинградском научно-исследовательском институте метрологии. Только в Советской стране Менделеев получил должную оценку своих гениальных трудов, и Советская власть свято чтит его память.

Д.И.Менделеев исключительное внимание уделял промышленности, как и сельскому хозяйству, и Уралу. В 1899 году он с

возглавляемой им экспедицией изучал современные естественные и экономические условия железорудной промышленности Урала, и результатом этих работ явилось издание им книги «Уральская железная промышленность в 1899 году», каковой труд представлял высокий научный интерес, оказал огромное практическое значение для дальнейшего развития промышленности Урала.

О развитии Уральской металлургии Менделеевым еще в 1882 году издан был труд — «Мысли об условиях развития заводского дела в России» и рекомендовано им создание на Урале Металлургического Института.

В своей книге по экономическим вопросам «К познанию России» (1906 года) Менделеев отмечал о необходимости индустриализации страны, механизации и химизации земледелия и, интересуясь нефтью и каменноугольными месторождениями, предсказывал будущую роль Урала и Кузбасса с неисчерпаемыми угольными его богатствами. Эти предсказания осуществились при советской власти. По инициативе Сталина в 1930 году создан мощный Урало-Кузнецкий комбинат, представляющий широкое индустриальное развитие на громадной Западно-Сибирской низменности.

Кроме вышеизложенного, Менделеев занимался исследованием упругости разряженных газов и воздухоплаванием, составив проект аэростата. В 1867 году он совершил научный полет на аэростате для наблюдения солнечного затмения, достиг высоты в 3500 метров и благополучно приземлился.

Умер Менделеев в 1907 году в Петербурге и похоронен на Волковом кладбище с большой торжественностью.

В Тобольске Государственный музей — сокровищница Сибири — основан еще в 1887 году, пользующийся широкой известностью, с многочисленными ценнейшими экспонатами, ярко отражающими природу, историю и быт отсталых народностей Севера и достижения на нем социалистического строительства, с крупнейшей научной библиотекой.

В историко-революционном подотделе музея имеются портреты содержавшихся в Тобольской тюрьме А.И.Радищева, В.Г.Короленко, М.И.Михайлова и других революционных деятелей и находившихся в Тобольской ссылке декабристов, фотографии могил их на Тобольском кладбище и домов, где они жили. В музее хранятся и вещи, принадлежащие Фонвизину, и орудия наказания в Тобольской каторге (кандалы, плети).

В Тобольске существовала косторезная мастерская и талантлив-

вые мастера-косторезы были Терентьев и Денисов. Работы их получали высокую оценку на Международных выставках. За изделия Терентьева золотую медаль на Парижской выставке получил хозяин мастерской, где работал этот знаменитый мастер, которого ценил и великий русский художник И.Е.Репин. В то время с начала девяностых годов Тобольская косторезная мастерская находилась в руках частных предпринимателей Овешковых, Мельгуновых и других эксплуатировавших рабочих, как обычно велось при капитализме и следовавшие мастерам за хорошую работу награды получали хозяева сами.

В Тобольском музее хранятся работы Терентьева — художественные скульптуры героев пьесы А.М.Горького «На дне» и группа «Один с сошкой, а семеро с ложкой», сатирическая тема, запрещаемая при царизме.

Косторезное искусство на севере известно с давних времен. Туземцы первые употребляли кости мамонта для поделок из них наконечников для стрел, ручек для охотничьих ножей, принадлежностей к оленьей запряжке (сбруе).

В Тобольске резьба по кости производилась еще в начале XVIII века ссыльными шведами и позднее поляками, изготавливавшими шкатулки, табакерки и другие вещи. Исключительными по мастерству являлись работы ссыльного поляка Пляноса, хранящиеся в Тобольском музее.

Сургут

Сургут построен на правом берегу р.Оби на перекресте 61,15 северной широты и 43,23 восточной долготы, огибаемый речками Бардаковкой (Сургуткой) и Саймой, на песчаной возвышенной местности. Прибрежная полоса близ церкви глубоко песчаная, нога утопает в рыхлом песке и с трудом можно проходить по этому месту. С северо-восточной стороны город окружен хвойным лесом и болотами.

Основание Сургута, как и вообще возникновение первых русских пунктов-городков и острогов в бассейне Оби вслед за взятием столицы Сибирского хана, относится к концу XV и началу XVI веков, когда в 1594 году 19 февраля дан был царский приказ князю Федору Барятинскому и Владимиру Аничкову построить город Сургут. Цель постройки состояла в том, чтобы подчинить Московской власти Пегую Орду (пеструю) или Нарымских остя-

ков, находившихся в то время под властью своего князя Вони, у которого еще до основания Сургута взят был в плен сын его Урунка, присылаемыми из Тобольска «годовальщиками» при сборе ясака. Этот наказ был следующий. По Указу Государя Федора Ивановича велено им «быть на службе в Сибири, вверх по Оби реки ставить город в Сургуте или в Базионской волости в Лумепуке (Лунпук), в котором месте пригоже, высмотря место крепкое, поставить город всеми ратными людьми и тамошними остяками. Да то место написать в росписи и на чертеже начертить и всякие крепости выписать, где станет город. Да отписать к Государю подлинно, как пойдут из Тобольска вниз Иртышем и вверх по Оби, и сколько будет ходу судам, чтоб Государю все было ведано».

Но упомянутые воеводы оказались бессильными в выполнении наказа за недостаточностью бывших в их распоряжении сургутских служилых людей для похода против Вони, поэтому в следующих годах правительством принимались меры к увеличению сил. Воня только в первый год при основании Сургута прислал ясак и то с той целью, чтобы выручить из плена своего сына Урунка.

В 1595 году первые воеводы были сменены, назначены новые — воевода Осип Плещеев и сургутский голова Иван Калемин и при них Московским правительством назначен был в 1597 году большой военный поход (до 550 человек) против Вони ввиду отказа его от добровольного платежа ясака и полученных сведений, что Воня, имевший до 400 человек войска, и сам собирается напасть на город Сургут и уничтожить его. Но поход этот не состоялся, и лишь в следующем, 1598 году, сургутскому воеводе Лобанову-Ростовскому удалось подчинить Пегую Орду русской власти и построить острог Нарым.

При этом в Сургуте появилось много захваченных при походе пленных, в отношении которых Лобанову-Ростовскому из Москвы послан был такой приказ: отобрать от служилых людей всех пленных, некрещеных отослать на родину, а крещеных мужчин поверстать на службу, женок их и девок выдать замуж за служилых людей, которые захотят на них жениться. Малых ребят крещеных поверстать на службу, когда подрастут, а малых девок, когда подрастут, выдать замуж за крещеных людей, но чтобы никто не смел пленных вывозить на Русь под страхом смертной казни.

Первоначальное население Сургута состояло из прибывших вместе с первыми воеводами служилых людей ружников и оброчников, то есть духовенства, подъячных толмачей, воротников,

десятника и палача в числе 150 человек. Затем с присылкою казаков, стрельцов и прочих для завоевания Пегой Орды население увеличивалось, а иногда и уменьшалось. В 1623 году всего служилых людей было 220 человек, в начале сороковых годов этого столетия числилось только около 200 человек. В уезде в конце XVI века было 10 волостей с числом ясачных людей остяков всего около 600 человек, но в последующие годы в 1645 году всех ясачных людей было уже 980 человек, а в 1828 году — 2330 душ.

В 1869 году жителей в Сургуте было 1144 человека, в 1872 году — 1149, в 1904 году — 1265, в 1909 году — 1359 человек.

И по населенности, и по занимаемой площади Сургут правильнее называть селом, в полчаса времени кругом можно обойти весь город.

Взимание ясака сопровождалось, как упомянуто и выше в отделе о ясаке, насилиями со стороны сборщиков и служилых людей, воеводы обращали в рабство ясачных людей и подвергали истязаниям, а не «жесточью», поэтому ясачные посылали челобитные Московскому Государю о тяжести ясака. В 1602 году поднят был бунт остяков, вызванный жестокостью воеводы Якова Барятинского, который кнутом и другими наказаниями расправлялся с остяками при сборе ясака. Бунты происходили и в последующих годах в связи со всевозможными, кроме ясака, поборами и тяжелыми повинностями — отбывания ямской гоньбы, тяги речных судов бичевой вверх по Оби и другими насильственными и самоуправными действиями служилых людей.

В Сургуте на жительство были декабристы:

1. Шахирев, поручик Черниговского пехотного полка, первый из декабристов, поселенных в Тобольском крае, присужденный к бессрочной службе в Сибирь, сокращенной до 20 лет.

При водворении Тобольским губернатором предписано было Сургутской администрации «иметь строжайший надзор за Шахиревым (не делая ему обид) как за поведением его, так и за тем, чтобы он ни под каким видом не осмеливался отлучиться из города ни на шаг», и кроме того, чтобы Шахирев ни с кем из сургутских граждан не имел «неблаговидной связи».

Умер Шахирев в Сургуте скоропостижно, по предположению от паралича сердца во время нахождения на птичьем промысле весной 1828 года.

2. Тизенгаузен Василий Карлович, переведенный потом в Ялуторовск.

В 1839 году был сослан в Сургутское отделение в Ирчину волость вождь ненецкой бедноты и защитник угнетенных туземцев ненец Ваули Питтомин, роду ненянг, после суда в Березове за нападение на богатых оленеводов. Откуда он вскоре бежал и вновь делал эти набеги.

В 1905 году при первой революции высланы были в Сургут общественные деятели Тобольска А.А.Лещинский, Н.А.Ушаков — кандидат в члены Государственной думы, В.Ф.Костюрин — политкаторжанин, В.О.Вильшевский — адвокат, А.И.Степанов — кузнец, но пробыли там недолго, вскоре возвращены были из ссылки.

Потом находились в ссылке в Сургуте высланные из разных мест России политические ссыльные: Б.А.Киборт, Т.И.Миронов, К.Копачелли, Иванов, Мак, Дробышев, Матюшенко, Шапиро-Лавров, Давидович, Яворский, Гуревич, Григоренко и другие, из них последний оказался провокатором, подосланным от департамента полиции в качестве политического ссыльного, на самом деле для наблюдений над жизнью и поведением их в ссылке и для надзора за отношением администрации к этим ссыльным. При саморазоблачении себя все политические с ненавистью и презрением отвернулись от Григоренко, и он покончил с собой самоубийством.

Политические ссыльные на севере, как и декабристы, имели большое культурное влияние на население. Они принимали деятельное участие в устраиваемых местной интеллигенцией спектаклях. Студент Иванов занимался репетированием учащихся. Иван Иванович Каликинский, как врач, назначен был сургутским уездным врачом и заведовал местной больницей. Кроме того, политические ссыльные участвовали в научных исследованиях страны. Миронов оказывал содействие командированному в Сургутский уезд с ученой целью ассистенту при кафедре Зоологии Томского университета С.М.Чугуну и за успешно выполненную работу по доставке нескольких объектов по млекопитающим и птицам получил от этой экспедиции благодарность. Студент Кореунский с товарищами производил на свои средства археологические и геологические исследования в Тобольском районе по р. Конде, давшей большую научную ценность, и им же велись метеорологические наблюдения.

Некоторые политические ссыльные и по окончании срока ссылки оставались на жительстве в Сургуте. Ф.П.Муценек выезжал из

Сургута на жительство даже в самое отдаленное село Ларьякское, где он с успехом занимался огородничеством и животноводством, ознакомив частью с этим и местных жителей, а по выезде из Ваховской местности Муценек состоял уполномоченным Тобольского Правления Северосоюза.

В.А.Герватовский, по избранию сургутян, был председателем Правления Потребсоюза. Кроме Муценека, и Миронов хорошо был знаком практически с огородничеством, которым он занимался с 1910 года в течение нескольких лет. Культивировались им всевозможные огородные растения и все овощи произрастали хорошо. Культивировались и хлебные злаки. Для ознакомления населения с рациональными способами ведения огородной культуры в Сургуте оборудован был опытный огород и городским управлением в 1912 году отведено было место для него за городской чертой в 1,5 десятины земли, с предоставлением заниматься огородничеством на этом участке тому же Миронову.

В Сургуте политическими ссыльными устроена была столярная мастерская, где производились работы по изготовлению мебели для городских обывателей, работали Муценек, Мак и Миронов.

Березов

Березов лежит под 63,56 северной широты и 82,44 восточной долготы, расположен на левом берегу р.Сосьвы, на трех высоких холмах его, окруженный, кроме Сосьвы, речкой Вогулкой, впадающей в нее, а с юго-западной стороны - хвойным лесом. Первоначально, в 1592 году, отправленными для завоевания Севера казаками построено было укрепление (острог) Березово, получившее это название от находившейся ранее на этом месте березовой рощи и бывшего тут хантыйского городка «Сугмут-Важ», что значило березовый городок. Неслучайно в старину Березов называли березовым островом. В следующем, 1593 году, построен и самый город Березов назначенным воеводой Никифором Траханиотовым.

Путь из России на север Сибири в то время лежал через ущелья Уральских гор по р.Сосьве с ее притоками, известной под названием Русской Засеки.

В 1892 году 9 мая Березов праздновал 300-летний юбилей его существования, так как начало поселения в нем русских и основание русскому укреплению положено в 1592 году. В этом году при-

несены в Березов основателями острога казаками составляющие чтимую святыню этого города древние иконы Михаила Архангела и Николая Мирликийского.

Хотя Березов красиво расположен на возвышенном месте, но посреди него находилось болото, не высыхавшее и в летнее время, куда весною и осенью садились лебеди и гуси, другая перелетная птица. К провиантским магазинам по ночам забредали медведи, убиваемые часовыми казаками, а в скотные дворы забегали лоси и имались арканами.

Население Березова состояло из казаков и стрельцов, посылаемых Московским правительством «для объясачивания инородцев» и из духовенства, увеличивавшееся впоследствии вольными переселенцами из мещан, купцов и прочего звания людей. Численность населения в городе 1875 году — 1888, в 1897 году — 1071, в 1902 году — 1169, в 1905 году — 1170 человек. Ревизских душ туземцев во всем Березовском округе в 1828 году, во время составления окладных книг, по сведениям ясачной комиссии числилось остяков — 6187, самоедов — 2398, в 1850 году — 8899 душ.

В начале основания Березов подвергался неоднократным нападениям со стороны туземцев-остяков, вогулов и самоедов, как главный город в низовьях Оби. Откуда исходили все распоряжения по произвольному взиманию ясака и других поборов, поэтому город тогда имел и военно-стратегическое значение.

Потом Березов, как глухой и далекий от центра страны городок, сделался местом ссылки важных государственных преступников.

В 1727 году сослан в Березов князь Александр Данилович Меншиков, любимец Петра I-го, с сыном Александром и дочерьми Марией, обрученною невестою Петра II, и Александрою. Летом 1730 года, прибыл в ссылку князь Иван Алексеевич Долгоруков, любимец Петра II с женою Натальей Борисовной (дочерью князя Шереметьева), отцом князем Алексеем Григорьевичем и матерью, тремя братьями и тремя сестрами, из которых Екатерина Алексеевна — вторая обрученная невеста Петра II.

Все эти государственные деятели содержались в остроге, для окарауливания которого из Тобольска снаряжалась команда, состоявшая из офицера и 15 солдат.

В октябре 1729 года князь Меншиков умер и похоронен вблизи Богородице-Рождественской церкви г.Березова, на берегу р.Сосьвы, где всего в 20 саженьях стоял острог, в котором находился в

заточении Меншиков, и до устройства каменной упомянутой церкви на этом месте Меншиковым построена была деревянная церковь, сгоревшая в 1806 году.

В Государственной Третьяковской Галерее в Москве имеется картина художника Сурикова «Меншиков в Березове».

Со смертью Меншикова дети освобождены были из острога с разрешением жительства тут же в Березове, хотя и под надзором.

С целью высвободить и увезти из ссылки Меншикова в Березов приезжал князь Федор Долгоруков, взявший паспорт за границу и прибывший сюда под другим именем, хотя Меншикова он уже не застал в живых.

Старшая дочь Мария тайно вышла замуж за этого князя, но через год умерла от родов двух близнецов, тоже умерших. Она похоронена вместе с детьми близ соборной церкви и над могилой ее деревянный крест с буквою «М» под княжескою короною с деревянною оградой. Вскоре после смерти Марии Меншиковой умер и муж ее Федор Долгоруков, похороненный тут же у церкви.

Могила князя Меншикова не существует с давнего времени, подмытая водами р. Сосьвы, с обвалом горы она была уничтожена. Хотя в 1825 году, летом, по распоряжению Тобольского губернатора Банташ-Каменского производились раскопки для отыскания могилы Меншикова, но ошибочно была открыта могила его дочери Марии.

В 1731 году сын Меншикова Александр и дочь Александра освобождены от ссылки и возвратились в Москву.

Старики Долгоруковы пробыли в ссылке около четырех лет и умерли там, дети их прожили в Березове еще несколько лет.

Княжны Долгоруковы и Меншиковы занимались рукодельем. В Березовском соборе хранились две парчевые священнические ризы, шитые этими княжнами и в другой церкви две бархатные ризы работы княжен Меншиковых, пожертвованные еще самим Меншиковым. Одна из этих подаренных князем Меншиковым Березовской церкви риз передана в Остяко-Вогульский окружной музей. Кроме облачений, в этом же соборе сохранились две церковные книги, присланные уже из Москвы Еленой Алексеевной Долгоруковой, по возвращении из ссылки с собственноручными надписями: «1764 года сентября 1 дня. Сию книгу дала вкладу в церковь Всемилоственного Спаса, что в Сибири в березовом острове, на поминавание своих родителей, преставившихся тамо. Княгиня Елена Алексеевна дочь Долгорукова.»

Кроме того, из Березова вывезены и хранятся в других местах еще следующие достопамятности:

1. Военная хоругвь или знамя казаков, основавших Березово. Это воинское знамя хранилось в Березовском соборе, но в восьмидесятых годах XIX столетия перевезено в Омск для хранения в войсковой церкви Сибирского казачьего войска.

2. Золотой медальон превосходной отделки на белой атласной ленте, с помещенной на лицевой его стороне под выпуклым стеклом пряди волос, поступивший в Березовский собор, по преданию, от князя Федора Долгорукова вместе с иконою. Хранящиеся в медальоне волосы взяты Долгоруковым от умершей жены его Марии Алексеевны Меншиковой. Медальон этот в 1889 году передан Тобольскому Губернскому Музею.

Кроме воинского знамени, при основании Березова казаками в 1592 году принесены были еще иконы, хранившиеся в Березовском соборе — Архистратига Михаила, Георгия Победоносца и Николая Мирликийского. Икона Георгия II украшена древними серебряными накладками с редким орнаментом и с надписью, что она принесена в Сибирь в 1592 году казаками, основателями Березовского острога.

В том же соборе хранились древние иконы Богородицы Одигитрии и икона всех скорбящих радости. Первая икона большого размера с самого начала г.Березова стояла над воротами городской башни, потом перенесена в церковь. Подлинная икона, по преданию, увезена была в Москву, и с нее сделан список в меньшем виде, который и находился в соборе. Вторая икона пожертвована Березовским воеводой Моисеевым с надписью на ней этого жертвователя.

Иконы Григория Победоносца, Богородицы одигитрии и всех скорбящих радости, хранившиеся в Березовском соборе, в 1939 году музейными работниками доставлены в Омский областной краеведческий музей во время предпринятой на Север экспедиции.

Братья Долгоруковы имели широкое знакомство и дружбу с березовскими обывателями и служилыми людьми и вели разгульную жизнь. Раз во время попойки подъячий Тишин стал приставать к княжне Марии Долгоруковой с своими грубыми желаниями, и по жалобе ее был избит гарнизонным офицером. Тогда в отместку этот канцелярист настрочил губернатору донос на всю Долгоруковскую компанию о дерзких словах по адресу царицы Анны и ее фаворита Бирона. Назначено было следствие, подтвер-

дившее донос, и учинена расправа. Это происходило весною 1738 года. Первым арестован был князь Иван Долгоруков и заключен под стражайший караул. Потом уже, позднюю осень, в одну темную дождливую ночь взяты и отправлены вместе с князем Иваном Долгоруковым на судне в Тобольск несколько тамошних приверженных Долгоруковым жителей, шесть священников, дьякон и караульный майор Петров, который пропускал жену Ивана Долгорукова Наталью Борисовну к передаче ночью к мужу через оконце пищи. Из числа березовских обывателей 19 человек в Тобольске наказаны кнутом и разосланы по разным местам или отданы в солдаты, один обезглавлен.

Князь Иван после суда в Тобольске отправлен был в Россию и там под Новгородом, по указу Правительственного сената, колесован. Братьев Ивана, Николая и Александра после урезания языков и сечения сослали в работу: первого — в Охотск, другого — в Камчатку, третий — Алексей — отправлен в Камчатку матросом. Сестры разосланы по женским монастырям. Елена — в Тюменский, Анна — в Верхотурский, Екатерина — в Томский и там пострижена в монахини.

За дружественное обхождение с Долгоруковыми, кроме духовенства и березовских обывателей, по доносу отдан был под суд и разжалован в матросы лейтенант Овцын, состоявший командиром экспедиции по исследованию берегов Обской губы и Полярного моря по назначению Адмиралтейств Коллегии.

В архиве Томского Алексеевского монастыря имелся документ о княгине Екатерине Алексеевне Долгоруковой, побывшей в Томске более года в заточении в Рождественском девичьем монастыре. По записанным со слов старожилов рассказам, Долгорукая в монастыре находилась в такой обстановке. Небольшая бревенчатая из необтесанных бревен избушка, вроде крестьянской бани, называемой «по-черному», с маленькими окнами, представляла ее жилище — келью. Мебель состояла из стола топорной работы, лавок вдоль стен, 2-х стульев и скамейки, приставлявшейся к лавке вместо кровати. Питалась подаванием, собираемым ходившими по домам старухами-монахинями, или приносимым жителями города. Караул был строгий, согласно именному указу велено было по пострижении содержать девку Екатерину в оном девичьем монастыре под накрепчайшим караулом, без постороннего лица княжне не дозволялось даже переменить белье.

При Елизавете Петровне (1741 году) возвращены из ссылки все

жертвы Бирона и возвращена из монастыря Екатерина Долгорукова. Все сестры вернулись в 1742 году в Россию и им возвращены фамильные права и родовые имена. Возвращены из ссылки и братья Долгоруковы и служащие из духовенства. Княжна Долгорукова уже 33-летней женщиной вступила в брак с генералом Брюсом.

В 1742 году сослан в Березово член верховного тайного совета граф Андрей Иванович Остерман с женой. В 1747 году он умер, похоронен против острога тоже близ церкви и над могилой его стоит крест с буквами «А.О.» с короной, окруженный деревянною оградой.

В течение долгого времени в Березове хранились 4 чугунные пугачевские пушки с клеймом 1740 года. По последним сведениям эти пушки, лежавшие у собора на берегу р.Сосьвы на слабом грунте, во время наводнения подмыты и снесены в Сосьву.

В первой половине XIX столетия в Березове находились в ссылке декабристы:

1. Ентальцев Андрей Васильевич, подполковник, командир конно-артиллерийской роты, отнесенный приговором суда к седьмому разряду государственных преступников и приговоренный к 4-летней каторге, но отбыл только год работ в Петровском заводе и в 1828 году водворен на поселение в Березов, где жил с приехавшею к нему женою. Материально был обеспечен, получая достаточные суммы денег из России, и много помогал беднейшим жителям города. Кроме материальной помощи бедноте, Ентальцев, хотя и не врач, хорошо был знаком с медициной, умел готовить лекарства и оказывал лечебную помощь всем обращающимся к нему, заслужил всеобщую любовь и уважение. Потом Ентальцев переведен был в Ялуторовск, где и умер.

2. Барон Черкасов Алексей Иванович, поручик квартирмейстерской части южной армии, также отнесен был к седьмому разряду государственных преступников, осужден к 4 годам каторжных работ, но после отбытия года каторги в Восточной Сибири в 1828 году вместе с декабристом Ентальцевым водворен в Березове, откуда переведен в Ялуторовск в 1833 году.

В 1897 году Черкасов вместе с некоторыми другими декабристами определен рядовым в действующую Кавказскую армию и умер в Москве.

3. Фохт И.Ф., штабс-капитан Азовского пехотного полка, отнесенный к VIII разряду государственных преступников, присужден к лишению чинов, дворянства и ссылке в Сибирь на вечное

поселение, с сокращением срока до 20 лет. В 1826 году водворен на поселение в Березов, откуда переведен, ввиду болезненного состояния, в Курган. Фохт так же, как и Ентальцев, не будучи врачом, очень любил медицину, имел свою аптечку и оказывал бесплатную помощь в лечении бедноте и пользовался уважением. В Кургане Фохт и умер в 1842 году, оставив о себе лучшие воспоминания.

4. Друцкий-Горский Иосиф Викентьевич, полковник гвардии, был участником войны 1812 года, когда получил 7 тяжелых ран. Он был приговорен без лишения прав и дворянского звания к ссылке в Сибирь и водворен на поселение в Березов, переведенный в г. Тару, где арестован по подозрению в намерении в сообщничестве с сосланными в Сибирь поляками произвести бунт в Омске, куда он и доставлен. Но следствие по этому делу выяснило непричастность Друцкого-Горского к раскрытому заговору, он был освобожден, прожил в Омске десять лет и там умер.

За все время ссылки в Березове и в Таре, а также за время проживания в Омске, Друцкий аттестовался как человек раздражительного, неуживчивого характера, заводил тяжбы с обывателями, даже к своим товарищам по ссылке в Березове — Ентальцеву, Черкасову и Фохту он относился враждебно, посылал на них доносы, обвинял их ложно в организации противоправительственного мятежа.

В 30-40-х годах XIX века происходило большое восстание туземцев под предводительством ненца — вождя ненецкой бедноты Ваули Питтомина, который, разъезжая по тундрам, отбирал у богатых оленей и раздавал их неимущим. В 1839 году Ваули был арестован, наказан плетью и выслан в Сургутское отделение — в отдаленную Пирчину волость. Откуда вскоре бежал с своим главным товарищем Майри Ходакым и вновь чинил нападения на богатых оленеводов. В 1841 году Ваули с отрядом своих приверженцев до 400 человек предпринял поход на Обдорск, где в то время ежегодно в январе происходила крещенская ярмарка для сбора ясака. Целью Ваули было смещение обдорского князя Тайшина, назначение на его место ханты Янку Муржана и отмену ясака или понижение платежа его, снижение цен на муку и другие припасы и товары, не повышение цен на пушнину.

Но это нападение ему не удалось. Когда отряд приближался к Обдорску, навстречу ему выехал старый друг Ваули торговец Нечаевский с целью приглашения к себе в Обдорск в гости, но по

прибытии отряда в Обдорск Нечаевский предал Ваули местной власти. Он был арестован, осужден в каторжные работы и отправлен в Восточную Сибирь.

Нечаевский получил золотую медаль, а находившийся на ярмарке за сбором ясака исправник Скорняков награжден был орденом Владимира 4-й степени.

По рассказам обдорян-старожил, местными жителями подрезаны были постромки в запряжках у оленьих нарт, прибывшего отряда Ваули, так что соучастники его не могли выехать из Обдорска.

При раздаче беднякам-ненцам и ханты отнятых у богатых оленей Ваули давал наказ о том же неплатеже ясака или платить только половину и о снижении цен на хлеб и товары.

Набеги на богатых оленеводов совершались и после движения Ваули его последователями ненцами Пани, Хорыме, Хыды и других. В Тазовской местности эти ненцы образовали свою шайку и также отбирали у богатых оленей и раздавали их беднякам. Они были пойманы своими же сородичами при помощи ненецкого старшины и понесли наказание. У некоторых из этих ненцев при задержании повреждены были руки по суставам пальцев для того, чтобы они не разбежались и не оказали сопротивления при поимке, причем у главного соучастника Ваули Пани Ходина в сильной степени повреждена левая рука с вывихнутием пальцев. Он долгое время находился на излечении в Березовской больнице. Повреждение руки у Пани сделано было, как выяснилось при расспросах участников в поимке потому, что он, Пани, слыл между ненцами шаманом и колдуном и, чтобы он ворожкой не мог причинить какого-либо вреда поимщикам, по понятиям ненцев, ему и следовало повредить пальцы.

В числе главных поимщиков соучастника Ваули Пани был ненец Ваку Хылидин, который награжден был большой серебряной медалью, а другим участвовавшим в поимке ненцев выдано по 10 рублей каждому.

Научными работниками Омского Архивного Управления уже в советский период в 1937 году найдено в Омском архиве дело «О возвращении остяков Березовского края самоедом Ваули Питтоминым», предоставляющее большую научную ценность, так как это дело дает ряд новых фактических данных о Ваули и его движении, которые прежде не были известны в литературе, имевшейся в Тобольском архиве и не упоминаемы исследователями Севера Абрамовым, Бар и другими.

При царизме и Обдорск служил местом политической ссылки. В начале девяностых годов в числе политических ссыльных был Виктор Бартенев — автор книги «На крайнем Северо-Западе Сибири. Очерки Обского края» 1896 года с брошюрой «Понятия обдорских остяков о грехе». Оттиск из вып. Ежегодник. Тоб. Губ. Музея 1895-1896". Кроме Бартенева, в ссылке в Обдорске находились политические ссыльные студенты Цукерман, Духович, Зеленский.

Ярмарки

Ярмарка в Обдорске происходила с конца декабря (или с 2-го января) и до 25 января, называемая Васильевской, куда съезжались туземцы из дальних мест — ненцы-кочевники, оленеводы Уральские, с полуострова Ямал (каменные ненцы) и с Тазу, полуостров между Обской и Тазовской губой (низовые ненцы), местные кочевники-олленеводы ханты и отчасти ненцы из Туруханского края и архангельские зыряне (ижемцы), как скупщики оленьих шкур для выделки замши.

Кроме того, на ярмарку наезжали торговцы из Тобольска. Туземцы привозили для продажи мамонтову кость, моржевые и мамонтовы клыки и моржевые ремни, шкуры лисиц и песцов разных наименований, олени шкуры и одежду из них, беличь и олени шкуры, шкуры белого медведя, разную рыбу, вытапливаемую из моржевого жира ворвань и другие товары.

На выходящей в тундру с окраины села ярмарочной площади торговля производилась в устроенных для сего амбарах и тут же по сторонам улицы устанавливались нарты с ассортиментом необходимых, кроме хлеба, в туземном обиходе товаров — кирпичного чая, табаку с кремнями и огнивом, сукна ярких цветов, холста-чеканки, капканов, мережи, котлов, железных листов для разведения огня посреди чума, медных побрякушек, которыми обвешиваются ненецкие женщины, поясьев, медных колец. Торговля с этих нарт частью — меновая. Настоящие торговые операции совершались не на этом базаре, а по домам и на квартирах обывателей, где туземцы сначала угощались со спаиванием водкой, иногда — разбавленной водой и настоящей на табаке и всякой гадости, после чего уже приступалось к скупке пушнины и других товаров, приобретаемых торговцами у опьяневших ненцев за бесценок.

Ярмарки эти были не всегда удачны и многолюдны. Так, например, в 1911 году из-за гололедицы вблизи Обдорска оленеводы

дам долго стоять с оленями в окрестностях села было невозможно, пришлось скоро вернуться с ярмарки. В этом же году зырянскими и русскими торговцами еще в начале зимы устроены были зимовки на Надыме, Обской Губе и на Ямале и туземцы для торгового съезжались на эти зимовки, так что ехать на ярмарку в Обдорск для них уже не было надобности.

Съезд на Обдорскую ярмарку иногда бывал невелик и потому, что туземцы со сдачею пушнины ездили в Сургут. Один год ненцы держали направление в Обдорск, но в тундре прошел слух, что там мало вина, поэтому они изменили свой маршрут, повернули на Сургут.

В 1911 году на Обдорскую ярмарку все-таки поступило пушнины приблизительно на 240 000 рублей и продано всего: песца белого 8000 на 129 000 рублей, пешки (оленьи телята) 6000 на 20000 рублей, неплюя (молодого оленя, из меха которого шили красивые дохшубы), 4000 на 14000 рублей, горноста 3000 на 10000 рублей, белки 30000 на 10000 рублей, лисицы 500 на 8000 рублей, оленьих шкур 15000 на 50000 рублей, белых медведей 50 на 5000 рублей.

На жительстве в селе Обдорске было несколько семей туземцев ханты и вследствие той же эксплуатации их торговцами и промышленниками они находились в бедственном тяжелом положении, и дети их занимались нищенством.

Земледелие

В 1852 году по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири Тобольскою казенною палатою отведено командиру Тобольского пешего казачьего батальона есаулу Невзорову 3 десятины земли при г. Сургуте возле реки Саймы для производства опытов засеивания хлеба. В 1853 году на этом участке произведен посев ячменя и овса по две пудовки и снято первого 14, а последнего 12 пудовок; начало посева — 1-го июня, а снятие — 20 августа.

В 1854 году Невзоровым посеяно озимого хлеба 1 пуд, в следующем году снято 8 пудов. В 1855 году посеяно 4 пуда ячменя, собрано 30 пудов. В первый год опыта посеяно еще небольшое количество льна и конопли, и всходы и созревание были хорошие. Опыт этот Генерал Губернатор признал весьма удовлетворительным и пожелал в видах пользы не одних казаков, но и инородцев, развить хлебопашество в этом крае в больших размерах, затребовав сведения о количестве удобной для сего земли по течению р.Оби.

В 1857 года Невзорову присуждена была медаль при такой грамоте: «Императорское Вольное Экономическое общество в общем собрании 7 сентября сего года, на основании Устава своего определило: Есаулу Тоб. пешего Казачьего батальона Василию Невзорову назначить большую серебряную медаль за успешные занятия земледелием и распространение оного на отдаленном Сибирском Севере. Дана в С-Петербурге. Октября 31 дня 1857 г.»

Место, где производились Невзоровым опыты посева хлеба в Сургуте, называлось «пашнею».

Потом, в 1854 году, возникали первые попытки культивирования хлебных злаков в селе Юганском, лежащем под 60,50 северной широты и 43,20 восточной долготы, где местным священником Тверетиным сначала посеяно было несколько зерен ячменя, а в 1855 году, в виду удавшегося первого опыта с огородным посевом, Тверетин расчистил 1,5 десятины из-под леса и 15 мая посеял 6 пудов ячменя. Около 15-го августа ячмень созрел и был снят, урожай дал 120 пудов.

В последующие годы Тверетин, занимавшийся хлебопашеством в течение многих лет, увеличивал площадь посева, так что к половине пятидесятых годов уже было под пашнею 7 десятин и всегда урожай был хороший. В 1864 году рожь поспела так рано, что с 20-го июля ее начали жать. В 1868 году вследствие жаркого лета урожай ржи зерном был хорошим. В этом году посеяна была и пшеница, урожай также оказался хорошим. В 1862 году получился полный неурожай вследствие раннего наступления ненастной и холодной погоды, яровой хлеб скошен на корне, а озимой завален снегом.

Священник Тверетин состоял действительным членом Казанского Экономического Общества и ему дарована была в потомственное владение земля в селе Юганском под названием «Пустоши Юганской» в количестве удобной 14 десятины 1658 сажень, поступившая впоследствии в пользование местных обывателей русских и ханты.

Начинались опыты посевов и в Приобских селениях Сургутского уезда вновь поселившимися лицами. В 1912 году на Покурской паровой пристани Локосовской управы крестьянин Ефим Кичеров сеял 5 фунтов ржи 19 августа, собрал 35 фунтов 20 августа, на Мелипугольской пристани Лумпокольской управы крестьянин Кетской волости Томского управления Иван Волков сеял около своего дома 0,5 пуда ячменя 12 мая и снял в конце августа 4

пуда, а посевы овса у жителя паровой пристани Мытоминой Тундринской волости крестьянина Ишимского уезда Пинегина уничтожены были зайцами.

Опыты земледелия производились и в Березовском уезде. В селении Саранпауль жители зыряне с давних пор сеяли ячмень на своих огородах и результаты посевов были удовлетворительны. В феврале 1908 года А.А.Дунин-Горкавич отправил в это селение 5 пудов семенного ячменя, который роздан местным домохозяевам и посеян в огородах в общем на площадь в 625 кв.сажен. Урожай оказался хорошим, снято всего 60 пудов.

Удачные посевы ячменя производились и в других селениях по р.Ляпину — в с.Щекуринском и по Сосьве — в с.Няксимвольском. В 1911 году посев ячменя производился близ Березова в маленьком зырянском поселке Шайтанский мыс на левом берегу реки Сосьвы, на 30 км. выше Березова, сеялось 20 футов ячменя и собрано 4 пуда. Пробовались посевы злаков и в самом Березове на опытном поле.

В виду выраженного желания заняться пробными посевами зерновых культур еще несколькими жителями паровых пристаней Покурской, Сытоминской, Верхне и Нижне-Ляминских, села Тундринского и выселка Сармановского в числе 18 человек, переселившихся сюда на Север из других мест по случаю малоземелия на родине, Тобольским Правительственным агрономом Кулисичем высланы были из Тобольска в начале навигации 1913 года в адрес Тундринского волостного правления семена и орудия: 50 пудов овса, 25 пудов ячменя, 15 пудов ржи, пять железных пароконных плужков, пять пермянок и 400 шт. зубьев для борон, что и роздано этим лицам за исключением трех человек из жителей пристани Сытоминой, оказавшихся выбывшими к моменту раздачи семян в другие места жительства.

Настоящее хлебопашество стало развиваться лишь в советский период с выполнением исторического решения Великой партии Ленина-Сталина и правительства о продвижении земледелия на Крайний Север.

Экспедиции и исследования

1876 год. Академией Наук командирован был консерватор зоологического отделения И.С.Поляков для обследования Тобольского Севера и положения рабочих на рыбопромышленных заведе-

ниях. В составленной им книге «Путешествие в долину Оби» описано было об ужасной эксплуатации рабочих рыбопромышленниками.

В 1876 году состоялась экспедиция для содействия русской торговли и промышленности в составе Матвеева, Орлова и Васильева для исследования водного и сухопутного путей Байдаранской губы Карского моря с р.Обью через перешеек полуострова Ямал.

В 1876-1877 годах для обследования р.Обь была снаряжена экспедиция членами общества для содействия русскому торговому мореплаванию Сибиряковым, Трапедниковым и другими.

1879 год. Исследования северных тундр между Обскою губою и Сургутом производил сотрудник Западно-Сибирского отдела русского географического общества Н.К.Хондажевский и составлена карта пройденного им пути в зиму 1879 года. Упомянутым отделом тогда признавался, что карта эта внесет большой вклад в географическую науку и хотя отчасти заполнит то пустое пространство, которое мы до сих пор встречаем на картах, начиная почти от Обдорска до Ныды и на юг от нее до Оби.

1879 год. По распоряжению Tobольской Губернской администрации командирован был член врачебной управы Матвеев для осмотра в гигиеническом и санитарном отношениях рыбопромышленных заведений.

Результатом обследований Полякова и Матвеева явилось издание Tobольским Губернским Советом ряда мероприятий в защиту промысловых рабочих в виде уменьшения рабочих часов, улучшения питания, установления известных гигиенических норм при постройке помещений, организации врачебной помощи, но правила эти оставались без выполнения.

1880 год. В 80 годах по Сургутскому уезду производились исследования С.Швецовым, составившим «Очерк Сургутского края» в бытовом отношении.

С.П.Швецов, общественный деятель, журналист, главный редактор газеты «Сибирский Вестник», издававшейся в начале девяностых годов в Томске.

Кроме Швецова занимался исследованием и И.Я.Неклепаев, автор этнографического очерка «Поверья и обычаи Сургутского края».

1885 год. Северный край и Обдорск посетил член Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и секретарь антропологического его отдела Гондатти. О результатах иссле-

дования его в Березовском и Обдорском крае рассказывается в «Записках Комитета Московского Музея прикладных знаний».

1892 год. Летом 1892 года тобольским купцом А.А.Сыромятниковым организована была поездка на Северный Урал по исследованию месторождения медной руды на реке Большой Харуте, с участием кандидатов естественных наук Гурского, Баянуса и Кошкарова, штейгера Мухина и лесничего Андреева, подтвердившая доставленные еще в 1885 году штейгером Колышtedт сведения, что у этой реки действительно имеется богатая медная руда, как было установлено по испытанию и осведетельствованию Екатеринбургской Химической Лабораторией колчедана и медной малахитовой зелени.

1894 год. С лета этого года производились исследования в Березовском уезде причин вымирания туземцев заслуженным профессором Казанского Университета Аркадием Ивановичем Якобий. Источником обследования служили церковные исповедные росписи, вполне подтверждавшие факты вымирания, но этим документам, как и метрическим книгам о родившихся и об умерших, еще и нельзя придавать должного значения за неточностью их и невозможности аккуратной проверки, причем на местах состава населения дальних юрт в виду весьма неудовлетворительных способов передвижения (на одном олене, на собаках и пешком, в летнее время на обласке, маленькой лодочке-душегубке), Якобием много обследовано населенных пунктов и им, несмотря на преклонный возраст, сделана поездка к Обской губе в отдаленный Надымский край с целью учреждения там миссии.

«Настает ночь: все укладываются спать (ногами к костру) и костер потухает. Наступает тишина: слышно только как хрустит снег, когда перевернешься. Иногда случается, что олень подойдет к чуму и разроет около вас снег и вы почувствуете, как пробегает мимо головы морозный ветерок; закладываете это место чем-нибудь из одежды и снова стараетесь заснуть, а через верхнее отверстие чума смотрят яркие звезды». Это запись из дневника экспедиции.

При наступлении утра костер снова разжигают и пьют чай, пригоняют при помощи собак оленей из лесу, запрягают их, разбирают чум, укладывают по нартам и снова в путь.

Транспорт Якобия состоял из 22-х нарт, на которых размещены были путники: ненцы-вожатый, ненецкий старшина с его семьей и другие ненцы с принадлежностями чума и со всеми вещами и провизией, всего в запряжке было 54 оленя и 30 оленей бежали на свободе на всякий случай.

Поездка продолжалась с половины ноября до половины декабря 1894 года.

В своих докладах в Тобольске Якобий сообщал, что цель его 32-дневного путешествия была достигнута, что он нашел первый самый северный кедр — ясное доказательство, что эта местность должна быть пригодна для миссионерского стана в том виде, как было предположено, то есть с хозяйственным устройством. «Кедр, которого я так искал и о котором у нас велись такие длинные речи длинными вечерами у потухающего костра во время пути». Он подтвердил, что в среднем и верхнем течении Надыма есть прекрасные высокоствольные леса кедра, сосны, ели, лиственницы, как это видно из исследований Хондажевского. При этом Якобий подчеркивал, что «поездка в страну Надыма имеет значение не только для решения вопроса о месте миссионерского стана, но и для изучения страны Севера и для исследования об угасании инородческих племен Севера — главных предметов моих настоящих занятий».

Перед поездкой в Надым Якобий по его описанию старался разузнать что-нибудь об этой стране через расспросы бывавших там людей и одного северянина (Мамеев — спутник Хондажевского). Он узнал, что Надым — лесное место, веселое, от лугов душистый ветерок; летом поют птички мелкие. Место теплее Обдорска, в половине июня трава выше четверти.

Надымской страной заинтересован был и Тобольский музей. Общество изучения края, организованное при нем, в советский период организовало экспедицию для обследования бассейна р. Надыма, имеющего благоприятные климатические и почвенные условия с большими удобствами рыболовства, звероловства, сплава леса к Обской губе и вывоза лесных материалов за границу, а также и для развития скотоводства.

По описанию Виктора Бартенева, пробовавшего в политической ссылке в Обдорске четыре года в начале 90-х годов, А.И. Якобий, с которым Бартенев был лично знаком, производил исследования с замечательной энергией, во всех его словах и действиях сквозила горячая любовь к туземцам, желание поднять их и защитить. Посещая юрты хантыйской бедноты, он раздавал детям подарки (игрушки), ласкал их и расспрашивал о всех нуждах ханты, вникая в мельчайшие подробности, и туземцы очень полюбили его.

«В остяцкой юрте профессор как бы олицетворял собою первый луч света той могучей и далекой цивилизации, которая до сих

пор так мало доброго принесла дикарям». В лице профессора Якобия туземцы встретили одного из представителей той идейной, гуманной и самоотверженной части русского общества, которая живет любовью к родине на основе общечеловеческих идеалов. И ханты по-своему оценили этого представителя русской интеллигенции: они относились к нему с доверчивою любовью и уважением и прозвали его вуул-хой (большой человек). Исследовав Березовский край, Якобий посетил живущих в Казыме ханты, где пробыл около трех дней. По его описанию юрты там очень хороши, в них было чисто и удобно, при огне чувала, и казымские ханты не давали признаков угасания.

В 1909 году состоялась экспедиция на полуостров Ямал (выступающий между Карским морем и Обской губой) под начальством приват-доцента Московского Университета Бориса Михайловича Житкова по поручению Русского Географического Общества. Спутниками Житкова были: ассистент сельскохозяйственного Института Филатов, топограф Веденский, крестьянин Кудрин, священник Мартиниан и 6 ненцев. Цель экспедиции — исследование быта и условий жизни каменных ненцев и фольклора их. Для экспедиции было заготовлено до 500 оленей и обоз состоял из 70 грузовых нарт.

О своей экспедиции Житковым сделан доклад на заседании Московского Общества любителей естествознания и его геологического отделения, сопровождавшийся демонстрацией многих диапозитивов. Этнографическая коллекция Житковым передана в дар Антропологическому Музею Московского Университета.

1912 год. Состоялись экспедиции по инициативе Тобольского губернского Музея при поддержке столичных научных учреждений — Академии наук и Петербургского Ботанического Сада в Сургутский уезд по р. Ваху в составе В.Н. Городкова, Шульц, учителя села Ларьякского Дмитриева — Садовникова и Поллэ, командированного вышеозначенным садом для сбора ботанического материала.

Городковым в 1912-1923 годах совершены были поездки на реку Конду и в Салымский край, составлен этнографический очерк «Река Конда» и о второй поездке помещена статья в Ежегоднике Тоб. губ. Музея вып. XXI 1913 года.

1913 год. Летом этого года производились исследования в долине реки Щучьей Обдорского района И.П. Шуховым по поручению Зоологического Музея Академии Наук и при содействии Зап. Сибирского Отдела Русского Географического Общества и Тоб. губ.

Музея. На карту р.Щучьей нанесены новые острова и зимовки русских, произведена маршрутная съемка от правого берега р.Щучьей к Уралу. Собраны коллекции: по археологии 35 предметов, в числе коих 2 сабли, антропологии 3 ненецких черепа, этнографии 42 предмета, из коих 4 идола ненецких и еще 3 предмета культа, зоологии — птицы около 80 видов, млекопитающиеся около 10 видов, несколько экземпляров рыб, по ботанике — гербарий с растениями тундры более ста штук, по геологии — с образцами каменных осыпей с берегов р.Щучьей. Все коллекции переданы в музей Зоологической Академии Наук и в Тобольский, Омский.

В 1911 и 1912 годах Шухов ездил на Север по поручению Омского отдела Географического общества для сбора коллекций птиц и в 1914 году им же производились исследования условий жизни казымских ханты.

1913 год. На лето этого года командирован был в Сургутский уезд Советом Томского Университета доктор медицины Сергей Михайлович Чугунов (ассистент при кафедре Зоологии этого университета) для зоологических сборов. В качестве сотрудников по коллектированию были: студент Петербургского Политехнического Института Владимир Андреевич Зайцев и сургутянин А.Я.Кушников. В течение месяца совершались экскурсии по окрестностям Сургута в лодке и пешком по речке Сайме и прилегающей к ней тайге, по тайге на средний и Черный мыс, на Барсову гору, высокий правый берег Оби, покрытый тайгой, на острова по речке Утоплой, на Тюменский остров, на Каменный мыс, возвышающийся утес сажен. на 12 над уровнем воды, расположенный на левом берегу р.Оби, на обширном таежном Юганском материке и далее на село Юганское, в 65 км. от Сургута. За все указанные экскурсии Чугуновым собран зоологический материал в количестве около 2600 предметов, в том числе несколько штук черепов бурового медведя, белого песка, лисицы, рыси, росомах, выдры и других млекопитающих животных, части шкурок их и шкурок птиц, которых в Сургутском уезде констатируется 43 вида, несколько штук пар рогов дикого оленя и из костей угасших животных — конец бивня мамонта длиною до 70 сантиметров. Кроме того собран гербарий, состоящий из 112 видов цветковых растений, и в Минералогический кабинет Томского университета доставлено десять образцов отбитых от больших камней, встретившихся во время экскурсий по Барсовой горе и на Каменном мысу.

Доктором Чугуновым еще в 1890 году летом производился сбор

материала в том же Сургутском уезде по антропологии и этнографии по поручению Совета Томского университета и отчет об этом помещен в Известиях последнего 1893 года, в Сибирском Вестнике 1890 года N N 85, 88 и 90 и в Русском Антропологическом журнале 1905 года N 3-4, Москва.

1914 год. Летом этого года организована была на средства братьев Кузнецовых научная экспедиция на Северный Урал от Академии Наук, Географического общества, Гидрографического управления Морского Министерства и Московского Общества Любителей естествознания и этнографии. С участием доктора Мамуровского, как организатора экспедиции, зоолога Д.Я.Вардроппер и еще нескольких, назначенных вышеперечисленными учеными учреждениями лиц. Маршрут и задачи экспедиции — дать точную карту и вполне разностороннее, вполне научное описание местности по восточному склону Урала, р.Кары, Югорского Шара и берега Карского моря до Байдаратской губы. В указанной местности передвижение ненцев по тундре и летом на оленях в легких нартах, поэтому и для данной экспедиции, состоявшей более чем из 10 человек, заготовлялось до 600 оленей.

Помимо выше перечисленных экспедиций и исследований Тобольский Север всесторонне изучен и исследован заслуженным работником Александром Александровичем Дунин-Горкавичем, действительным членом Русского Географического Общества и Общества Судоходства, которым собран богатый материал по этнографии, лингвистике и составлен Русско-хантыйско-ненецкий практический словарь наиболее употребительных слов антропологии, промыслам, верованиям, обычаям.

В библиотеке Тобольского Губернского Музея имелись следующие издания его трудов: «Север Тоб.Губернии», «Опыт описания страны, его естественных богатств и промышленной деятельности населения», «Географический очерк Тоб.Севера», «Очерк народностей Севера с картами распределения их», «Нужды Тоб.Севера и меры для их удовлетворения», «Приложение к памятной книжке Тоб.Губ. За 1908 г. Тоб. Север 1911 г.», «Состояние сельского хозяйства на Тоб.Севере в 1912 г.», «Доклад А.А.Дунина-Горкавича Губернскому Агрономическому Совещанию в феврале 1913 г.».

Затем в связи с теми же антисанитарными условиями на рыбопромышленных заведениях в низовьях р.Оби и кабальными формами эксплуатации промысловых рабочих для осмотра этих заведений и обследования положения рабочих совершали поездки на

Крайний Север генерал Томич с помощником врачебного Инспектора доктором Афонским, врачи Дунаев, Почтарев и другие, указанные выше в отделе о рыболовстве лица. Но положение рабочих все время вплоть до установления Советской власти оставалось без изменений и никаких улучшений на рыбных промыслах не произошло.

Иностранные ученые на севере

1892 год. Состоящим при Академии наук в Стокгольме Фридриком Робертом Мартином, предпринимавшим ученое путешествие по Западной Сибири, производились этнографические и археологические исследования в местности «Барсов мыс» в 10 км. от Сургута, но о результатах этих работ сведений нет.

1898-1899 годы. Производились исследования в Березовском уезде венгерцем лингвистом профессором Иосифом Папай, членом экспедиции графа Зичи. Он занимался изучением хантыйского языка, собиранием былин, различных верований и вообще всего того, что касается мифологии и культуры ханты. Папай составил грамматику хантыйского языка и словарь. Записал много хантыйских легенд, песен и древних сказаний (народный эпос) и приобрел коллекции, относящиеся к религиозному культу (шаманские принадлежности и другое).

1898-1900 годы. В этих годах совершал поездки по Сургутскому уезду по Ваху и в Березовском уезде в приобских селениях и по р.Сосьве магистр философии Уно Давидович Сирелиус, командированный в Сибирь Гельсингфорским этнографическим Музеем. Он занимался тоже изучением хантыйского наречия и промыслов туземцев. При посещении в Тобольске Губернского Музея его заинтересовала богатая, по его словам, коллекция костюмов и предметов домашнего обихода у туземцев, украшенных узорами. При получении разрешения от консерватора Музея Н.Л.Скалозубова на пользование этой коллекцией, Сирелиусом пересмотрена была вся коллекция с фотографированием, зарисовыванием и сниманием выкроек.

1902-1903 годы. Производились исследования быта туземцев в Сургутском и Березовском уездах и по р.Конде лингвистом магистром философии Густавом Карьялайнем, командированным Финно-угорским Обществом в Гельсингфорсе. Этим ученым также составлены словари хантыйского и отдельно ненецкого наречий и им издана книга о кондинских туземцах.

1911 год. В этом году был в Сургутском уезде директор Парижского Коммерческого Географического Общества Пауль (Поль) Лаббе с целью изучения быта ханты, но больше всего, как он говорил тогда при встрече с корреспондентом «Сибирской газеты» во время остановки в Петербурге, его интересуют шаманисты. Этот французский путешественник проезжал тогда с экспедицией в Сибирь, которая давно была ему знакома по прежним поездкам, и он так отзывался о ней: «Четвертый раз еду в сказочную Сибирь. В целом мире не найдешь страны более богатой и более интересной. Там столько интереснейших и очаровательнейших мест... Теперь я знаю Сибирь не хуже ваших географов: путешествовал по Сибири всеми способами — от железных дорог до езды на собаках и оленях. Обошел пешком массу захолустных мест и везде находил радушный прием и желание оказать содействие скромному путешественнику. За мои странствования по Сибири накопилось много коллекций, которые я вручил национальному Музею в Париже. На всемирной выставке в 1900 году мною был устроен особый отдел, посвященный Сибири. На основании добытых в Сибири материалов, пользуясь ими для иллюстраций, я прочел в Париже и других французских городах массу лекций о Сибири и ее богатствах. После девяти лет разлуки я снова возвращаюсь в Сибирь».

Посетив на этот раз лишь подгородные юрты, Лаббе скоро выехал из Сургута и по просьбе его к местной администрации, послан был ему в Париж хантыйский череп через Генерального консула в Москве.

1913 год. В марте месяце этого года в село Ларьякское Сургутского уезда прибыл на оленях из Туруханского края с тунгусом и несколькими ханты магистр философии Кай Оттович Доннер, командированный финно-угорским Обществом в Гельсингфорсе для лингвистических и этнографических исследований среди туземцев Енисейской, Томской и Тобольской губерний. Вот как описывал приезд этого путешественника учитель с.Ларьякского Дмитриев-Садовников, как корреспондент газеты «Сибирский листок»: «Приехал в село тунгус тунгусом. Так же, как и тунгус, вытащил из-за пазухи несколько горностаев и начал через переводчика торговаться с торговцем. Цена подходящая — продает, покупает. Иногда объясняясь и сам, то по — «тазовски» (язык тазовских ханты), то — знаками. По русски знаешь? Спрашивают его, только головой мотает. Да лицо-то у тебя русское и вопрос понимаешь, — чего скрываешься?.. Убеждают его. Тоже мотание головой. Спрашивают

у тунгуса и у ханты, где такого нашли. Но и те говорят, что это наш тунгус. По заведенному порядку приезжих поят чаем».

С 1846 по 1848 г.г. производили исследования Северного Урала по назначению Русского Географического Общества русские ученые Проф. Петербургского университета Э.К.Гофман, Проф. М.П.Ковальский, зоолог Брант, инженер Стражевский и два топографа Юрьев и Брагин. Результатом работ этой экспедиции было издание книги Гофмана и Ковальского «Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой». В памятной книжке Обдорской церкви записано: «Член экспедиции инженер-майор Ник.Ил.Стражевский, по случаю падежа оленей пешеходом выбравшись в село Мужы, прибыл в Обдорск, а другой член астроном Ковальский с весны 1847 года до января 1848 года находился большею частью в Обдорске, занимаясь астрономическими и метеорологическими наблюдениями».

Пьяный вопрос и винная монополия

С июля 1904 года на Тобольском Севере введена винная монополия и организованы попечительства о народной трезвости с целью уменьшения пьянства среди туземцев.

Питейная торговля в северных местностях составляла огромный вред, и всегда на нее указывалось исследователями и учеными, а также и в сибирской периодической печати, как на главную причину вырождения туземцев, стоящих как известно на жалком умственном уровне. Но если и культурный человек не всегда способен противостоять соблазну вина, то туземец, совершенно чуждый культуры, и подавно не способен к этому.

Торговля вином везде и в культурных центрах считалась общепризнанным злом, с которым, как с социальным бедствием, велась постоянная борьба просвещенными общественными деятелями.

Пьянство среди туземцев развито главным образом в районах Лумпокольском Сургутского уезда и в Березовском уезде, в Обдорском, Сосьвинско-Ляпинском районах и в подгородных у Березова юртах. В селе Обдорском, где всего имелось сто пятьдесят домов, в начале открытия казенной винной лавки с 1-го июля 1904 года «за первые четыре месяца выручено от продажи вина 60 тысяч рублей. Иностранцы совершенно спились, и было несколько

случаев смерти от запоя». Так характеризовала одна столичная газета положение на Севере при введении винной монополии. Пьянство происходило в ужасающих размерах потому, что вино отпускалось беспрепятственно одному человеку в каком угодно количестве, туземцы покупали за один раз по несколько ведер и целыми возами увозили в свои юрты. В пьянстве участвовали и женщины, а при гулянке родителей давалось вино как гостинец детям. Вследствие разорения многих семей и поголовного распространения среди хантыйского населения сифилиса от постоянного пьянства и разврата, казенная винная лавка в селе Александровском (Нижне-Лумпокольское) Лумпокольского района закрыта с 1909 года, но и после того пьянство продолжалось.

При установлении с 1910 г. по р.Оби в линии Тюмень-Барнаул срочного движения пассажирских пароходов (рейсировало еженедельно два парохода) на последних производилась продажа из буфетов вина туземцам на всех пристанях при нагрузке дров и во время остановок для погрузки в прибрежных селениях рыбных кладей и других товаров. Также происходило пьянство туземцев, съезжавших для этого к местам остановок пароходов из всех окрестных юрт и живших тут от парохода до парохода. Некоторые после хорошего улова рыбы прямо садились на пароход и разъезжали от одной пристани до другой с той же целью пьянства, теряя дорогое промысловое время.

На пароходах, кроме буфетов, продажей вина занимались тайно содержатели кухонь, водоливы, матросы и другие служащие, совсем уже нагло эксплуатировавшие туземцев, отпуская разбавленное водою вино или просто одну воду, а были и такие продавцы, что, получив деньги, ничего не давали, укрываясь на пароходе.

Призванные для борьбы с пьянством и его корнем — некультурностью туземного населения Попечительства о народной трезвости были бессильны в выполнении в полной мере своих задач вследствие недопустимой урезки ассигнований казенного пособия на насущнейшие культурные нужды.

При введении винной монополии правительство преследовало исключительно фискальные интересы. За период времени с июля 1904 по апрель 1913 года продано населению Сургутского уезда вина на сумму более полмиллиона рублей, между тем Комитету попечительства о народной трезвости этого уезда отпущено было за все это время 16209 рублей а, например, за 1906 год дано

пособия всего лишь на 500 рублей, и поэтому Попечительство не имело возможности проявить должным образом свою деятельность.

Сургутским попечительством о народной трезвости организованы были чайные (излюбленное детище попечительств) в г. Сургуте и селах — Тундринском, Юганском, Локосовском, Лумпокольском (Александровском) и Ларьякском.

С января 1905 года во всех шести чайных уезда посетителей было 53604 человек, в том числе туземцев с 1906 по 1912 год посетило 9929 человек (по данным годовой отчетности) и часть их с бесплатным ночлегом во временных помещениях при чайных, открытие которых приурочивалось ко времени обычных съездов туземцев.

При Сургутской чайной устроен был заезжий дом для останова их с ночлегом, с приспособлением для него находящегося в одном дворе с чайной флигеля, где за очень умеренную плату выдавалась туземцам пища, хлеб и корм для лошадей, сено иногда отпускалось и бесплатно. В 1909 году отпускался бесплатно чай из прибылей по чайной. Но первое время, видя невозможность распития в этом доме водки, как в домах у частных торговцев, туземцы неохотно останавливались в нем, да и приспособленный для сего флигель оказался неудобным для указанной цели, и Комитетом предположена была постройка нового дома. Все-таки за пятилетний период с начала открытия заезжего дома с 1905 года в нем останавливались 1519 человек туземцев. К сожалению, чайные в четырех сельских пунктах с 1907 года были закрыты по распоряжению Губернского Комитета, и с 1905 по 1913 год работали лишь две чайные в Сургуте и селе Тундринском. Затем организованы были в городе и уезде народные чтения, сопровождавшиеся показыванием туманных картин. Таких чтений было с декабря 1904 по 1909 год во всех пунктах 213 при 18971 посетителей, в том числе 2042 туземца, со стороны которых проявился интерес в беседах с ними лекторов на тему об улучшении быта, при помощи переводчиков и показывания картин.

В противовес развившейся эксплуатации туземцев пароходскими виноторговцами, Попечительством о народной трезвости проектировалось открытие плавучей чайно-столовой, то есть устройство баржи, в которой бы находились чайная и столовая, буфет с продажей фруктовой воды, лимонада и других нехмельных напитков, кухня и помещение для продажи туземцам товаров из предметов первой необходимости — сахара, чая, сушки, крупчат-

ки, табака, холста байки, мережи и других рыболовных снарядов и звероловных орудий, сельскохозяйственных и строительных принадлежностей, семян. Баржа эта буксировалась бы по р. Оби и ее притокам, если не пароходом, то катером, с включением в смету 1914 года суммы на это предприятие приблизительно до 20 тысяч рублей. Но Губернским комитетом Попечительства о народной трезвости ходатайство об этом уездного комитета отклонено и поэтому означенный проект остался неосуществленным.

Казенная продажа вина внесла некоторый порядок в торговле, туземец получал очищенную водку, не опаивался дрянной и не отравлялся ее суррогатами в виде настоящей перцем и табаком, покупая без обмана по казенной цене, а также уменьшилось производимое русскими жителями самогонокурение. Но эта торговля однако не уменьшила, а увеличила пьянство, потому что правительство преследовало только цели получения большого торгового барыша и, открывая параллельно с введением монополии якобы для ограничения пьянства Попечительства о народной трезвости, на самом деле совсем не сочувствовало идеям насаждения трезвости, а напротив противодействовало, так как вино отпускалось во всех лавках по несколько ведер в одни руки, так что по прибытии водочного транспорта на место в юрты или кочевья получалось «разливное море» и происходило бесшабашное пьянство среди туземцев.

Учитель Ларьякского училища Дмитриев-Садовников в этнографическом очерке «С реки Ваха Сургутского уезда» так описывал о пьянстве туземцев: «Ваховские остяки первых юрт от Оби, где в селе Александрове есть винная лавка, начинают опаиваться поголовно. Воровство, ругань и сифилис, чего не было здесь ранее, теперь обыкновенные явления. Мне приходилось видеть их в самый разгар попойки. Пьяны поголовно, даже подростки-девочки: лица исцарапаны, в синяках; пьяные остячки в мокрых платьях и с пеною на губах лезли целоваться с таковыми же мужиками и, обнявшись, падали на песок; кругом все хрипело, сопело и стонало; раздавалась ругань и пожелания — оборвать голову; у воды на берегу лежала вчера пойманная и теперь разлагавшаяся под лучами солнца рыба.

Мрачная картина, мрачна еще и потому, что всех их ожидает то же самое, если вместо необходимой поддержки для них будут открываться винные лавки.

У нас, близ Ларьякского села, нечасто встречаются подобные явления, но их можно ожидать с минуты на минуту».

Если бы царское правительство имело ввиду действительную помощь туземцам ограничением пьянства и улучшением благосостояния их, кто знает, может быть и на нашем Севере, при винной монополии и культурно-просветительной работе многое бы изменилось.

Западно-Сибирская выставка

В 1911 году проходила Западно-Сибирская сельскохозяйственная и промышленная выставка. Очень много предметов было отправлено из Сургута.

1. Набор верхних и женских меховых одежд, головных уборов и обуви зимней и летней.

2. Набор образцов хантыйского шитья из оленьих шкур, мелких вещей-шапок, рукавиц, сумок для разных вещей, набор образцов шкур оленя с ног его и лба для шитья сапог и оленьей бороды, белый волос из которой употреблялся как украшение для швов при шитье летней обуви, называемой «ноговицами».

3. Набор принадлежностей для шитья меховой одежды — иглы, кроме металлических, старинные костяные, из костей ног оленя и косточек белки, нитки из оленьих и лосиных сухожилий, ножик для кроения шкур, костяные угольник, шилья и пр.

4. Образцы крашеной краской кожи оленя, с которой удалена шерсть (лоскуты) и образцы краски, употреблявшейся для окрашивания этой кожи в красный цвет, собираемой по берегам горных речек (Березовский уезд). Материалы для изготовления коричневой краски по окрашиванию изделий из шкур и кож — кора лиственницы, березовая кора и «губа» березы по рекам Оби, Югану, Ваху и Сабуну Сургутского уезда и кора ольхи, краска из нее с примесью золы, юрта Карымкары Котской упр. Березовского уезда.

5. Образцы изделий из оленьего рога и из кости лося и образцы клея из рогов оленя.

6. Образцы выделяемых шкур оленя, песца, выдры, белки и других, образцы их употребления в одежде для ее украшения или для шитья из них принадлежностей одежды, а также орудий при выделке шкур.

7. Образцы мелких изделий из кости мамонта, работа которых производилась преимущественно ненцами, и костей современных млекопитающих, а также и птиц.

8. Образцы крапивного холста, (рубашка женская из этого хол-

ста с вышитыми узорами), образцы плетеных рыболовных сетей из крапивной пряжи, веревки и бечевки из крапивной кудели и образцы орудий обработки крапивы, разминания и прядения крапивного волокна и тканья крапивного холста.

9. Образцы литья из олова, различные узоры оловянных отливок, служащие украшением женских халатов и другого платья и при праздничном наряде убор на шею, плечи и грудь, с украшениями из бисера, бус, бубенчиков, звериных лапок и проч.

10. Образцы изделий из кожи налима, стерляди (мешки — юрты Урьева Локосовской упр. и Больше-Вачпугольские Лумпокольской упр. Сург. уезда по р.Оби) и из кожи осетра (брзент с р.Пура).

11. Образцы тканой тесьмы и ее плетения с образцами орудий ее приготовления и материалов для нее.

Весь этот этнографический материал подробнее поименован ниже с указанием места приобретения его.

Женские шапки, сшитые из меха росомах, выдры, мелких кусочков оленьей шкуры, с украшениями из песцовых хвостов со шкурками с птичьих лап глухаря и с шеи гагар, с украшением бисером, бусами и сукнами разного цвета, 1 экз. с крупными медными подвесками. (Село Обдорск Березов. у. и юрты Ивашкины и Ганжевы Локосовской упр. Сургутского уезда).

Ягушки, женская верхняя зимняя одежда, сшиваемая из шкур неплюя (молодого оленя), подбитая шкурками лебедя с пухом, ворот, подол, концы рукавов и полы опушены песцовыми хвостами и мехом выдры, с украшением меховым узором из неплюя и разных цветов сукна. (В тундре кочевых туземцев Обдорского района и по р.Пиму в юртах Кантеровых Тундринской управы Сургутского уезда).

Женские кафтаны из зеленого сукна, подбитые мехом из гагарьих шеек, подол мехом оленя с воротником, сшитым из беличьих лапок и из красного сукна, с украшением опушки из меха выдры, пол, подола и обшлагов рукавов бисером и оловянными отливками. (Юрты Кантеровы Тундринской упр. и с р. Тром-Югана Локосовской упр. Сургутского уезда).

Женские халаты, летний праздничный наряд, сшиваемые из кумача, красной бумазеи и из красного малескина, с украшением бисером, нанизанным на нитки из сухожилий и нашитыми узорами-полосками бумажных тканей цветов: синего, оранжевого, зеленого и белого. (Юрты Карымкары и Алешкины Березовского уезда Р.Обь и Кантеровы Сургутского уезда).

Женские рубашки, сшиваемые из кумача и из желтого сатинета, с украшением бисером, бусом, пуговками и оловянными отливками, подола и рукавов — полосками ситца цветов — красного, черного, оранжевого, белого, синего, зеленого. (Юрты Карымкары Березов.у. р.Обь и Кантеровы Сургут.у. река Пим).

Рубашка женская из крапивного холста («ирнас»). Грудь вышита синего цвета шерстью, покупными бумажными нитками красного цвета и гарусом зеленого цвета; плечи и рукава вышиты самодельной шерстью; узор «руть-ханг» (русский узор). (Юрты летне-Пуштинские Меньше-Кондинской волости Тоб.у. р.Конда).

Шабур из крапивного холста «сукман», обшит вокруг по подолу, вороту и рукавам отцветшей бумажной черной и серой материей. (Юрты Красноярские той же М.Кондинской волости Тобольского уезда р.Конда).

Шали — праздничный головной убор, шелковые и из бумажных и шерстяных ниток, с украшением подвесками и бус и бисера, медных и жестяных пластинок и колец, длинными кистями из хомцевых ниток, с цветами из ниток золотого и серебряного цвета. (Юрты Больше-Атлымские и Карымкары Котской упр. Березов. уезда р.Обь и с.Обдорск).

Малицы — мужская верхняя одежда, сшиваемая из выделанных оленьих шкур с головным убором.

Парки — мужская одежда, надеваемая сверх малицы, сшиваемые из шкур неплюя.

Гусь — мужская зимняя одежда, сшиваемая из шкур белых оленей с головным обшитым хвостами белых песцов, убором и с обшитыми красным сукном обшлагами рукавов. (Юрты Карымкары Котской упр. Собские Обдорской упр. и село Обдорск Березовского уезда).

Колег — верхняя мужская зимняя одежда, сшиваемая из оленьих шкур с украшением полосками из черной материи, нашитого бисера на части колега правой полы и подола. (р.Вах Ларьякской упр. Сургут. уезда).

Женская зимняя обувь «кисы» и чулки к ним «чижи», сшиваемые из оленьих шкур с ног оленя, подошвы из шкуры со лба оленя, с украшением оленьим же мехом разных цветов и прокладками из красного, зеленого, желтого и синего сукна, а чулки окрашивались красным сукном. (Село Обдорск).

Чарки женские, сшиваемые из кожи, украшенные бисером. (Ю.Больше-Атлым. Березов. уезд).

Детские башмачки из кожи осетра, частью окрашены. (Березов). Мужская рубаша с украшениями.

Рукавицы из шкур оленя и выдры: одна пара из коих с украшением коричневым узором вышивкой белой строчки волосьями из оленьей бороды. (Вершина р.Юган и Юрты Сайгатина Тундринской упр. Сургут. уезда).

Шейно-грудные женские уборы при праздничном наряде с разнообразными украшениями с узорами с типичным хантыйским «ханда-ханч» с тетеревами. (Главным образом из поселений по р.Конде Меньше-Кондинской вол. Тобольского уезда. С образцами некоторых искусной и красивой работы — юрт Красноярских, Летне-Пуштинских и села Болчаровского).

Воротники, прикрепляемые к вороту рубашки, кофты, надеваемые на шею, носят как украшение нарядного костюма. В хантыйских юртах по р.Конде М.Кондинской волости с образцами ярких цветов бисера хорошей работы из юрт Красноярских и Летне-Пуштинских).

Женские пояса, связанные из шерсти красного и синего цвета и сшитые на суконной подкладке, украшенные бисером с оловянными отливками, носимые при праздничном наряде поверх кофты, платья. (По р.Конде, а один пояс — по р.Салыму Сургутского уезда).

Свадебное украшение головы и кос хантыйских женщин с украшениями оловянными отливками и разными подвесками.

Свадебное украшение головы и кос ханты из бус с подвесками, надеваемое на голову и спускаемое сзади вдоль спины. Образец, отличающийся обилием украшений из разнообразного материала. (Юрты Красноярские Меньше-Кондинской волости Тоб.у. р.Конда). Свадебное украшение головы и кос. Образец с своеобразными украшениями: оловянными отливками, подвесками из вещей археологического характера. (Юрты Летне-Пуштинские Меньше-Кондинской волости Тобольского уезда р.Конда).

Образцы бисерного плетения, нашиваемого на одежду. (Юрты Соровские р.Салым Тундр. Уезда Сург. у.).

Полотенце из крапивного холста с тканым узором на обоих концах. (с р.Салыма).

Женские рабочие сумки для помещения принадлежностей шитья, сшиваемые из оленьих шкур с украшениями. (Село Обдорск).

Кошелек из выдры для хранения огнива.

Приспособление для ношения топора на поясе при ходьбе в лесу, сделанное из оленьего рога. (р.Юган).

Литье из олова: перстни, украшенные печатками и рубчиками, трубка для курения табака и блестны для ловли щук, с заливаемыми в олово двумя рыболовными крючками с зазубринами и с привязанным красным лоскутом и кусочком оленьей шкуры с белой шерстью.

Формы и сосуды для отливки оловянных украшений — жестянки, камень с вырезанными на нем 4 видами форм для отливки и формы из коры осокора. (Реки Юган и Аган, юрты Казымкины и Урьевы Локосовской упр. Сургут.у. и Неремовские подгородные и Березова Сосьвинской упр.).

Принадлежности раскраивания шкур и меха при шитье из них одежды — нож, доска и скобели, употребляемые при выделке шкур.

Очки для защиты глаз от блеска снега весною, сделанные из жестяных пластинок, с прозрачными щелями для глаз и из кожи, выкрашенной в красный цвет с опушкой мехом, с завязками из шерстяного шнура. (с.Обдорск).

Пластинка, накладка на левую руку, чтобы на нее не ударяла тетива спущенного лука, сделанная из оленьего рога, с украшением резными полосками. (Село Ларьякское Сургут.у.).

Мерки для пороха из рога оленя, одна — с украшением резьбой. (Юрты Мимчинкина и Сайготины Тундринской упр. Сургут.у.).

Мерки для пороха и дробы из кости лося, с украшением простой резьбой. (Юрты Урьевы Локосовской упр. И р.Юган Сургут. уезда).

Дробовница для помещения запаса дробы на охоте, сшитая из бычьей кожи, с горлышком из оленьего рога, с костяной, украшенной резной и плотно закрывающей дробовницу пробкой. (Юрты Урьевы).

Крюк для подвешивания детской колыбели из рога оленя. (Ю.Угутские Юганской упр. Сургутск.у.).

Женский музыкальный инструмент, называемый «домбра», играют на нем губами. (Юрты Угутские Юганской упр.).

Мужской музыкальный инструмент «Лебедь». (Березов. уезда).

Поясы мужские с ножами сделаны из кожи, с пряжками для застегивания, украшенные в большом числе медными пуговицами, с прикрепленными на ремешках зубом медведя (талисман туземцев), с вложенным в прикрепленных на цепочках, деревянных, обтянутых кожей, ножнах, оттеночными ножом и ножны еще обложены медными полосками. (Село Обдорск Березовского уезда).

Принадлежности для раскраивания шкур и меха при шитье из

них одежды: кожи, доски, скобели. Очки для защиты глаз от блеска снега весной с прорезями, опущенными мехом и с завязками из шерстяного шнура. Делаются из кожи и других подходящих материалов. (Село Обдорск Березовского уезда).

Пластинка — накладка на левую руку для защиты от удара тетивой спущенного лука. Сделана из оленьего рога, украшена резьбой. (Село Ларьякское Сургутского уезда).

Мерки для пороха и дробы из костей оленя и лося, украшены резьбой. Дробовницы для запаса дробы на охоте, сшиты из кожи, с горлышком из оленьей кости и пробкой тоже из кости. (Юрты Урьевы Локосовской управы Сургутского уезда).

Пояса кожаные мужские для ношения охотничьих ножей с пряжками для застегивания, украшенные медными бляшками. К поясу на цепочках крепятся деревянные ножны, обтянутые кожей и медными обручами. В ножны вставляются ножи. На одном поясе ручка ножа сделана из кости мамонта, на другом — деревянная, покрытая оловянной обкладкой с прорезным узором. К поясам крепятся медвежьи зубы — талисманы туземцев и кожаные кошельки. На одном поясе кошелек с оселком, на другом — два кошелька, в первом — тоже оселок, во втором — древесная стружка для пыжей. (Село Обдорск Березовского уезда).

Кошельки для хранения денег, табака и пр. Сшиты из хорошо выделанной покрашенной кожи оленя, с различными украшениями.

Арканы (тынзян, тянзян) для поимки в стаде оленей — длинные плетеные или ременные веревки. (Село Обдорск Березовского уезда).

По рыбному делу представлены в музей в моделях: вары из мочальной мережи, то есть запоры, перегораживающие устья соровых речек, гимги (морды) летние и зимние, сети муксуновые и сырковые, соровые однотетивные и двухтетивные на разную рыбу, рукава с запором из соснового жильника для ловли рыбы в устьях речек и в живцах, невода из крапивной пряжи и другие рыболовные снасти, образцы веревок из кедрового корня и из таловой коры.

По звероловству в моделях: сторожевые луки на медведя, лося, волка, росомуху, лисицу, выдру, луки и стрелы для ручной охоты на белку, боровую и водоплавающую дичь, черканы и другие разнообразные приспособления и устройства.

Из Сургутского архива

ДЕЛО О КРАПИВЕ

В 1814 году Сургутский частный комиссар доставил Тобольскому губернатору по требованию Сибирского генерал-губернатора такие сведения: «Трава крапива во всех ясашных волостях Сургутского комиссариатства произрастает с избытком, так что ясашные на потребные им из оной крапивы изделия никогда недостатка не имеют.

Изделия из оной вырабатываются только те, кои им свойственны, а именно: вяют к лукам веревки, называемые тетивы, прядут нитки для неводов, сетей, которые, по объяснению их, прочностью служат в равном достоинстве, как и делаемые из конопля.

Из выделяемых теми ясашными ниток можно бы ткать и холсты, но как те ясашные по азиатскому обыкновению к такой выделке холстов не свойственны, то и нигде оных по Сургутскому комиссариатству не производятся.

Из выделяемых же из крапивы ниток двух сортов — первые толстые, для неводной мережки, а последние — тонкие для сетей, ясашными всегда употребляемыми, долгом считаю представить оных при сем в виде образца».

Комиссару же после этого было предписано: «Тем жителям, где таковая крапива произрастает, внушить о размножении и обрабатывании оной, яко растения, могущего принести для них великую выгоду, и об успехе донести в свое время».

ДЕЛО О ДОСТАВЛЕНИИ СВЕДЕНИЙ О ИМЕЕМОМ НА СУРГУТСКОЙ ТРОИЦКОЙ ЦЕРКВИ КОЛОКОЛЬНЕ КОЛОКОЛЕ, СОСЛАННОМ ЯКОБЫ В НАКАЗАНИЕ ИЗ РОССИИ

(ПО ОПИСИ N 198)

Тобольское губернское правление, получив частные сведения, что в упраздненном городе Сургуте на колокольне Св. Троицы есть колокол, сосланный в прежние времена из России с наказанием, с 31 июля 1836 года предписано Сургутскому отдельному заседателю доставить сведение: «какого именно весу сей колокол, какая на нем положена надпись и какие имеет на себе изображения свя-

тых», и затем «узнать от старожил, нет ли каких преданий или в церковном архиве, каких записок о времени, в которое сослан означенный колокол, по какому обстоятельству, откуда именно и какое сделано ему было наказание».

Заседатель Ширяев запросил об этом 28 августа 1836 года священников Сургутской Троицкой церкви. Те ответили «Его Благородию» следующей краткой надписью: «О таковых секретных делах без главного правительства нашего сведения публичные отбирать о наказании святыни не отваживаемся». Подписали: «Сергей Кайдалов, Сергей Вергунов». Затем священник Вергунов 1-го сентября того же 1836 года уведомил заседателя, что в церковном архиве никаких сведений о колоколе не оказалось. «Значится внесенным в опись колокол, висящий на колокольне, поieleйный, изображения святых икон на себе не имеет и весу оному не означено». Вергунов собрал сведения «также и от честных людей», но никто не мог удостоверить, откуда колокол сослан, или где наказан.

Заседатель, отвечая Губернскому правлению, также добавляет, что он расспрашивал сургутских старожилов, но никто не мог дать положительных сведений о колоколе. «Некоторые из них», пишет заседатель, «уже престарелых лет, сказывают по слухам, носившимся от предков их, что прислан якобы колокол назад тому более ста лет, называемый поieleйной, но в какое время, откуда прислан и по какому обстоятельству, — того утвердить не могу».

По осмотру, произведенному заседателем, оказалось: «колокол весу должен быть не более 20 пудов, надписи на нем и изображения никаких нет, кроме как только на поверхности оного вылитая насечка в виде бордюра, в некоторых местах края у одного несколько выкрошились».

ДЕЛО О ГОРODOVЫХ СВИНЬЯХ, ОБЕЩАЮЩИХ РОДИТЬ 12 ПОРОСЯТ (ПО ОПИСИ N39)

Тобольской духовной консистории в 1810 году понадобилось иметь сведение: «В какой цене состояли вышеозначенного — 1807 года в Югановском погосте годовые свиньи, обещающие родить 12 поросят». Об этом послан был запрос в Сургутское духовное правление. Обратились к какому-то полицейскому чиновнику (не разборчив его титул), который составил такую надпись: «От сургутского купецкого и мещанского общества потрeбно мне сведе-

ние, по какой цене состояли в 1807 году и нынешнем(1810) в Югановском погосте годовые свиньи, обещающие родить 12 поросят». Подписал Пролежибухов. Староста ответил, что «в Югане годовые свиньи не продавались по 4 рубля и с полтиною чetyре».

Березовское чудо

Осенью 1845 года зверопромышленник остяк Фалалей Лыкысов и самоед Обыль в урмане убили необыкновенное чудовище: «постав человеческий, росту аршин 3-х, глаза один на лбу, а другой на щеке, шкура не довольно толстой шерсти, потонее соболевой, скулы голые, у рук вместо пальцев когти, у ног пальцев не имел, мужска пола». Такое сведение получил связник Михей Попов при поездке для исполнения треб в юрты Мазымскте на р.Мазым, где рассказывал ему старшина Тарлин. Урядник Шахов послал об этом доношение в Березовский Земский суд 16 декабря 1845 года. Там того же числа «приказали» копию донесения урядника препроводить при указе Кондинскому отдельному заседателю Кожевникову с нарочным казаком. В нем сказано, ему, Кожевникову, тотчас по получении указа отправиться на место происшествия и против означенного доношения сделать личное удостоверение, и если по такому окажется оное справедливым, то велеть ему, Кожевникову, застрелянного из ружья промышленниками инородцами необыкновенного возраста человека с глазами на лбу и на щеке доставить со всею ревностью в земский суд в натуральном оного вида и сколь поспешнее, и о происшествии, каким образом оное сопровождалось, произвести подобное удостоверение и также представить в суд». Об этом донесено было губернатору и губернаторскому правлению.

Кожевников немедленно отправился на р.Мазым, но скоро вернулся с пути в виду своей болезни и встретившихся препятствий для проезда-бездорожья и отсутствия оленей, и командировал для розыска урядника Ямзина, которому удалось сначала разыскать названных выше зверопромышленников. Из них Обыль объяснил, что «вместе с Лыкысовым нашли в лесу какого-то чудовища, облаянного собаками, от коих он оборонялся своими руками, по приближении Фалалей стрелил в оного чудовища, которое и пало на землю. Осмотрели его со всех сторон, орудия при нем никакого не было, ростом 3 аршина, мохнатый, не имелось шерсти, только

на носу и на щеках шерсть густая, длиной в полвершка, цвету черноватого, у ног перстов нет, пяты востроватые, у рук персты с когтями, для испытания разрезывали тело, которое имеет вид черноватой и кровь черная, чудовища сего оставили без предохранения на том месте».

Но Лыкысов отвергал весь этот пересказ. Он пояснил, что никакого в яву чудовища не находил и не видел, кроме во сне видел, бывши с Обылем на промысле, в одну бурную ночь действительно приснилось ему, что будто повстречался на пути по облаянии собаками с чудовищем (дьяволом), ростом более 5 аршин, остроголовый, всего в шерсти, отчего и лица, как помнит, не заметил, но наружный вид был весь похожий на человека. Будучи в испуганности от такого чудовища, как будто на яву, для предохранения своей жизни стрелял из ружья, и то чудовище пало на землю. Об этом сне Лыкысов и рассказал Обылю.

Между тем земский суд и губернатор настойчиво требовали непременно найти и представить застреленное на промыслах необыкновенное чудовище, «наистрожайше предписывалось заседателю употребить всевозможное старание к непременношему отысканию означенного застреленного чудовища, не взирая ни на какие невозможности и доставлении его со всею сохранностью в Кондинск».

Обыль в присутствии многих свидетелей все-таки подтверждал, что он отыщет и укажет, где убито чудовище при условии, чтобы Лыкысов довел до того шалаша, где они имели ночлег. В виду такого заверения снаряжена была целая экспедиция для розысков чудовища из 11 человек остяков и 2-х самоедов, которую возглавлял заседатель с урядником с участием тех же Лыкысова и Обыля. Сутки шли на лыжах к месту нахождения шалаша в лесу, но по прибытии к намеченной цели Обыль вдруг неожиданно заявил, что никакого чудовища он не знает, что Лыкысов рассказывал ему о виденном во сне чудовище, а он, Обыль, разглашал об этом якобы из хвастовства.

Так и кончилась эта дикая история, созданная нелепыми распоряжениями царских чиновников в поисках за фантастическим чудом, и экспедиции пришлось возвращаться из ее экскурсии с полным разочарованием и неудачей.

Послесловие автора

После Великой Октябрьской социалистической революции коренным образом изменился облик Крайнего Севера и произошли величайшие преобразования.

Обреченный царизмом на темноту и вымирание народ возрожден, и отсталые в прошлом угнетаемые и поработанные туземцы, в условиях советского строя, в результате коллективизации приобщены к высшим достижениям экономики и расцветом национальной культуры и стали полноправными членами советской семьи.

При помощи большевистской коммунистической партии и правительства создан в короткий исторический срок новый социалистический Север, с образованием новых национальных округов и новых городов Ханты-Мансийска и Салехарда, с мощным подъемом всех отраслей хозяйства северных районов и с огромными успехами в культурном строительстве, в повышении материального благосостояния трудящихся туземцев.

Подробное описание нового Севера изложено во второй части очерка «Советский Север»

г.Екатеринбург,
1950-1962 г.г.

ОТ РЕДАКТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ.

К сожалению, Г.А.Пирожников не успел скрупулезно собранные им материалы, так называемого, советского периода систематизировать для отдельной рукописи. Поэтому вторая часть данного очерка просто не существует.

г.Сургут,
декабрь 2001 г.

Документы из архива Г.А.Пирожникова, хранящиеся в Сургутском городском архиве

ОТ РЕДАКТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ.

После смерти Г.А.Пирожникова в октябре 1963 года в Екатеринбурге его младшая дочь М.Г.Юмина продолжила, можно сказать, дело отца. Она передала имеющиеся документы, собранные и, главное, сохраняемые Григорием Александровичем с 1917 года, сургутскому краеведу Ф.Я.Показаньеву.

Именно ему принадлежала инициатива еще в 1963 году обратиться к Пирожникову, поскольку многие сургутяне-старожилы хорошо помнили его, общались с ним и знали, что бывший уездный исправник собирает материалы по истории края.

К сожалению, личная встреча Ф.Я.Показаньева и Г.А.Пирожникова так и не состоялась. Позже Мария Григорьевна передала Показаньеву весь разрозненный архив отца.

Флегонт Яковлевич с присущей ему скрупулезностью, старанием и аккуратностью систематизировал все документы, снял копии, вернее, перепечатал многие из них на машинке, все подшил и в таком прекрасном состоянии передал этот ценнейший архивный материал первоисточникам в Сургутский городской архив.

Сегодня мы публикуем только малую часть документов-подлинников, которые сохранились благодаря как членам семьи исправника, так и таким истинным краеведам, каким был Ф.Я.Показаньев.

ДОКУМЕНТ №1
В ПЕРВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ТОБОЛЬСКОГО ОБЩЕГО ГУБЕРНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

М.В.Д. БЕРЕЗОВСКОГО
ОКРУЖНОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ
МАРТА «30» ДНЯ, 1892 ГОДА
№ 1496

В дополнение к представлению за 22 марта с.г. за №1424 Поли-

цейское Управление имеет честь представить при сем в Первое Отделение Общего Губернского Управления формулярный список о смерти Березовского Полицейского Надзирателя Васильева.

Помощник Исправника Пирожников.

ДОКУМЕНТ №2

ИЗ РАПОРТА Г.А.ПИРОЖНИКОВА

Все инородцы по закону причисляются к числу кочевых, хотя в действительности значительная часть их по образу жизни и условиям экономического быта должны быть отнесены к разряду оседлых.

За последние годы особенно заметно стремление инородцев к переходу в оседлое состояние, проявляющееся в постройке ими изб русского типа, так по реке Ваху с 1904 года всего построено инородцами 27 русских изб, до которых эти инородцы жили в землянках и берестяных шалашах, и кроме того были случаи, что инородцы обращались ко мне с просьбами о выдаче им ссуды для постройки домов, каковые ходатайства я считаю заслуживающими поощрения.

Ныне замечается большой наплыв русского постороннего населения в район Лумпокольской управы, граничащей с Нарымским краем Томской губернии, в которой принадлежащие инородцам рыболовные угодия, считающиеся лучшими и богатейшими в уезде по обилию в них рыбы и удобству мест.

При чем некоторые из этих посторонних лиц совершенно самовольно заселяются и пользуются инородческими угодиями, стесняя инородцев и захватывая лучшие ихние места без всякой аренды, так что создаются тяжелые отношения между этими двумя группами населения, что явится в будущем серьезными недоразумениями, если не будет принято мер к урегулированию этих отношений.

В проезд мой по району Лумпокольской управы в декабре месяце минувшего года много инородцев обращалось ко мне с жалобами на стеснение их русскими нарымскими в промыслах и самовольное пользование ихними угодиями.

Особенно сильный приток посторонних лиц из Нарымского края и других местностей появился в 1908 году, когда Тобольская казенная палата стала перечислять некоторых из этих лиц в инородцы, предоставив широкое поле для развития антогонизма между ново-

селами и аборигенами. Об этом сделано представление предместнику В.П. 4 сентября 1908 года за N 957, но ответа не последовало...

ДОКУМЕНТ №3

ПРИГОВОР СОБРАНИЯ УПОЛНОМОЧЕННЫХ
Г.СУРГУТА 1909 ГОДА, ИЮЛЯ 5 ДНЯ

Мы, нижеподписавшиеся, Уполномоченные Сургутского Городского Управления, имели очередное заседание под председательством Городского Старосты господина Голова, обсуждая вопрос относительно заготовления муки для городского населения. Мы, Уполномоченные, озабочиваясь своевременно обеспечением продовольствием жителей города и имея в виду, как уже выясняется в настоящее время, что в навигацию сего года торговцами Сургута заготавливается муки для продажи далеко в меньшем размере, чем в навигацию минувшего 1908 года, и что следовательно предвидится вновь недостаток муки для продовольствия населения города, постановили: «В предотвращении могущего быть голода вследствие недостатка муки ходатайствовать перед Его Превосходительством Господином Начальником Тобольской губернии, не признано ли будет /Его Превосходительством/ возможным со стороны Правительства об оказании помощи городу Сургуту покупкой в Тобольске или в других городах в количестве трех тысяч пудов ржаной муки, на средства казенного продовольственного капитала или иногородческого капитала, в виду неимения у города собственных средств по обоюдности жителей, и доставки таковой в навигацию сего 1909 года в Сургут для выдачи через господина Сургутского уездного Исправника нуждающимся жителям города, с тем, чтобы следующие за эту муку деньги были внесены тотчасже при выборке муки в местное полицейское управление, причем мы, уполномоченные, считаем необходимым, чтобы помощь была оказана именно самой покупкою муки казной, а не деньгами, потому что в настоящую навигацию на рейсирующих мимо Сургута пароходах совершенно не привозится муки для вольной продажи, саможе городское управление находит невозможным сделать закупку муки, потому что и местным торговцам мука доставляется нынче большей частью недоброкачественная».

Настоящий наш приговор поручаем Городскому Старосте в копии представить на благоусмотрение Его Превосходительству Господину Тобольскому Губернатору.

В том и подписуемся: Председатель Собрания Староста о.Голов, Уполномоченные: Николай Проводников, Петр Проводников, Егор Буканин, Петр Клепиков, Федор Кандаков, Алексей Кайдалов, Алексей Куйвашев и Николай Клепиков.

*Съ подлиннымъ върно: Помощ. Городского Старосты (подпись)
Печать Сургутского городского управления*

**ДОКУМЕНТ №4
ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОГО
БЮРО ТОБОЛЬСКОГО ГУБЕРНСКОГО КОМИТЕТА
ПЕРВОЙ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ ВЫСТАВКИ
ОТ 14 ОКТЯБРЯ 1910 ГОДА.**

Придавая особое значение рыболовству и звероловству в Березовском и Сургутском уездах, организационное бюро Тобольского губернского комитета I-й Западно-Сибирской выставки в городе Омске (заседание членов 14 октября 1910 года) постановило выдать авансом Березовскому уездному исправнику господину....., как председателю уездного выставочного комитета, 250 рублей и Сургутскому исправнику Пирожникову 150 рублей, второго просить приобрести орудия лова зверей, шкуры добываемых зверей и проч., а также изделия из бересты и коры, обоих просить доставить немедленно по получении аванса список предметов, намеченных к приобретению и могущих быть пожертвованными, предупредить, что крайне желательно добиться некоторой экономии в отпущенных средствах...

**ДОКУМЕНТ №5
М.В.Д. ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ
ПО 3 ДЕЛОПРОИЗВОДСТВУ
22 НОЯБРЯ 1910 Г.
N 43399**

Тобольскому губернатору.

На основании ст.30 и 31 Положения объявленных особ преимущ. служ. изд. 1906 года, а также указа Правительствующего Сената 4 Ноября 1910 г. N 13434 Министр. Внутр. Дел назначено Секретарю Сургутского Уездного Полицейского Управления Коллежскому Секретарю Сипину пособие на воспитание его сыновей Павла и Нико-

лая, обучающихся в Ишимском городском лицее и дочерей: Ольги, Софии и Зои, воспитывающихся в Ишимской женской гимназии, по 120 руб. в год на каждого с 22 декабря 1903 г., дня постановления названного чиновника на службу в Сургутский уезд.

Об этом уведомляю ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО вследствие представления от 19 июня 1909 г. за N 23652, присовокупляя, что об ассигновании в Ваше ведение кредита, потребного на удовлетворение Коллежского Секретаря Сипина указанными пособиями за истекшее время, вместе с ними сделано надлежащее распоряжение, на будущее же время пособия эти, согласно п.5 ст. 31 означенного положения, имеют отпускаться в распоряжение начальства упомянутого училища, для производства ежемесячных выдачей доверенному от названного чиновника лицу.

Подлинное за надлежащими подписями.

С подписями верно

Уездный исправник Г.Пирожников.

ДОКУМЕНТ №6

В ТОБОЛЬСКУЮ ГУБЕРНСКУЮ

САНИТАРНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНУЮ КОМИССИЮ.

Председателя Сургутской Уездной

Санитарно-исполнительной Комиссии.

РАПОРТ

Сургутская Уездная Санитарно-Исполнительная Комиссия, согласно телеграммы Господина Начальника губернии от 2 августа об объявлении Тобольской Губернии угрожаемой от холер, журналом своим, состоявшимся 12 августа с.г., ПОСТАНОВИЛА: в виду возможности заноса холерной заразы в г. Сургут, главным образом со стороны проходящих мимо Сургута пароходов, установить за пароходами на Белоярской пристани в 7 верстах от города наблюдение, и на случай снятия с пароходов подозрительных по холере больных пассажиров, подготовить старое помещение существовавшего прежде на этой пристани холерного барака, сделав на нем необходимый ремонт, на устройстве которого, а также на приобретение необходимого инвентаря, наем медицинского персонала, прислуги и проч., просить Губернскую Санитарно-Исполнительную Комиссию об ассигновании 1000 рублей.

Об ассигновании означенной суммы с предоставлением ко-

пии с журнала 18 августа с.г. за № 1076, была прошена Тобольская Губернская Санитарно-Исполнительная Комиссия, но ассигнования таковых не последовало до сего времени, почему Сургутская Уездная Санитарно-Исполнительная Комиссия на ремонт упомянутого барака, на необходимый инвентарь, на жалованье фельдшера и проч. позаимствовала из хранящихся при Полицейском Управлении сумм Инородных Управ, предназначенных на мероприятия по эпидемиям, 99 руб. 60 коп., которые и израсходованы.

Вследствие изложенного Уездная Санитарно-Исполнительная Комиссия вновь просит таковую же Губернскую об ассигновании израсходованных на мероприятия по холере в минувшую навигацию 99 руб. 60 коп. для покрытия займа.

Подлинный за подлежащей подписью.

С подлинным верно: Уездный Исправник Пирожников.

№ 10076

13 декабря 1910 года.

ДОКУМЕНТ №7

ПРИГОВОР 1912 ГОДА, ФЕВРАЛЯ 15 ДНЯ

Мы, нижеподписавшиеся, крестьяне Тобольской Губ. Тундринской волости Сургутского уезда деревни Кушниковой, нынешнего числа на сельском сходе вынесли суждение в том, что у наших местных торговцев запас ржаной муки совершенно истощился, и мы в настоящее время по этому случаю и отсутствия всякого заработка, находимся в бедственном положении и существовать больше без муки возможности никакой не сыщем, так что некоторые семьи наших крестьян хотят муки по займам — для дневного пропитания. В ноябре месяце нами был постановлен приговор об отпуске нам (муки) в долг казенной муки, который и был представлен на распоряжение Его Высокоблагородию господину Сургутскому Уездному Исправнику, но ответа на приговор никакого до сего времени получено не было, а потому все единогласно постановили: вновь просить Его Высокоблагородие Господина Сургутского Уездного Исправника войти в наше описанное положение, и не признаете ли возможным отпустить нам поскорей просимое ранее по приговору — муки, так как не можем больше существовать.

В том и подписываемся вместо неграмотных крестьян: подписи 15 человек.

ДОКУМЕНТ №8
АКТ 1912 ГОДА, МАЯ 4 ДНЯ

Члены Сургутской Инородческой больницы, в виду изложенных в отчете Советника 3-го Отделения Тобольского Губернского Управления по ревизии Сургутской Инородческой больницы летом мин. года замечаний о том, что смотрителем больницы Кондаковым покупаются все предметы продовольствия и хозяйства преимущественно у одного торговца Тетюцкого и безсхозяйственно, т.е. все приобретаются по более дорогим ценам, чем у прочих торговцев города, производили проверку цен, по которым покупаются припасы для больницы у Тетюцкого для сравнения с ценами, существовавшими вообще у всех других торговцев Сургута. При чем оказалось: цена всех покупаемых названных смотрителем предметов продовольствия, хозяйства у торговца И.И.Тетюцкого нисколько не выше, чем у других торговцев, напротив, на некоторые, напр., керосин, крупа даже ниже, чем у других торговцев, так, крупчатка в настоящее время во всех прочих лавках, где еще есть, продается по 2 руб. 80 коп. пуд первач, тогда как Тетюцкий продает этого же сорта муку по 2 руб. 20 коп. пуд..

Да и не все попадает преимущественно у одного Тетюцкого, некоторые предметы покупаются у других торговцев города; ржаная мука в настоящем году смотрителем покупается в местном казенном хлебозапасном магазине, потому что у торговцев, хотя в незначительном количестве есть, но мука недоброкачественная, так что жители ее не берут; дрова, молоко, овощи, яйца, мясо, рыба, сено покупаются у местных городских обывателей и по существующим ценам.

При этом Совет не может не отметить, что заготовка, напр., дров, называющая самый крупный расход по содержанию больницы /90 саж. год/, производится смотрителем всегда каждый год очень аккуратно и по очень выгодным ценам, даже дешевле местных существующих цен, кроме того Совет одобряет покупку смотрителем припасов — чая, сахара, муки, керосина, свеч, круп, в видах удобства у одного торговца И.И.Тетюцкого, как считающегося самым добросовестным из всех торговцев Сургута. Тем более, принимая во внимание, что здесь, в Сургуте, вообще очень трудно приобретать продукты, а иногда и совершенно невозможно достать, что необходимо нужно (напр., весной и летом мясо и рыбу). Почти каждый год совсем не бывает в продаже перед распутицей

крупчатой муки, керосина, а отчасти и ржаной муки, а если у иных торговцев и остаются частичные запасы, то цены непременно повышаются. Между тем, как торговец Тетюцкий в таких случаях цен не повышает ни по отношению частных покупателей, ни тем более к больным. Рекомендуемую же г. Советником Губернского Управления меру сдачи поставки припасов с торгов, совет Инородческой больницы признает неприемлемою по местным условиям, и ввиду незначительности годового количества потребных к заготовке припасов и не вызывающейся необходимостью.

Затем по поводу замечаний, изложенных в том же отчете с тем, что остяки, даже больные сифилисом, уходят из больницы во время лечения, напиваются водкой и затем вновь ложатся на свои койки, Совет больницы считает со своей стороны долгом засвидетельствовать, что никаких сведений не доходило, заявлений со стороны местных жителей не было, и вообще выводы о сем Совет считает совершенно не отвечающими действительности.

О чем ПОСТАНОВЛЕНО: записать в настоящий акт.

Подписи.

Попечитель Совета больницы

уездный исправник Г. Пирожников

Сельский врач Сургутской городской больницы, фельдшер
(подпись неразборчива).

ДОКУМЕНТ №9

В ТОБОЛЬСКУЮ ГУБЕРНСКУЮ

САНИТАРНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНУЮ КОМИССИЮ

Председателю Сургутской Уездной
Санитарно-Исполнительной Комиссии

РАПОРТ

Препровождая при сем копию журнального постановления от 8 Мая, Уездная Комиссия ходатайствует с командования врача и фельдшера для заведования открываемым Комиссией на Белоярской пароходной пристани баракom в целях предупреждения занесения в город холерной заразы, наблюдения за пассажирами и оказания медицинской помощи в необходимых случаях и, кроме того, об ассигновании средств на приспособление помещения для барака и о возврате израсходованных уже 99 р. 60 к. по содержанию означенного барака в минувшую навигацию, о чем прошено было

предоставлениями от 4 и 18 августа и 13 декабря 1910 года за №1076, с приложением копии журнальных постановлений по сему предмету, но и до сих пор никакого ответа не последовало.

С подписью верно:

Уездный Исправник Г.Пирожников.

25 мая 1911 года.

ДОКУМЕНТ №10

В СУРГУТСКИЙ УЕЗДНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Гражданина Пирожникова Григория Александровича

Ввиду съезда в Сургуте делегатов населения Сурутского уезда для обсуждения своих нужд считаю необходимым доложить исполнительному комитету о своей деятельности по продовольственному делу во время службы моей в должности исправника.

Кроме обязанностей исправника, я отправлял функции крестьянского начальника за отсутствием на севере этих должностей и заведовал шестью волостями: одной русской и пятью инородческими и девятью хлебозапасными инородческими магазинами.

Кроме того я состоял председателем уездного распорядительного комитета общественного здоровья, Совета Сургутской инородческой больницы, уездного комитета Тобольского попечительства о народной трезвости, уездного комитета Российского общества Красного креста и, в последнее время, уездного комитета по оказанию помощи семьям воинов, а также самим раненым и больным воинам и членом бывшего Сургутского продовольственного комитета.

Так как из всех этих разнообразных обязанностей продовольственное дело — есть дело первостепенной важности, то о состоянии его я нахожу нужным пояснить нижеследующее.

Цель существования на нашем севере хлебозапасных инородческих магазинов — обеспечение продовольствием исключительно одного инородческого населения, и если за последние годы из этих магазинов частью продовольствовалось и русское население, то это происходило благодаря тому, что мною делались настолько значительные запасы хлеба, что получались излишки от удовлетворения инородцев, и я находил возможным снабжать мукою из этих излишков и нуждающееся русское население и главным образом солдатские семьи, проживающие в городе и уезде.

ДОКУМЕНТ №11

ЗАЯВЛЕНИЕ Г.А.ПИРОЖНИКОВА
ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ РАБОТЫ

Позвольте объяснить вам, товарищи, что продовольственным делом в здешнем уезде я заведовал в течение пятнадцати лет, я вынес на своих плечах всю тяготу по продовольствию во все время войны и даже не бросил этого дела в такой критический момент, как прошлогодняя эвакуация колчаковской власти, когда большинство служащих готовились к бегству, а я, оставив свою семью на произвол судьбы, поехал в Томск за хлебом, доставил и на этот раз необходимые на зиму запасы и развоз по хлебозапасным магазинам, и сберег все имеющиеся у меня продукты и денежные суммы до занятия территории Сургутского уезда советской властью и сдал в целости и сохранности как продукты, так и остальное имущество с деньгами и документами, которых было на сумму более двадцати миллионов рублей.

Между тем, как после всего этого ко мне отнеслись с полнейшим недоверием и меня, как продовольственника, вышвырнули за борт, а при таком отношении к трудящимся плодотворная работа невозможна.

Это первая причина, по которой я не могу продолжить службу по продовольствию. Другая причина и главная — мое растроянное от переутомления здоровье, констатированное назначенной комиссией, по которой я уволен в двухмесячный отпуск, но занимаюсь сейчас только по просьбе председателя ревкома тов. Иванова ввиду съезда Советов для выполнения срочной работы.

Г.Пирожников.

ДОКУМЕНТ №12

ОБЬ-ИРТЫШСКОЕ ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ПРОМЫШЛЕННЫМИ
ПРЕДПРИЯТИЯМИ В Г.ТОБОЛЬСКЕ

Апреля 2 дня 1925 г.

№ 3521/у

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Настоящее выдано гр-ну Пирожникову Григорию Александровичу в том, что он с 8 декабря 1922 г. по 1 апреля 1924 года состоял сотрудником в Тобольском отделении Обь-Иртышского

Облгосрыбпрома в должности делопроизводителя. При чем за указанный период свои по службе обязанности, связанные в частности с поручением ему расходования авансовых денежных средств, выполнял вполне аккуратно, добросовестно, с усердием порученного ему дела, преданностью ему.

За этот период ни в чем предосудительном замечен не был, характеризуется лишь как честный и полезный работник.

печать
управления

Начальник (подпись)
Упр. делами (подпись)
Делопроизводитель (подпись)

ПЕРЕЧЕНЬ ПРЕДМЕТОВ, ДОКУМЕНТОВ, ДРУГИХ
ЭКСПОНАТОВ, ПЕРЕДАННЫХ СЕМЬЕЙ Г.А.
ПИРОЖНИКОВА ДЛЯ ЭКСПОЗИЦИИ «АРХИВ
УЕЗДНОГО ИСПРАВНИКА ГРИГОРИЯ ПИРОЖНИКОВА»
(из фондов Государственного музея Природы
и Человека, г. Ханты-Мансийск)

Рукопись-машинописная книга Г.А.Пирожникова с правками
автора 1947-1959 год.

211 листов.

Письма (старые) Иннокентия Пирожникова, других
1914-1916 годы.

12 листов.

Тетрадь ученицы Ефросиньи Протопоповой за 1873 год.

15 страниц.

Печатные листы из различных изданий начала XX века.

10 листов.

Старая книга (листы) - учебник начала XX века

40 листов.

Газетные вырезки, собранные Г.А.Пирожниковым
1935-1962 годы.

10 листов.

Страницы из книги «Задушевное слово» для старшего возраста
1910 года.
4 листа.

Календарик-молитва 1915 год.

Копия оригинала рукописи Г.А.Пирожникова.
1950-1961 годы.
6 листов.

Копия свидетельства о смерти Г.А.Пирожникова.
1963 год.
1 лист.

Копия свидетельства о смерти Е.С.Пирожниковой.
1954 год.
1 лист.

Письма Г.А.Пирожникова к своей семье в
1924-1962 годы.
10 листов.

Визитная карточка Г.А.Пирожникова.
1909 год.
1 лист.

Страничка из молитвенника Г.А.Пирожникова.
1902 год.
1 лист.

Фотографии семьи Дроздовых, Пирожниковых.
1903-1963 годы.
20 штук.

Копии документов Пирожникова из Сургутского городского
архива за 1903-1963 годы.
139 листов.

Письма от Ф.Я.Показаньева дочери Пирожникова М.Г.Юми-
ной 1963-1996 годы.
8 листов.

Рисунок Володи Журавлева, изображающий умершего Г.А. Пирожникова.
1963 год.

Открытка «С днем рождения» от Г.А.Пирожникова дочери.
1935 года.
2 листа.

Открытка «Привет из Свердловска» от деда Григория внучке.
1956 год.
1 лист.

Письма краеведа В.К.Белобородова дочери Г.А.Пирожникова М.Г.Юминой.
1972-2001 годы.
6 листов.

Письма сургутского журналиста Н.И.Ездакова дочери Пирожникова М.Г.Юминой.
1965-1977 годы.
22 листа.

Письма членов семьи Г.А.Пирожникова
за 1914-1948 годы.
8 листов.

Зачетка Медицинского Томского Университета
за 1913 год, выданная дочери Г.А.Пирожникова — Пульхерии.

Вырезка из газеты «К победе коммунизма» от 1 января 1964 года.
4 листа.

Официальное письмо из редакции газеты «Тюменская правда» Пирожникову Г.А. от _____ года.
1 лист.
Гитара (7 струнная) 1913 года.

Подсвечник (тройной) 1909 года.

Журналы «Сибирские огни» за 1951-1963 годы.
25 экземпляров.

Книга «Собрание сочинений М.Ю.Лермонтова»
1910 года издания.

Книга «Собрание художественных произведений Н.В.Гоголя»
1909 года издания.

Бумажная коробочка с перьями с надписью «Пушкин» для
училищ» 1901 года.

Бумажная коробочка для хранения струн от гитары, 1903-1905
годов.

Стальная коробочка с гириями (внутри пирамида из 7 частей)
1900-1905 годов.

Шкатулка расписная 1903-1905 годов.

Два венских черного цвета стула из гостиной в доме уездного
исправника 1905-1907 годов.

ПРИМЕЧАНИЕ: Всего передано в фонды музея 186 различных
единиц. Часть экспонатов находится в фондах музея. Основная часть
представлена на экспозиции в г.Сургуте в ИКЦ «Старый Сургут».

В фондах музея также хранится более 120 современных фото-
графий, снятых за период с августа 2000 года по декабрь 2001 года
в Ялте, Симферополе, Тобольске, Сургуте, Екатеринбурге. Сoder-
жание фотографий — съемочная группа ГТРК «Регион-Тюмень»,
которая готовила фильм по Г.А.Пирожникову; выставка «Архив сур-
гутского исправника Г.А.Пирожникова» в Сургуте; памятник Г.А.
Пирожникова в Екатеринбурге, члены семьи Г.А.Пирожникова.

В фондах музея имеются видеокассеты с фильмами «Поверенный
его величества», «Наследники уездного исправника», с сюжетами по
истории семьи сургутского исправника, другие.

Все названные предметы, материалы, экспонаты переданы члена-
ми семьи Г.А.Пирожникова безвозмездно. Сохранились также уни-
кальные предметы начала XX века, принадлежащие Г.А.Пирожни-
кову: карандаш, орденские ленты, шкатулки, крестики, молитвенник,

часы настенные, другие. Конечно, материально они не представляют ценности, но для семьи очень дорого.

Также сохранен оригинал рукописи «Обь-Иртышский север», первый вариант, с которого делался машинописный текст. Все это находится у членов семьи Г.А.Пирожникова и передается из поколения в поколение, как память о замечательных предках.

К 70-ЛЕТИЮ ХАНТЫ-МАНСКИЙСКОГО
АВТОНОМНОГО ОКРУГА

ИСПРАВНИК ПИРОЖНИКОВ

Три года назад, за несколько дней до своей смерти, известный в округе краевед, публицист, Почетный гражданин Сургута Флегонт Яковлевич Показаньев закончил свою очередную краеведческую работу по материалам Г.А.Пирожникова. И его рукопись под условным названием «По страницам архива Г.П.Пирожникова» была сдана в Северо-Сибирское региональное книжное издательство. К сожалению, Флегонт Яковлевич так и не успел заручиться финансовой поддержкой для издания книги в администрации Сургута, а в издательствах нынче нет средств, чтобы самостоятельно выпустить в свет эту интересную рукопись.

Такова достаточно печальная судьба и книги, и самого автора Г.А.Пирожникова, и редактора-составителя Ф.Я.Показаньева. Но в издательстве надеются на лучшие времена.

РАССКАЗЫВАЕТ ЖУРНАЛИСТ, ИЗВЕСТНЫЙ В НАШЕМ
ОКРУГЕ КРАЕВЕД В.К.БЕЛОБОРДОВ:

— В нынешнем году, 4 августа по старому стилю, исполнится 130 лет со дня рождения одного из видных чиновников Тобольского Севера Григория Александровича Пирожникова (1869-1963).

Четырнадцать лет, с 1903 по 1917, он в должности исправника управлял огромным в то время Сургутским уездом, охватывавшим не только всю территорию нынешних Нижневартовского и Нефтеюганского районов, но и часть теперешней Томской области.

Хороший администратор, Пирожников успешно вел порученные ему дела. С особым старанием он занимался продовольственным обеспечением населения уезда. Завоз хлеба — это был его конек, и местные жители покупали муку порой даже по более низким ценам, чем в Тобольске. При нем и во многом благодаря его энергичным хлопотам была проложена в 1913 году телеграфная линия от Самарово до Сургута и тем самым, как написано в одной из поздравительных телеграмм, «прорублено окно в Европу».

Он заботился о распространении грамотности среди местных ханты и в 1904 году, заручившись согласием ларьякских инородцев открыть и содержать школу, нашел в Тобольске молодого учителя Г.М.Дмитриева-Садовникова и привез его в Ларьяк, а впоследствии поддерживал школу материально.

Известны и некоторые другие (наверняка далеко не все) добрые дела сургутского исправника: он лично собирал пожертвования в пользу участников русско-японской войны, получивших ранения, разыскивал предметы быта ханты для экспозиции Тобольской губернии на торгово-промышленной и сельскохозяйственной выставке 1911 года в Омске, помогал отечественным и зарубежным ученым, исследовавшим Сургутский уезд, в частности, ассистенту Томского университета зоологу С.М.Чугунову, открыл в Сургуте 13 октября 1913 года Народный дом.

За отличия по службе Г.А.Пирожников не раз награждался: орденами святого Станислава 3-й и 2-й степеней, святой Анны 3-й степени, медалью за труды по I-й всеобщей переписи населения 1897 г., знаком Красного Креста. К концу своей карьеры он имел чин надворного советника.

О высокой деловой репутации Пирожникова и его авторитете администратора говорит тот факт, что вопреки начавшейся с 1917 года полосе частой смены уездной власти, он постоянно оказывался нужным, особенно в деле продовольственного обеспечения населения уезда.

В декабре 1919 года, занимая должность агента министерства снабжения и продовольствия Сибирского временного правительства по Сургутскому уезду, он отказался от эвакуации, оставшись заведовать инородческими хлебозапасными магазинами.

Дочь Пирожникова Мария Григорьевна так писала об этом времени сургутскому журналисту и краеведу Н.И.Ездакову в 1977 году: *«Последние годы жили в Сургуте очень тяжело. Отец, хотя и*

заведовал продовольственным делом, а для своей семьи не сделал необходимых запасов муки. Семья перебивалась на одной рыбе. Рядом с нами жили Панкины, у них была мука, и мать нас посылала к ним попросить хоть несколько стаканов муки.

...Революция в Сургуте запомнилась страшными картинами: убийством, расстрелами, обстрелом города пулеметом с палубы парохода и т. д. Мы всей семьей, кроме отца, сутками находились в подполье... Отец не спускался в подполье, он находился в комнате, принимал всех — и «красных», и «белых», со всеми разговаривал одинаково выдержанно, спокойно. Кто-то позаботился о нас: приготавливали лошадей, принесли тулупы, предложили эвакуироваться, но отец отказался. Мать плакала, боялась за нас, а отец заявил: «Я не преступник — не побегу». Позднее мать поняла, как благоразумно поступил отец».

В конце 1920 года семья Пирожниковых все же выехала из Сургута в Тюмень, где работала врачом старшая из дочерей Пульхерия Григорьевна, с отличием окончившая медицинский факультет Томского университета. Григорий Александрович здесь в 1922-1924 г.г. занимал скромную должность делопроизводителя Обь-Иртышского треста, но был уволен с «волчьим билетом» и больше уже нигде не мог получить работу.

В 30-е годы ему даже не разрешали жить с семьей в Свердловске, и он, как пишет М.Г.Юмина в цитированном выше письме, «скитался где придется: то в Омске, то в Тюмени, то в Тобольске, ездил и в Сургут. Как бывший исправник он был лишен избирательных прав. Списки лишенцев вывешивались на улицах».

Пирожников стойко выдержал удары судьбы, не пал духом и, вернувшись в конце концов к семье, усиленно занимался самообразованием, много читал художественной литературы, труды по истории, экономике, политике, естествознанию, работал в библиотеках, писал собственное сочинение о Тобольском Севере.

Этот его труд в 60-е годы М.Г.Юмина передала сургутскому краеведу Ф.Я.Показаньеву, и под его редакцией он в 1994-1995 годах опубликован в сокращении в журнале «Югра» под названием «Обь-Иртышский Север».

Это исследование — еще одно доброе дело Григория Александровича для северного края, ставшего родным за два десятилетия службы.

На север Пирожников попросился сам еще в начале 1891 года, и был из Тобольска переведен в Березов, где служил в окружном

полицейском управлении сначала полицейским надзирателем и секретарем, а в 1894 году — земским заседателем в селе Кондинском (нынешнем Октябрьском). По журнальной публикации видно, что автор знал край всесторонне и большая часть содержащейся в ней информации получена из первых рук.

Рукопись работы «Обь-Иртышский Север» и другие бумаги Григория Александровича заботливо сохранены его дочерьми.

Супруги Пирожниковы вырастили и воспитали восьмерых детей. Младшая из них, Мария Григорьевна Юмина, много лет жила в Свердловске и только в прошлом году переехала в Ялту к племяннице, так как после тяжелой травмы нуждалась в уходе.

В свои 87 лет Мария Григорьевна живо интересуется всем окружающим, старается быть полезной близким. Ее заветная мечта — дождаться выхода в свет книжечки отца «Записки уездного исправника», подготовленной к изданию Ф.Я.Показаньевым и Северо-Сибирским региональным книжным издательством. Может быть, в год 130-летия со дня рождения Г.А.Пирожникова это осуществится?

Газета «Читающая Югра», №15
1999 год.

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

«УЕЗДНЫЕ ИСПРАВНИКИ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ И ИХ РОЛЬ В ПРОСВЕЩЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГЛУБИНКИ НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ»

На грант губернатора Ханты-Мансийского автономного округа для поддержки творческих проектов в области культуры и искусства был заявлен индивидуальный проект «Уездные исправники Тобольской губернии и их роль в просвещении населения российской глубинки начала XX столетия». Он основан на материале о Г.А.Пирожникове, сургутском уездном исправнике 1903-1917 годах, пред-

ставителе государственной власти на территории бывшей Тобольской губернии, ныне Ханты-Мансийского автономного округа.

Реализуется он по заказу Северо-Сибирского регионального книжного издательства и Государственного окружного музея Природы и Человека при использовании экспозиционных площадей историко-культурного центра «Старый Сургут». Руководителем проекта является Л.В. Степанова, директор Государственного окружного музея Природы и Человека.

Государственный окружной музей Природы и Человека комплектуется музейные фонды по истории округа. В связи с подготовкой предполагаемой экспозиции по теме «Государственная власть на территории округа» формируются соответствующие документы.

В здании дома-музея им. Знаменского ИКЦ «Старый Сургут» размещаются экспозиции по теме культурологического проекта «XX век. События и личности», создается фонд архивных документов, комплектуется специальная библиотека.

Северо-Сибирское региональное книжное издательство известно как издательство, профессионально занимающееся изданием краеведческой литературы. Здесь собраны богатый исследовательский материал, рукописи, с издательством сотрудничают профессиональные авторы.

В связи с этим есть возможности и опыт для поднятия темы по истории развития государственной власти на территории Тобольской губернии с целью публикации данных материалов, а также по сбору вещественных предметов, фотографий, переписки, других материалов для создания музейных фондов для экспозиций.

При таком совместном творческом проекте достигается главная цель — сохранение историко-культурного наследия о роли конкретной личности в становлении государственной власти в регионе в начале XX века. Кроме того, пробуждается интерес к первоисточникам и личным архивам.

Собранные документы, фотоматериалы, архивная переписка, другие вещественные экспонаты пополняют музейный фонд по теме «Государственная власть на территории Тобольской губернии начала XX века».

Работа над проектом продвигается успешно. Творческая группа ТРК «Регион-Тюмень» побывала в Симферополе, Ялте, где живет дочь Мария Григорьевна, которой в этом году исполнится 90 лет, она родилась в Сургуте, другие члены семьи Г.А.Пирожникова.

Состоялось открытие экспозиции «Архив уездного исправника

Григория Пирожникова» на базе историко-культурного центра «Старый Сургут». В течение марта здесь побывало уже более пяти-сот человек.

Прошел круглый стол по теме «Личный архив как сохранение семейных традиций» на базе архивов семей Г.А.Пирожникова, Ф.Я.Показаньева, А.Н.Знаменского.

В августе 2001 года будет сдан в эфир телевизионный фильм «Поверенный его величества» о судьбе сургутского уездного исправника Г.А.Пирожникова для участия в телефестивале «Белые пятна истории Сибири».

Будет издан каталог по собранным материалам «Личный архив Г.А.Пирожникова».

Предлагается провести творческую встречу краеведов, историков, других активистов и журналистов с сотрудниками музейного комплекса «Государственный окружной музей Природы и Человека» и представителями Правительства ХМАО по теме «Какой должна быть музейная экспозиция о государственной власти на территории округа XX века».

Автором проекта «Уездные исправники Тобольской губернии и их роль в просвещении населения российской глубинки начала XX столетия» является журналист Лилия Цареградская.

Данный проект успешно прошел через экспертную комиссию, вошел в число номинантов, но гранта губернатора не получил.

Л.Голубева.
«Читающая Югра» №33.
2001 год.

ИЗВЕСТНЫЕ КРАЕВЕДЫ ОКРУГА

ПЕРЕПИСКА Ф.Я.ПОКАЗАНЬЕВА

Город Свердловск - 14

Улица 9-е января 2, кв. 19.

Пирожникову Григорию Александровичу

Товарищ Пирожников, Вы вероятно никогда и не думали, что получите письмо такого содержания и с такими просьбами. По прочтении письма все будет понятно, и Вы сами сделаете вывод, почему мы обращаемся именно к Вам.

В 1963 году Сургуту исполнилось 370 лет. В связи с этим создается краеведческий музей и производится сбор экспонатов, материалов и различных сведений из истории. К Вам же мы обращаемся как к лицу, представлявшему высшую власть в городе и уезде в последнее двадцатилетие, предшествующее Октябрьской революции.

Исходя из этих соображений, мы надеемся получить от Вас ценные и интересные сведения, потому что вы несомненно очень многое помните и возможно располагаете некоторыми подлинными документами.

Создание музея заставило нас вести широкие поиски новых творцов дореволюционной истории Сургута и истории первых и последующих лет революции.

Нас интересует очень многое, и Вы являетесь тем источником, из которого мы сможем почерпнуть интересующие нас сведения.

В письме трудно или просто невозможно перечислить то, что должны отразить экспозиции музея, поэтому мы просим сообщить то, что Вы сочтете возможным. Но некоторые просьбы перечислим:

1. Сведения о количестве политических ссыльных в разные годы и их деятельность.

2. Как проходила первая маевка 1 Мая 1909 года, кто был ее организатором?

3. Когда и за что был убит бывший политический ссыльный студент Григоренко?

4. Чем ознаменовалась в Сургуте Февральская буржуазно-демократическая революция?

5. Когда, кем и в каком здании была провозглашена Советская власть, когда был образован первый совдеп?

6. Когда была создана первая коммунистическая организация в Сургуте, первый партком?

7. Как развивались события в период гражданской войны: колчаковщина, восстание 1921 года и др. Кто был организатором восстания? Фамилии руководителей революционных и контрреволюционных организаций.

Товарищ Пирожников, нам уже кое-что удалось восстановить по архивным документам, многочисленным рассказам и воспоминаниям жителей Сургута, но от Вас надеемся получить значительно большее.

Если у Вас есть подлинные документы, письма, фотокарточ-

ки, относящиеся к истории Сургута и не составляющие семейной памяти, мы убедительно просим выслать их нам для создания фондов музея.

Извините за беспокойство.

С уважением Ф.Показаньев, пропагандист Сургутского районного партийного комитета, председатель оргкомитета по созданию краеведческого музея.

Р.П. Сургут, Тюменской области, районный партийный комитет.

1 октября 1963 года.

«Читающая Югра» №34.

Сентябрь, 2001 года.

ВЫСТАВКИ, О КОТОРЫХ ГОВОРЯТ

ПОВЕРЕННЫЙ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Можно ли верить в судьбу? Я расскажу читателю удивительную историю переплетения обстоятельств знакомства уездного исправника в Сургуте 1903-1917 годов и инструктора Сургутского райкома партии 1960-1983 годов и, думаю, многие согласятся с расхожим мнением, что от судьбы не уйдешь.

Исходящим №292 от 2.Х.1963 года Сургутского районного комитета партии Тюменской области на имя Г.А.Пирожникова в Свердловск было отправлено письмо с просьбой ответить на вопросы по истории Сургута начала XX века. Адресат выбран был не случайно: в семье этого человека сохранился уникальный архив документов из жизни Сургута в 1900-1920 годы и собранный материал по истории Обь-Иртышского Севера. Откуда узнал об этом инструктор Сургутского райкома партии Ф.Показаньев, автор послания, точных сведений нет. Главное, что Показаньев четко определил задачу: «Если у вас есть подлинные документы, письма, фотокарточки, относящиеся к истории Сургута и не составляющие семейной ценности, мы убедительно просим выслать их для создания фондов музея».

Итак, первый рок судьбы: письмо отправлено 2 октября 1963 года, а 4 октября, в возрасте 94 лет, Григорий Александрович Пирожников скончался.

Казалось бы, за незначительностью личности бывшего царского чиновника, (то были годы жесткого отрицания любой положительной истории царской России) коммунист Показаньев мог бы и «забыть» об этом письме. Но... дело отца продолжила его младшая дочь Мария, родившаяся в Сургуте в 1911 году. Вернее, Мария Григорьевна стала хранительницей уникального архива отца. И уже в декабре 1964 года Ф.Я.Показаньев в письме племяннику Марии Григорьевны Володе сообщает следующее: «Продолжаю изучать архив Григория Александровича. В музее сделал три выставки, посвященные Омской выставке 1911 года, развитию образования среди национального населения и связи в Сургутском уезде... Володя, я не теряю надежды получить рукопись, ознакомиться с нею и, может быть, даже постараться напечатать...».

Да, судьба подарила Флегонту Яковлевичу возможность познакомиться с наследием исправника.

Переписка с Марией Григорьевной продолжается. 21 января 1967 года в письме с нарочным Флегонт Яковлевич пишет: «Уважаемая Мария Григорьевна, если вы согласны передать мне рукопись Григория Александровича, то я доверяю и поручаю ее привезти Ухаловой Александре Ивановне. Эта женщина работает у нас в райкоме партии заведующей парткабинетом, учится заочно в институте, в Свердловск ездит сдавать экзамены...».

Время неумолимо. В письме от 8 января 1996 года, которое, к сожалению, оказалось последним для Показаньева, он сообщает: «Я очень рад, что записки Григория Александровича постепенно печатаются в «Югре». Пытаюсь издать отдельной книжкой в Сургутском книжном издательстве «Северный дом». Основательно отредактировал материал, выверил и назвал «Записки уездного исправника или сказание о земле Югорской...». Рукопись уже сдана в издательство и включена в план 1996 года. Однако в наше непредсказуемое время все может случиться. Пока тешу себя надеждой...».

Да, надежда эта не оправдалась. 3 марта 1996 года в возрасте 74 лет Флегонт Яковлевич Показаньев умер, а книга «Записки уездного исправника» под его редакцией была издана только в марте 2001 года. И ее — вот вам еще один поворот судьбы — первой держала в руках Мария Григорьевна Юмина, которой в то время шел 90-й год и жила она в Симферополе у племянницы.

Краеведческими исследованиями энтузиасты, как правило, занимаются всю свою жизнь, и нередко случается, что их материа-

лы становятся откровением для нового поколения через многие годы после их смерти. И тут не следует сетовать на судьбу... Так устроен человек, живет настоящим, но пронзительно тоскует по прошлому. В этом убедилась, слушая и читая отзывы посетителей экспозиции «Архив уездного исправника Григория Пирожникова», которая открылась в историко-культурном центре «Старый Сургут» в марте 2001 года.

Состоялось это событие опять же по воле... судьбы. Творческий коллектив издательства в 2000 году наконец-то сумел выполнить волю Ф.Я.Показаньева. На могиле Г.А.Пирожникова на Широко-реченском кладбище в Екатеринбурге был установлен памятник. В этой акции совершенно не случайно приняли участие краевед В.К.Белобородов, поэт А.В. Павлов, поскольку их судьба неразрывно связана с историей Сургута и нашего края.

В те же сентябрьские дни на старой квартире М.Г.Юминой в Екатеринбурге мы обнаружили совершенно уникальные экспонаты, сохранившиеся в семье Пирожникова еще с начала XX века. По согласованию с директором Государственного музея Природы и Человека Л.В.Степановой было принято решение создать отдельную экспозицию о сургутском исправнике. Вышли с этим предложением к директору ИКЦ «Старый Сургут» В.Ф.Пастуховой, которая поддержала идею открытия экспозиции в одном из домов «Старого Сургута» и создать атмосферу жизни семьи исправника в начале XX века.

В феврале 2001 года, благодаря и моральной, и финансовой поддержке президента ГТРК «Регион-Тюмень» А.К.Омельчука, съемочная группа телекомпании вылетает в Крым в Симферополь, где в семье племянницы Н.Н.Дроздовой живет младшая дочь Г.А.Пирожникова Мария Григорьевна Юмина.

Съемки фильма о царском чиновнике высветили совершенно новые грани этой темы. Семейный архив Пирожниковых оказался уникальным по своему содержанию. Он помог не только понять мир самого героя, но и нравственные традиции семьи.

И теперь уже судьба сталкивает через сто лет в Крыму, на берегу Черного моря сибиряков журналистов с родственниками Григория Александровича, носителями внутренней культуры своего предка, и возвращает сургутянам именитого земляка, чья жизнь служит примером терпения, трудолюбия и преданности Отечеству.

Сегодня я вижу огромный интерес в глазах посетителей, когда они рассматривают старые фотографии, письма семьи Пирожниковых, другие экспонаты выставки. И часто вспоминаю четверостишие поэта Александра Павлова, которое поместили на памятнике Г.А. Пирожникову в Екатеринбурге:

«Ушло бывшее, кануло навеки,
но и в тысячелетии ином
Свет памяти об этом человеке
Мы сохраним в Сургуте нефтяном.»

Лилия Петрова.
«Читающая Югра» №36.
Декабрь, 2001 год.

ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

ПЕРВАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА В СУРГУТЕ

На рубеже XIX и XX веков в Тобольской губернии активно шел процесс открытия общественных библиотек. В 1899 году по инициативе учителя Ф.Ф. Ларионова гостеприимно распахнула двери общественная библиотека им. А.С.Пушкина в Березове. Начинают работать библиотеки в Ялуторовске, Кургане и других городах губернии.

В Сургуте все надежды по открытию общественной библиотеки возлагаются на попечительство о народной трезвости (создано в 1904 году). Руководил обществом уездный исправник Сургутского уезда (1903-1918) Григорий Александрович Пирожников, высший представитель государственной власти в уезде от Министерства внутренних дел.

В намерения уездного комитета попечительства о народной трезвости входило открытие чайной и читальни и, кроме того, общество подняло вопрос о платной городской библиотеке.

«До сих пор усилия моих предшественников в этом направлении разбивались стойким противодействием городского управления», — писал Г.А.Пирожников в «Рапорте в Тобольский губернский статистический комитет» 12 июля 1904 года.

Сургутская библиотека — читальня при чайной была открыта в январе 1905 года. Об этом свидетельствуют документы из архива Г.А.Пирожникова, которые его дочь М.Г.Юмина передала Ф.Я. Показаньеву, сургутскому краеведу, уже после смерти отца в Свердловске в 1963 году.

В 1912 году библиотека при чайной продолжает действовать. Этому мы находим подтверждение в «Счете материалов при чайной Сургутского уездного комитета попечительства о народной трезвости за 1912 год», где в графе «расходы» указано: «1 рубль 25 копеек снесено со счета за книгу для библиотеки».

Библиотека располагала художественной литературой, литературой антиалкогольной тематики общества борьбы с алкоголизмом психиатрической клиники Московского университета.

При библиотеке сформировался коллектив чтецов, лекторов — учителя, врачи, чиновники, служащие, духовенство. Среди них: О.Т.Панкова, Н.В.Тетюцкая, Н.В.Нюжин и другие. Сургутяне собирались в чайной для коллективных чтений. В «Списке чтений и развлечений в чайной попечительства о народной трезвости за январь 1912 год» названы следующие произведения: «Вий» Н.В.Гоголя, «Мороз, красный нос» Н.А.Некрасова, «Кавказский пленник» Л.Н.Толстого, русские народные сказки. Чтения сопровождалось показом световых картин при помощи волшебного фонаря, игрой на граммофоне, гармонии, скрипке, балалайке.

Устроено три новогодних маскарадных вечера, танцевальный вечер для взрослых. В программе новогоднего детского вечера — спектакль по комедии Еремеева «Без старших», игры, фейерверк, пение. Среди исполнителей и зрителей — учащиеся городского приходского училища, угощения от комитета — чай, печенье, конфеты.

В этот же период священник Селихов прочитал лекцию «Табак и вред его курения».

Сбор от платных мероприятий сдавался исправнику в пользу голодающих. С этой целью составлялся специальный отчет.

Всего за период с января 1905 по 1912 год посещаемость чайной составила 53604 человека, в том числе инородцев 4366 человек. Чтения за этот период посетило 14484 человека. Эти статистические данные взяты из документа, составленного рукой Г.А.Пирожникова, подлинник которого находится в Сургутском городском архиве.

Подобная культурно-просветительная работа была организована в населенных пунктах Сургутского уезда: в деревне Пилюгинной, в селах Локосовском, Вартовском, Юганском, других.

Тюменский ученый С.М.Чугунов в 1913 году посетил Сургут с целью изучения фауны. В своих записках он особо описывает «культурный очаг» города — чайную: «Она имела маленькую столовую, крохотную читальню, где была скромная общественная библиотека, маленький зрительный зал с эстрадой, на которой ставятся любительские спектакли, здесь же находился граммофон на случай бывающих танцевальных вечеров». (Белимов И. «Что писали ученые» // Югра. - 1995.-№4.-С.3).

В «Обзоре уездного исправника города Сургута Тобольской губернии за 1915 год» за подписью Г.А.Пирожникова представлены сведения о наличии в городе бесплатной библиотеки- читальни при Романовском Народном доме. В библиотеке насчитывалось 930 названий книг. В Народном доме устроена аудитория для народных чтений и спектаклей, есть постоянная сцена с декорациями.

Итак, в начале XX века культурным центром Сургута была общественная библиотека- читальня уездного комитета попечительства о народной трезвости.

Копии документов по истории библиотеки собраны и хранятся в Сургутской центральной городской библиотеке.

Г.Профорова,
заведующая информационно-библиографическим
отделом Сургутской центральной детской библиотеки
«Читающая Югра» №36.
Декабрь 2001 года.

ИЗ ФОТОАРХИВА ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА г.ХАНТЫ-МАНСКИЙСК

*Дом-музей
им.А.С.Знаменского
в исторической
зоне Сургута, где
расположена
выставка
«Архив уездного
исправника
Григория
Пирожникова».
Март 2001 год.
г. Сургут.*

*Начало XX века.
В зале экспозиции.
Декабрь 2001 год.
г. Сургут.*

*Праправнук Г.А.Пирожникова
Дмитрий. У него в руках
карандаш, который был
приобретен в 1909 году.
Февраль 2001 год.
г.Ялта.*

**ИЗ ФОТОАРХИВА ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ
ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА г.ХАНТЫ-МАНСКИЙ**

*Уголок экспозиции
о Г.А.Пирожникове
в этнографической зоне
Сургута.
Март 2001 год.*

*Посетители экспозиции «Архив уездного
исправника Г.А.Пирожникова»
в ИКЦ «Старый Сургут».
Март 2001 год.*

ИЗ ФОТОАРХИВА ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА г.ХАНТЫ-МАНСКИЙСК

*Возле дома в ИКЦ «Старый Сургут», где находится
экспозиция о Г.А.Пирожникове, участники встречи по случаю
приезда в Сургут родственников Г.А.Пирожникова
Н.Н.Дроздовой и Андрея Дроздова.
Май 2001 год.*

*В зале экспозиции о
Г.А.Пирожникове.
Портрет императора
Николая II согласно
традиции начала XX века
был в каждом
официальном здании
губернии.
Июнь 2001 год.
г. Сургут.*

**ИЗ ФОТОАРХИВА ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ
ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА г.ХАНТЫ-МАНСЙСК**

*Творческая группа ГТРК «Регион-Тюмень» прилетела на съемки
фильма к родственникам Г.А.Пирожникова.
Встреча в аэропорту г.Симферополя.
Февраль 2001 год.*

*Творческая группа ГТРК «Регион-Тюмень» и родственники
Г.А.Пирожникова в Тобольском городском архиве.
Июнь 2001 год.*

ИЗ ФОТОАРХИВА ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА г.ХАНТЫ-МАНСКИЙСК

*Правнучка
Г.А.Пирожникова
Ирина и
журналист
Л.Цареградская
на набережной
в г.Ялта во время
съемок фильма.
Февраль 2001 год.*

*Дом в Симферополе, где
живет дочь
Г.А.Пирожникова
М.Г.Юмина.
Февраль 2001 год.
г.Тобольск.*

*М.Г.Юмина разбирает
старые письма.
Февраль 2001 год.
г.Симферополь.*

**ИЗ ФОТОАРХИВА ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ
ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА г.ХАНТЫ-МАНСКИЙСК**

*Внучки Г.А.Пирожникова Н.Н.Дроздова и Е.К.Свешникова.
Февраль 2001 год.
г.Ялта.*

*Правнуки Г.А.Пирожникова Андрей, Ольга и праправнук Дмитрий.
Февраль 2001 год.
г.Ялта.*

**ИЗ ФОТОАРХИВА ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ
ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА г.ХАНТЫ-МАНСКИЙ**

*На Широкореченском
кладбище
в Екатеринбурге
на могиле
Г.А.Пирожникова
в 2000 году установлен
памятник
по инициативе
коллектива Северо-
Сибирского
регионального книжного
издательства.
Октябрь 2000 года.
г.Екатеринбург.*

О НЕКОТОРЫХ ЛИЧНОСТЯХ, ФАКТАХ И ПОНЯТИЯХ

С.20. Хлебозапасный магазин — государственное учреждение, снабжавшее коренное инородческое население мукой и другим продовольствием, а также солью, порохом, дробью, свинцом.

С.21. Первая Западно-Сибирская сельскохозяйственная, лесная и торгово-промышленная выставка проходила в Омске с 15 июня до 1 августа 1911г. по инициативе правления Омского отдела Московского общества сельского хозяйства с целью дать наглядную картину Западной Сибири в естественно-историческом и культурно-экономическом отношениях, ознакомить с природными богатствами края, состоянием различных отраслей сельского хозяйства, промышленности, торговли, учебного дела и медицины. В качестве девиза выставки было принято латинское изречение «Ola et labora!» («Молись и работай!»), отпечатанное на всех ее официальных бумагах. Экспозиция привлекла внимание предпринимателей из городов Европейской России, Урала и Сибири, а также представителей различных фирм и компаний из США, Англии, Франции, Германии, Дании и Швеции. Выставку посетило свыше 70 тысяч человек. Ежедневно издавался «Вестник первой Западно-Сибирской выставки» (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. — М., 1994. — с.204). На выставке экспонировалась коллекция предметов хантыйского быта (см.: Изделия остяков Тобольской губернии: Этнограф. коллекция Тобол. губерн. музея на первой Зап.—Сиб. выставке в г.Омске // Ежегодник Тобол. губерн. музея. — 1911. — Вып.19. — с.1-10) и изделия кузнечно-слесарной мастерской Ларьякского сельского начального училища.

С.28. Якобий Аркадий Иванович, профессор Казанского университета, миссионер. В 1894-1895гг. совершил поездку на север Тобольской губернии. Опубликовал монографию «Угасание инородческих племен севера» (СПб., 1893), статью «Страна реки Ваха, общее заключение и основная мера помощи» в «Тобольских губернских ведомостях» (1895. — №54, 55), статьи в «Ежегоднике Тобольского губернского музея» и «Тобольских епархиальных ведомостях».

С.29. Ясак — натуральный налог, которым облагались в Московской Руси и России некоторые народности Поволжья, Сибири и Дальнего Востока.

С.33. Дмитриев-Садовников Григорий Матвеевич (1885, Тобольск — после 1920), учитель, краевед, литератор. В 1904-1913гг. преподавал в Ларьякском сельском начальном училище Сургутского уезда общеобразовательные дисциплины и ремесла в открывшейся при училище в сентябре 1908г. кузнечно-слесарной мастерской. Регулярно совершал экскурсии по Ваховскому краю, собирал сведения по географии, этнографии, языку ханты, активно сотрудничал с Тобольским губернским музеем и печатался в его «Ежегоднике». В 1913г. участвовал в экспедиции музея в долину р. Вах под руководством Б.Н.Городкова. Позднее проводил исследования по рр. Полуй и Надым. В 1917-1921гг. — активный общественный деятель, один из ведущих сотрудников тобольских газет «Земля и воля» и «Тобольское народное слово». В 1920г. — сотрудник экспедиции Наркомвнешторга для научно-экономического обследования Обь-Урало-Печорского Севера.

С.34. Городков Борис Николаевич (1890-1953) — географ и ботаник, путешественник, исследователь Сибири, Дальнего Востока и европейского Севера России. Родился в Тобольске, здесь же окончил гимназию. В годы учебы часто бывал в губернском музее и под влиянием местных краеведов заинтересовался естествознанием, собирал для музея в окрестностях Тобольска растения, насекомых. По окончании гимназии поступил в Петербургский университет.

Еще в студенческие годы провел первые самостоятельные исследования на Тобольском Севере — по рекам Конде (1910) и Салыму (1911). В последующие годы исследовал бассейны рек Вах

(1913), Полуй (1914), Северная Сосьва (1915), низовье Оби и южное побережье Обской губы (1917), бассейны Агана и Пура (1923-1924). В 1924-1928гг. руководил Северо-Уральской экспедицией Академии наук и Уралплана, давшей богатый материал для изучения минеральных, лесных и кормовых ресурсов северо-западной части территории Ханты-Мансийского округа.

Впоследствии один из создателей Института оленеводства, где с 1932 по 1950г. руководил сектором геоботаники и кормов. В 1937г. приглашен на преподавательскую работу в Ленинградский педагогический институт им. А.И.Герцена и с 1938г. заведовал в нем кафедрой физической географии.

Обширные сведения о жизни и научной деятельности Б.Н. Гордкова содержатся в книге профессора Тюменского университета В.В. Козина «К верховьям неведомых рек» (М., 1981).

С.37. Поляков Иван Семенович (1847-1887), зоолог, антрополог и этнограф. Выпускник Петербургского университета, хранитель зоологического музея Российской Академии наук. Редактировал «Записки Императорского Русского Географического общества». В 1876г. совершил поездку на север Тобольской губернии, где наряду с научными исследованиями по поручению генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова изучал положение северных инородцев. По результатам поездки опубликовал «Письма и отчеты о путешествии в долину р.Оби» и «Жизнь человека и животных в долине р.Оби».

Кроме этого, выезжал в экспедиции на Олекму (1866), в Олонекскую губернию (1871), Мариинский округ Томской губернии, на о.Балхаш (1877), на Сахалин (1880).

С.38. Варпаховский Николай Аркадьевич (1862-1909), ихтиолог. Окончил Казанский университет (1885), служил старшим ревизором управления Астраханскими рыбными и тюленьими промыслами. В конце 1894г. был командирован Министерством земледелия и государственных имуществ в Тобольскую губернию для исследования рыболовства в бассейне Оби, изучил и описал всех местных промысловых рыб, способы их лова, собрал коллекцию орудий рыболовства, которую демонстрировал на Всероссийской Нижегородской выставке 1896г. Исследовал явление замора на Оби и ее притоках, делал в Тобольском губернском музее доклады для ознакомления публики с положением рыбных промыслов на севере.

Имея широкие связи с обскими рыбопромышленниками, Н.А.Варпаховский старался заинтересовать их задачей улучшения способов заготовки рыбы впрок. Он причастен к возникновению в с.Самарово первой на Тобольском Севере школы по приготовлению рыбных консервов, устройству совещаний рыбопромышленников при губернском музее, открытию Тобольского отдела Императорского общества рыбоводства и рыболовства.

Главными условиями развития рыбных промыслов на севере губернии Варпаховский считал регулирование способов рыболовства, улучшение технологии приготовления рыбных товаров, поднятие умственной жизни инородцев, содействие развитию мелкого промысла, открытие регулярного пароходства и новых рынков для сбыта рыбных товаров.

С.38. Луговский Лев Евграфович (1860-1898), чиновник, общественный деятель. Окончил Черниговскую гимназию (1879), два года слушал лекции в Санкт-Петербургском университете. За участие в революционной деятельности выслан в Тобольск, куда прибыл в августе 1883г. Несколько лет служил конторщиком у купца А.А.Сыромятникова, с1890г. — на государственной службе в различных учреждениях губернского центра. Выполнял важные и ответственные поручения начальства, в частности, летом 1896г. выезжал в северные округа губернии в составе комиссии для врачебно-санитарного осмотра рыбопромышленных заведений по рр. Иртышу и Оби.

Публиковал в местных газетах статьи и заметки по различным вопросам общественной жизни. В 1896 году был редактором неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей».

Л.Е.Луговский был одним из основателей Тобольского губернского музея и как секретарь правления многое сделал для его становления и развития. Благодаря его настойчивым усилиям в 1893г. начал издаваться ежегодник музея, и до конца своих дней Лев Евграфович состоял в его редакционной комиссии. Он же заведовал метеостанцией при музее и водомерным постом в Тобольске. Кроме того, им собран первый гербарий музея, написаны и опубликованы работы «Ключ к гербарии флоры Тобольска и его окрестностей» (Тобольск, 1888), «Растения Тобольска и его окрестностей, употребляющиеся в медицине или как народные лекарственные средства» (Тобольск, 1889).

25 июня 1898г. «Сибирский листок» откликнулся на кончину

Л.Е.Луговского такими словами известной общественной деятельницы М.Н.Костюриной: «В течение десятилетия с 1888 по 1898г., принимая ближайшее участие во всех делах музея, — покойный сроднился с этим учреждением, он любил музей — как свое дело, ежегодник музея как свое дитя...».

В этом же номере газеты В.Ф.Костюрин, заметив, что Луговский был, кроме всего прочего, еще и инициатором и членом-учредителем «Общества взаимной помощи учащим и учившим в Тобольской губернии», называет его одним из тех, «кто тем или иным путем стремится обывателя сделать гражданином, сознательно относящимся к общественным делам и своим обязанностям перед обществом».

С.39. Шахов Семен Прокопьевич (1861-1921, Березов), рыбопромышленник, предприниматель. Окончил Березовское уездное училище. В 80-е гг. первым на Тобольском севере начал маринование тугуна, более известного под названием сосьвинской сельди, собственным оригинальным способом. В начале девяностых годов открыл небольшое консервное производство, выпускал консервы «Сосьвинская сельдь в масле» в жестяных банках.

В 1904г. основал близ Березова ферму с целью наладить коммерческое молочное хозяйство. Пытался улучшить породу местного скота, для чего в 1906г. привозил быка из Тобольской сельскохозяйственной школы. Для механизации кормопроизводства приобрел к лету 1910г. сенокосилку и конные грабли. При ферме построил маслодельный завод. В 1908г. хозяйство Шахова реализовало около 120 пудов масла по 16-18 руб. за пуд и дало небольшую прибыль. Посетивший ферму летом того же года тобольский губернатор Н.Л.Гондатти благодарил владельца фермы за энергию и про-сил продолжить дело.

Успешному развитию хозяйства препятствовало отсутствие кредита. В 1907 и 1908гг. Шахов обращался в губернские учреждения с просьбой о ссуде, но безрезультатно. В марте 1909г. в письме к депутату Государственной Думы Н.Л.Скалозубову Шахов просил содействовать в получении ссуды и по его совету обратился в управление земледелия в Петербург. Результат неизвестен.

Сильно повредили ферме Шахова широкие разливы Оби в 1908 и 1909гг.: не удалось заготовить достаточного количества сена и дойное стадо пришлось уменьшить до 50 голов. Но настоящее бедствие хозяйство потерпело от наводнения 1914г., разрушившие-

го постройки маслодельного завода. Из-за наступившей бескормицы от стада в 60 дойных коров осталось только 10, и завод прекратил существование.

Долгие годы С.П.Шахов пользовался авторитетом среди березовцев, с 1888 по 1895г. избирался городским головой, а позднее — городским старостой. В марте 1921г. он был расстрелян большевиками перед их отступлением из Березова вместе с 24 другими заложниками.

С.39. Скалозубов Николай Лукич (1861-1915), агроном, общественный и государственный деятель, краевед. Окончил Петровскую сельскохозяйственную академию (1885г.). В апреле 1894г. был назначен Тобольским губернским агрономом. В Тобольске изучал состояние земледелия, рыболовства, пчеловодства, маслоделия, свиноводства, неутомимо искал людей для новых дел в области сельского хозяйства, ремесел, народного образования.

С 1896г. при «Тобольских губернских ведомостях» выходило под его редакцией приложение «Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности». В 1900г. при его активнейшем участии в д.Соколовой под Тобольском открылась первая в губернии сельскохозяйственная школа. Н.Л.Скалозубов был близко причастен к организации маслодельных артелей, артели художников-косторезов, кружка любителей садоводства и огородничества, сети дождемерных станций в губернии, открытию в Тобольске «Народной аудитории», целью которой было распространение практически полезных знаний. За участие во всеобщей переписи населения 1897г. он был награжден орденом св.Станислава 3-й степени.

Весьма плодотворной была краеведческая деятельность Н.Л.Скалозубова. Сразу по приезде в Тобольск он был избран в правление губернского музея, а вскоре стал его консерватором (хранителем фондов). В этой общественной должности он вел огромную организаторскую работу, переписывался со многими научными учреждениями и частными лицами по вопросам комплектования коллекции музея, сам участвовал в сборе материалов. Во многом благодаря ему «Ежегодник Тобольского губернского музея» стал ценнейшим собранием сведений о крае. В 1896г. он положил начало художественному отделу музея. Под руководством Н.Л.Скалозубова музей активно участвовал в устройстве российских и зарубежных выставок — курганской, нижегородской, парижской, по итогам последней Николай Лукич был награжден серебряной медалью.

«Без возбуждения самодеятельности населения, — писал он, — никакая серьезная мера, имеющая в виду кровные интересы самого населения, успешно проведена быть не может... Отсутствие самодеятельности — это основной грех наш».

В 1907-1912гг. Н.Л.Скалозубов был депутатом II и III Государственной Думы. В этот период в Тобольской газете «Сибирский листок» регулярно печатались его сообщения на темы думской деятельности.

Последний период его жизни прошел в Кургане, где он организовал в имении купца Л.Д.Смолина частную селекционно-семеноводческую станцию и успешно занимался селекцией пшеницы, овса, гороха, кукурузы, изучал ботанический состав и качество хлебов Зауралья, ставил опыты с минеральными удобрениями.

По стопам отца пошли дети Н.Л.Скалозубова. Среди исполнителей первых полевых опытов Омской областной селекционно-семенной станции им. Н.Л.Скалозубова был его сын Юрий Николаевич. Большой вклад в развитие научных исследований в нашем округе внесла агроном — опытник Ариадна Николаевна Скалозубова-Голыновская (1897-после 1973), а в Восточной Сибири — заслуженный агроном России Анна Николаевна Скалозубова (1902-1970).

С.39. 25 марта 1903г. газета «Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности» опубликовала следующее сообщение Н.Л.Скалозубова: «2 марта 1900г. Гр.Тетюцков из Сургута пригласил меня для осмотра и определения рыбы, пойманной в Тазовской губе у устья Таза (на пресной воде) зимой 1899-1900г. Вес рыбы 5 пудов 10 фунтов. Рыбаки полагали, что это стерлядь». Далее сообщались размеры пойманной рыбы: длина тела от начала верхней косы хвоста — 183,5 см, длина головы — 42 см и т.д. «Г.Тетюцков, — продолжал Н.Л.Скалозубов, — решил отправить рыбу в дар Зоологическому музею Императорской Академии наук, на что телеграммой было испрошено разрешение президента академии великого князя Константина». В Академии наук определили, что это осётр.

С.40. Стоповый посол рыбы применялся на рыбных промыслах севера Тобольской губернии, чтобы обеспечить длительное хранение рыбы. Производился на местах лова в специальных сараях, где добытая рыба потрошилась и освобождалась от внутренностей, надрезалась изнутри со стороны хребта, посыпалась солью и укла-

дывалась рядами в чаны. После образования на вторые сутки рассола рыба придавливалась камнями или гирями на 7-9 суток. По истечении этого срока промывалась в том же рассоле, складывалась в сараях в стопы и хранилась до осени, когда ее вывозили на пароходах в Тобольск и Тюмень.

Обработанную таким образом рыбу перед употреблением в пищу необходимо было продолжительное время вымачивать в воде. Стоповый посол сильно снижал природные пищевые качества рыбы, поэтому рынок сбыта ее был ограничен южными округами Тобольской губернии и близлежащими заводами и приисками Урала.

См.: Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Т.І. — СПб., 1904. — С. 233-234.

С.40. Земцов Василий Трофимович (1831-1901), торгующий крестьянин с Самарово, рыбопромышленник. Зачинатель рыбообработывающей промышленности на Обь-Иртышском Севере. Построенная им в 1897г. в Самарово на собственные средства школа-мастерская для подготовки мастеров по изготовлению консервов и балыков просуществовала три с половиной года; по данным А.А.Дунина-Горкавича, среднегодовая ее производительность составляла 1800 фунтовых и 3500 полуфунтовых банок консервов.

Известен как общественный деятель и меценат. Сотрудничал с Тобольским губернским музеем, жертвовал деньги на строительство музейного здания, в пользу Общества вспомоществования бедным студентам Тобольской губернии и на другие благотворительные цели. Построил в Самарово пароходную пристань, школу. Оказал содействие многим экспедициям русских и зарубежных исследователей, путешествовавших по Иртышу и Оби — И.С.Полякова, А.Грэма и О.Финша, Ш.Рабо, А.А.Ширинского — Шихматова, А.Альквиста, С.Соммье и др.

С.42. 31 декабря 1901г. на заседании распорядительного комитета Тобольского губернского музея был рассмотрен «Проект общего устава рыболовства», выработанный совещанием специалистов рыбного дела при Департаменте Земледелия — те его параграфы, которыми вводились ограничения с целью сохранения рыбных запасов. В обсуждении проекта участвовали рыбопромышленники С.И.Бронников, И.И.Карпов, Н.Е.Козлов, Е.Т.Новицкий, Д.М.Плотников, Ф.К.Соскин, А.И.Туполев и др. Были высказаны замечания по проекту устава рыболовства, исходя из особен-

ностей промысла в Обь-Иртышском бассейне, и поддержано предложение консерватора музея Н.Л.Скалозубова об организации Тобольского общества рыболовства и рыбопромышленности (Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Т. I. Приложение III).

С.44.Соймонов Федор Иванович (1692 — 1780), гидрограф, государственный деятель. В 1719-1720 и 1724-1727гг. исследовал Каспийское море и в 1731г. издал его атлас с текстом. В 1734г. составил атлас Балтийского моря. В 1740г. за участие в деле Волынского сослан на каторгу. В 1763г. возглавил экспедицию для описания р.Шилки. В 1757-1763гг. -сибирский губернатор, в 1763-1766 — сенатор. Автор исторических сочинений, трудов по экономике и географии Сибири: «История Петра», «Известия о торгах сибирских» (1755), «Сибирь — золотое дно» (1761).

С.52. Тетюцкий Николай Петрович (около 1827-после 1901), сургутский торгующий мещанин. Жил в с.Юганском, торговал мукой, мануфактурой, бакалейными, кожевенными и др. товарами среди ханты бассейна р.Юган, скупал пушнину, занимался рыбным промыслом, поставлял дрова для пароходов. По свидетельству А.А.Дунина-Горкавича, в хорошие годы Тетюцкий собирал по Югану до 300 соболей.

Современники отмечали честность Тетюцкого в его торговых отношениях с ханты. Так, шведский исследователь Ф.Р.Мартин, путешествовавший по Югану в 1891г., писал: «Все остяки его знают, чрезвычайно ему преданы и вполне доверяют ему. Я сам получил доказательства этого».

Н.П.Тетюцкий был одним из последователей священника И.Я.Тверитина в его растениеводческих опытах, начиная с 1858г., и награжден за это малой серебряной медалью Казанского экономического общества. Известен он и пожертвованиями в пользу сургутского женского училища и Юганской Богоявленской церкви, за что был удостоен благодарностей епархиального начальства и благословения Синода.

С.52. Невзоров Василий Степанович (1794-1878, Сургут), казачий войсковой старшина. В службу вступил в Тюменскую казачью команду 2 февраля 1818г. Продвижения по службе: пятидесятник (1821), ударник (1824), хорунжий (1831), сотник (1834). По предписанию тобольского губернатора с 1 декабря 1836г. вступил

в управление Тобольским городовым казачьим полком, за отличное управление которым летом 1840г. получил благодарность от губернатора Талызина.

На рубеже 40-х и 50-х гг. перешел на службу в Сургут, где в чине есаула командовал 4-ой ротой Тобольского пешего батальона.

В 1853-1855гг. производил в Сургуте посевы овса и ячменя на отведенных специально для этого трех десятинах земли. Пробовал сеять лен, коноплю, гречиху и горох. В 1855г. по поручению березовского военно-окружного начальника Г.А.Колпаковского Невзоров выяснил наличие свободной и годной для хлебопашества земли в районе Сургута. В 1856г. генерал-губернатор Западной-Сибири объявил В.С.Невзорову благодарность за распространение хлебопашества в Сургутском крае, а в 1857г. Вольное экономическое общество наградило его большой серебряной медалью.

С.53. Тверитин Иван Яковлевич (1806-около 1883), священник. С 1837 по 1883г. был настоятелем Богоявленской церкви в с. Юганском близ Сургута. Во второй половине XIX в. около 20 лет вел большую опытническую работу по акклиматизации зерновых культур: ячменя, овса, гречихи, ржи, пшеницы с применением удобрений. Наиболее результативными были опыты выращивания ржи. Кроме зерновых культур, Тверитин выращивал картофель из семян, а с 1878г. — апельсины в комнатных условиях.

И.Я.Тверитин — участник всероссийских сельскохозяйственных (1860, 1864) и политехнической (1872) выставок. Награжден шестью медалями четырех научных обществ. Имел в с.Юганском последователей в лице крестьян братьев Кондаковых, дьячка Силина, мещанина Николая Тетюцкого (см. примеч. к стр. 44) и своего внука Василия Тверитина.

Изучал экономическое положение остяков и выступал в защиту их интересов. В голодный 1860г. продал остякам до 400 пудов зерна по цене вдвое ниже рыночной, а в 1869г. раздавал хлеб бесплатно. Помогал также и мукой, полученной на собственной ветряной мельнице, которую построил в 1860г. В 1845г. был награжден «архипастырскою признательностью за обучение остяцких детей и содержание их на свой счет», а в 1847г. за это же — благословением Святейшего Синода.

С.58. Порто-франко — право порта на беспошлинный ввоз и вывоз товаров, а также порт, пользующийся таким правом.

С.58. Гарпиус — смола, добываемая из живицы хвойных деревьев, стекловидная и хрупкая. Очищенный гарпиус (канифоль), употреблялся в лаковом, мыловаренном, писчебумажном и сургучном производствах, в фотографии, для натирания смычков музыкальных инструментов и пр.

С.59. Сидоров Михаил Константинович (1823-1887), красноярский купец 1-й гильдии, золотопромышленник, представитель плеяды сибирских купцов XIX в., сделавших главной целью своей жизни развитие хозяйства, культуры и науки Сибири. На освоение, исследование и развитие северных окраин России, поддержку ученых и благотворительных организаций М.К.Сидоров в 1852-1882гг. истратил 1,7 млн.руб.

Среди многих добрых дел, за которые Сибирь должна быть благодарна ему, — снаряжение экспедиции для исследования Обской губы, поощрение судоходства по Северному морскому пути, денежные взносы на содержание школ и приютов в Тобольске, Березове, Омске и др. городах, пожертвование 60 тыс. руб. на распространение грамотности в Тобольской губернии (1865), затрата 160 тыс.руб. на многочисленные выставки с целью пропаганды пользы севера для России (Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т.4, кн.1. — Новосибирск, 1997. — С. 54-57).

С.59. Сибиряков Александр Михайлович (1849-1933), сибирский золотопромышленник, видный организатор научного обследования Сибири, один из крупнейших благотворителей и меценатов. Образование получил в Швейцарии — в политехникуме г.Цюриха. В 1870-е гг. сделал крупные капиталовложения в транспортную сеть Сибири и пароходство, которое, наряду с золотопромышленностью, стало основной сферой его предпринимательской деятельности. В поисках эффективных торговых путей из Сибири в Европу изучал Северный морской путь, финансировал полярные экспедиции шведского исследователя Арктики Н.А.Э.Норденшельда (1878-1879), А.В.Григорьева (1879-1890).

В 1880г. предпринял попытку пройти на шхуне через Карское море в устье Енисея и описал свое путешествие в статье «Плавание шхуны «Оскар Диксон» в 1880 г. к устью Енисея». В 1884г. на пароходе «Норденшельд» прошел до устья Печоры, поднялся вверх по реке и, перевалив Урал, по рекам Обского бассейна добрался до Тобольска.

Исследовав местность между бассейнами Оби и Печоры, Сибиряков нашел сравнительно удобный перевал через Урал, построил склады в селениях Щугоре и Ляпине и зимой 1885-1886гг. начал перевозить хлеб из Сибири в Европу. С весны 1886г. он приступил к строительству 150-верстной дороги через Урал, впоследствии получившей название Сибиряковской.

Своей деятельностью в западной части Березовского округа Сибиряков вызвал всплеск деловой активности, привлек сюда до полутора тысяч зырян, занятых перевозкой хлеба, построил две пристани, положил начало консервированию сосьвинской сельди. Однако к середине 1900-х гг. свое дело в Березовском крае он прекратил ввиду его убыточности.

Столь же широкий размах имела благотворительная деятельность А.М.Сибирякова. В общей сложности на изучение и освоение Сибири, развития ее культуры и просвещения он потратил более 1,5 млн. руб. Среди наиболее крупных пожертвований — 200 тыс. руб. на строительство и оборудование Томского университета (1880), 800 тыс.руб. — на устройство народных школ. Умер А.М. Сибиряков 2 ноября 1933г. в Ницце. Его имя носил ледокольный пароход, в его честь назван остров в Енисейском заливе.

С.61. Хондажевский Никанор Капитонович, военный топограф, член Западно-Сибирского отдела Русского географического общества с марта 1880г. В 1879г. совершил поездку в Обдорск, на р.Надым и Ныду для общегеографических наблюдений. В 1880г. в «Записках» Западно-Сибирского отдела РГО опубликовал работу «Зимнее исследование нагорного берега Иртыша от Тобольска до Самарово и северных тундр между Обской губою и Сургутом».

С.63. Бартенев Виктор Викторович (1864 -1921), участник революционного движения в России, происходил из семьи профессиональных революционеров Е.Г. и В.И. Бартеневых, основавших русскую секцию I Интернационала. В 1886-1890гг. — студент юридического факультета Петербургского университета. В середине 1891г. обвинен в недозволенной агитации и выслан в с.Обдорское Тобольской губернии. После освобождения из ссылки опубликовал книгу «На крайнем северо-западе Сибири: очерки Обдорского края» (СПб., 1896) и дважды сборники обдорских частушек (Архангельск, 1914;1921). Кроме того, в «Ежегоднике Тобольского губернского музея» напечатал статью «Понятия обдорских остяков о грехе» (1895. №3-4).

В 1907г. переехал в Архангельск, где активно участвовал в деятельности Архангельского общества изучения русского Севера, а с 1917г. редактировал «Известия» — журнал общества.

С.64. Шухов Иннокентий Николаевич (1894-1956), зоолог, охотовед, краевед. Окончил в 1911г. Сибирский кадетский корпус в Омске и поступил на естественно-исторический факультет Санкт-Петербургского психоневрологического института, который окончил в 1915г. Будучи студентом (с осени 1912г.) работал в зоологическом музее Академии наук и в музее этнографии и антропологии. В 1913-1914гг. по заданию зоологического музея изучал фауну и быт туземного населения Тобольского Севера, собрал зоологическую, ботаническую и этнографическую коллекции, переданные в музеи Академии, после поездки опубликовал научные работы. Одна из них — «Река Казым и ее обитатели» — напечатана в 1916г. в 24-м выпуске «Ежегодника Тобольского губернского музея».

С 1918г. — преподаватель техникумов и вузов Омска и Красноярска, ученый консультант Омского областного музея. Профессор. Автор свыше 200 научных статей по орнитологии и ихтиологии, книг для детей. (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. — М., 1994. — С.306-307).

С.64. Чугунов Сергей Михайлович (1854-после 1914), врач, зоолог. Окончил Казанский университет (1880), служил земским врачом в Шадринском уезде Пермской губернии. В сентябре 1888г., с открытием Томского университета, назначен помощником прозектора при кафедре анатомии. В 1900г. удостоен степени доктора медицины, с ноября 1903 — приват-доцент Томского университета. Статский советник.

Проводил на Тобольском Севере антропологические и зоологические исследования. Автор работ «Млекопитающие и птицы Сургутского уезда, собранные летом 1913г. От Тобольска до Обдорска летом 1915 года», опубликованных в 24-м и 28-м выпусках «Ежегодника Тобольского губернского музея», и др.

Папай Йожеф (1873-1931), венгерский языковед. На рубеже XIX и XX веков совершил путешествие на земли остяков (Конда, Казым). Записывал песни и сказки, сведения об образе жизни и обиходе, поселениях, традициях, обычаях, свадебных и погреб-

бальных обрядах. Участвовал в праздниках жертвоприношения и шаманских ритуалах.

С.66. Сирелиус Уно Тави (1872-1929), финский этнограф, совершивший две длительные поездки к сибирским народам (одну из них — в 1899г. — финансировало финно-угорское общество Финляндии).

Побывал на Васюгане, Вахе, Салыме, Югане, Конде, Агане. По Оби добрался до Обдорска. Специализировался на изучении домашних ремесел. Его работа «Домашние ремесла остяков и вогулов», переведенная с немецкого языка, напечатана в 15 и 16 выпусках «Ежегодника Тобольского губернского музея» (Тобольск, 1905, 1906).

С.66. Карьялайнен Кустaa (Густав) Фредерик (1871-1919), финский лингвист и этнограф. На рубеже XIX и XX вв. около четырех лет (1898-1902) провел среди остяков Тобольской губернии. Опубликовал большой трехтомный труд «Религия югорских народов», переведенный на русский язык профессором Томского университета доктором исторических наук Н.В.Лукиной и изданный в Томске в 90-х гг.

Работая в экспедиции как ученый, Карьялайнен живо интересовался материальным и духовным состоянием объекта своих исследований — остяков, его предложения по улучшению условий рыболовства опубликованы в приложении к «Тобольским губернским ведомостям» — «Отделе сельского хозяйства и кустарной промышленности».

С.67. Доннер Кай Рейнгольд (1888-1935), финский этнограф. Начиная с 1912г., в течение двух лет занимался исследованиями среди коренных народов нижних течений Оби и Енисея. В пределах нашего округа посетил бассейн р.Вах. В «Трудах Томского общества изучения Сибири» напечатана его работа «Самоедский эпос» (Томск, 1915. — Т.3, вып.1).

С.68. Кастрен Матиас Александр (1813-1852), финский языковед и этнограф. Исследовал языки и культуру финно-угорских, самодийских, тунгусо-манчжурских и палеоазиатских народов. Составил грамматики и словари для 20 языков. Предложил теорию родства угро-финских, самодийских, — 14 -тюркских, монгольс-

ких и тунгусо-манчжурских языков (алтайская семья). В 1841-1849 гг. изучал на севере России, Урале и в Сибири наречия и быт само-едов, вогулов и остяков.

Альквист Август (1826-1889), финский языковед, один из создателей национальной финской литературы. Изучал хантыйский и мансийский языки, для этой цели провел несколько месяцев среди населения р. Сосьвы, Конды, Туры, Тавды и Пелыма. Первым уделил серьезное внимание песенному творчеству северян, театру манси. Автор работы «Среди остяков и вогулов» (Исторический вестник. — 1884. — Т.16).

С.68. Брэм Альфред Эдмунд (1829 — 1884), немецкий зоолог. Предпринимал путешествия в Африку, Норвегию и Лапландию, в Западную Сибирь, Северо-западный Туркестан и др. Участвовал в организации зоопарков в Гамбурге и Берлине. Главный его труд — десяти томная «Иллюстрированная жизнь животных» (СПб., 1892-1896).

Финш Отто, немецкий зоолог и путешественник по Сибири (1876 вместе с А.Брэмом), южным океаническим островам (1879-1882), Новой Гвинее (1881).

С.80. Ентальцев Андрей Васильевич (1788-1845), подполковник, командир 27-й конно-артиллерийской роты. Участник Отечественной войны 1812г., за отличие в сражении под Красным награжден орденом св.Владимира 4-й степени. Член Союза благоденствия Северного общества. После восстания декабристов в России приговорен к 2 годам каторжных работ. По отбытии срока в Читинском остроге водворен на поселение в Березов, куда прибыл в июне 1828г. Оттуда переведен в Ялуторовск, где и умер.

Черкасов Алексей Иванович (1799-1855), барон, поручик квартир-мейстерской части. Воспитывался в Московском университетском пансионе, а с 1816г. — в Московском учебном заведении для колонновожатых. Член Южного общества. За участие в восстании декабристов в России приговорен в каторжную работу на 2 года. По отбытии срока в Читинском остроге в апреле 1828г. обращен на поселение в Березов. В 1932г. переведен в Ялуторовск, а 28 июля 1837г. определен рядовым на Кавказ, где прослужил до января 1843г.

Фохт Иван Федорович (1794-1842), штабс-капитан Азовского пехотного полка. Член Южного общества. За участие в восстании декабристов в России приговорен к ссылке в Сибирь на вечное поселение, впоследствии срок сокращен до 20 лет. Из Петропавловской крепости отправлен в Березов в январе 1828г. По донесению полковника Маслова, не получая помощи от родственников, жил токарной работой и помогал местному врачу. В конце 1829г. переведен в Курган.

Горский Осип-Юлиан Викентьевич (1766-1848), отставной статский советник, случайный участник восстания 14 декабря 1825г. на Сенатской площади в Петербурге. Высочайшим указом 5 марта 1827г. сослан под надзор полиции в Березов, переведен затем в Тару и Омск. Умер в Омске.

*Составил В.К.Белобородов
г.Ханты-Мансийск, 1999 год.*

Коротко об авторе

Валерий Константинович Белобородов — известный в Тюменской области краевед-исследователь. По профессии — журналист. Он первый редактор и издатель культурно-исторического журнала «Югра», автор нескольких историко-публицистических статей о нашем крае. Активно сотрудничает по издательской деятельности с Ханты-Мансийской окружной библиотекой, Государственным музеем Природы и Человека г.Ханты-Мансийск.

Живет в Ханты-Мансийске.

ПЕРЕЧЕНЬ ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Альквист. Финский филолог и писатель, исследователь быта вогул. Труды 1877 года.

Артеев Г.И. Кочевье оленеводов северо-западной части Обдорского края. Уральский Север. Вып.8, ч.1, 1926.

Бартенев В.В. На крайнем северо-западе Сибири. Очерки Обдорского края. СПб. 1896.

Бартенев В.В. Понятия обдорских остяков о грехе. Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып.V. 1895-96.

Барш З.А. Обдорский возмутитель. Статья. Русская старина. 1881.

Березовский А.И. Замор реки Оби. Доклад в Обществе изучения края. Тобольск. 1928.

Бударин М.Е. Возрождение малых народов Севера. Сибирские Огни. 1950.N2.

Бударин М.Е. Прошлое и настоящее народов северо-западной Сибири. Омгиз. 1952.

Буцинский П.Н. К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск до 1645. 1893.

Варпаховский Н.А. Рыбный промысел в бассейне р.Оби. Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып.VI. 1896.

Варпаховский Н.А. Рыболовство в бассейне р.Оби. т. II, СПб. 1898-1902.

Варпаховский Н.А. Рыбы бассейна р.Оби. СПб. 1907.

Вербов Г.Д. Лесные ненцы. Советская этнография. 1936. N2.

Вербов Г.Д. Тазовская Мангазея. 1941.

Востротин С.В. Северный морской путь в Сибирь. Сибирские вопросы. Периодический сборник. СПб. 1905. N1.

Владимирский П.Н. Аганские остяки. Омская область. Журнал. 1940. N8.

Говоров А. Природа и народное хозяйство Остяко-Вогульского округа. Омская область. Журнал. 1940. N3.

Герасимов В.Н. Обдорск. Исторический очерк. Тюмень. 1909.

Городков Б.Н. Поездка в Салымский край. Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XXI. 1911.

Городков Б.Н. Река Конда. Остяки и вогулы: их жилища, верования, обычаи и занятия. Землеведение. Журнал. Вып. III-IV. 1912.

Гофман Э.К. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. т. 1-2. СПб. 1853-1856.

Дмитриев-Садовников Г.М. С реки Ваха Сургутского уезда. Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XIX. 1911.

Дмитриев-Садовников Г.М. На Вахе. Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XXVI. 1915.

Дмитриев-Садовников Г.М. Бересто и изделия из него у остяков р. Ваха. Живая старина. Вып. 1. 1916.

Дмитриев-Садовников Г.М. Река Надым. Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XXVIII и XXIX. 1917-1918.

Дмитриев-Садовников Г.М. Рыболовные осенние и зимние промыслы окрестностей Обдорска. Уральский Север. Вып.8, ч.1. 1926.

Дунин-Горкавич А.А. Север Тобольской губернии. Опыт описания страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности ее населения. Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып.ХІІІ. 1897.

Дунин-Горкавич А.А. Очерк народностей Тобольского Севера. Известия Русского Географического Общества. Т-ХІ, вып. І-ІІ, 1904.

Дунин-Горкавич А.А. Необходимость открытия порто-франко в устьях рек Оби и Енисея. 1904.

Дунин-Горкавич А.А. Тобольской Север. Т.І-ІІІ Тобольск 1904-1911.

Дунин-Горкавич А.А. К вопросу об улучшении водного пути между Тюменью и Тобольском и о проведении железной дороги между этими пунктами. 1906.

Дунин-Горкавич А.А. Нужды Тобольского Севера и меры их удовлетворения. Труды Тобольского агрономического совещания. 1908.

Дунин-Горкавич А.А. Доклад о состоянии сельского хозяйства на Тобольском Севере в 1912 г. 1913.

Дунин-Горкавич А.А. Этнографический состав населения Тобольской губернии в 1907 году. Памятная книжка Тобольской губернии на 1909 год. 1909.

Дунин-Горкавич А.А. Сведения о самоедах Тобольского Севера. 1918.

Евлахов В.П. Пути развития хозяйства Обдорского края. Поездка в Полярный край. Уральское краеведение. Вып. 1. Свердловск. 1927.

Житков Б.Н. Краткий отчет о путешествии на полуостров Ямал. Известия Русского Географического Общества. 1909.

Житков Б.Н. Полуостров Ямал. Записки Русского географического общества. 1913.

Ивановский А.А. Сургутские остяки. Русский Антропологический Журнал. Москва. 1905. N3-4.

Карьялайнен С. У остяков. Путевые записки. Сибирские вопросы. NN 32-33, 37-39, 45-52. 1911.

Корилов А. Сосьвинские и Ляпинские вогулы Березовского округа. Очерк. Сибирская торговая газета. Тюмень. 1898.

Кушелевский Ю.И. Северный полюс и земля Ямала. 1852.

Лобачев С.В. Экспедиция на р.Вах. Известия Русского Географического Общества. Т-66, вып.1, 1934.

Луговской Л.О. О поездке на север Тобольской губернии с целью врачебно-санитарного осмотра рыбопромышленных заведений. Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. VII. 1898.

Макаревский А.Н. Значение оленеводства на севере Тобольской губернии. Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XVI. 1906.

Максимов А.И. Русские инородцы. Русская мысль. Журнал. Москва. 1901.

Майков А. Краткое описание о народе остячком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году. СПб 1884.

Митусова Р.П. Поездка в Обь-Тазовский водораздел. Этнографическая экспедиция 1924-1925 годов. Государственный Русский музей. 1926.

Митусова Р.П. Аганские остяки. Антрополого-статистический очерк. Уральский Север. Вып.8, ч.1. Свердловск. 1926.

Мосевич Н.А. Зимние заморные явления в реках Обь-Иртышского бассейна. Известия ВНИИОРХ. т. XXV, вып.1. 1947.

Патканов С.О. О приросте инородческого населения Сибири. Академия Наук. СПб. 1911.

Поляков И.С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби. Академия Наук. т. XXX. СПб. 1877.

Руденко С.Н. Инородцы Нижней Оби. Этнографический очерк. Труды Общества Землеведения. т. III. СПб. 1909-1914.

Скалозубов Н.П. От Тобольска до Обдорска. Из путевого журнала. Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XVI. 1906.

Словцев П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб. 1886.

Сосунов П.И. Тобольский Север. Северная Азия. N3-4. 1925.

Сулоцкий А.И. Княжна Екатерина Алексеевна Долгорукая в ссылке в Березове и в монашестве в Томске. Русский вестник. N7. 1880. Сургутский уездный комитет Попечительства о народной трезвости. Отчет 1904-1909 годы.

Тарасов В.Н. О поездке на полуостров Ямал с ветеринарной экспедицией С.И. Драчинского в 1913 году. Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XXIV. 1914.

Тобольский архив. О самоедах, производящих грабежи в Обдорском отделении. 1856.

Тобольский музей. Протокол заседания Распорядительного Комитета Музея с участием рыбопромышленников 31 октября 1901 г.

Декабристы в Тобольском крае. Издание комиссии Тобольского окрисполкома к 100-летию восстания декабристов. 1925.

Записка. О преимуществах соединения Тобольска и Тюмени железной дорогой перед шлюзованием реки Туры. Приложение к газете «Сибирский листок». N39. 1910.

Хандажевский Н.К. Статья и карта с указанием пройденного пути в зиму 1879 года. Записки Западно-Сибирского отдела Рус-

ского Географического Общества. Кн. II. 1880.

Архив Пирожникова Г.А. Сургутский городской архив, 1996 г. г. Сургут.

Фонды Государственного музея Природы и Человека, 2001, г. Ханты-Мансийск.

Культурно-просветительная газета Ханты-Мансийского автономного округа «Читающая Югра», 1999-2001, г. Сургут.

Фонд экспозиции «Наследие краеведа Ф.Я. Показаньева», историко-культурный центр «Старый Сургут», 2001, г. Сургут.

Архив Северо-Сибирского регионального книжного издательства, 1996-2001, г. Сургут.

Содержание

<u>От издателя</u>	
<u>Историческая правда всего дорожке</u>	стр. 5
<u>Наследие именитых сургутян</u>	стр. 7
<u>Записки уездного исправника</u>	стр. 9
<u>Вступление</u>	
<u>По страницам архива Пирожникова</u>	стр.11
<u>Глава первая</u>	
<u>Кто живет в Югре</u>	стр.19
<u>Глава вторая</u>	
<u>Насущный хлеб сибиряков</u>	стр.35
<u>Глава третья</u>	
<u>Надежда Севера</u>	стр.55
<u>Глава четвертая</u>	
<u>По городам и весям</u>	стр.75
<u>Из личных фотоархивов семьи Пирожниковых</u>	стр.84
<u>Первоисточники</u>	
<u>Отзывы на рукопись Г.А.Пирожникова</u>	
<u>«Обь-Иртышский Север»</u>	стр.87
<u>Обь-Иртышский Север</u>	
<u>Этнографический очерк</u>	стр.95

Документы из архива Г.А.Пирожникова,
хранящиеся в Сургутском городском архиве стр.192

Газета «Читающая Югра» рассказывает стр.207

Из фотоархива Государственного музея
Природы и Человека стр.220

Примечание
О некоторых личностях, фактах и понятиях стр.227

Приложение
Перечень используемой литературы стр.243

Содержание стр.249

ТАКОЙ ДАЛЕКИЙ И ТАКОЙ БЛИЗКИЙ
ОБЬ-ИРТЫШСКИЙ СЕВЕР
Историко-краеведческий сборник

Редактор-составитель *Л.В.Цареградская*

Дизайн *А.Ю.Цареградский*

Верстка *А.Ю.Цареградский, Ю.М.Варавина*

Набор *Ю.М.Варавина*

Корректоры *Л.В.Добрынина, З.М.Долгушева, Л.В.Куйвашева*

Оригинал-макет выполнен в компьютерном центре
Северо-Сибирского регионального книжного издательства

Лицензия №010286, серия ЛР выдана 10.08.1998.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2*95300-книги, брошюры.

Подписано в печать с оригинал-макета 10.01.2002.
Формат 60/90/16. Гарнитура TimesET. Печать офсетная.
Усл.п.л. 16. Тираж 2000 экз. Заказ № 4054.

Северо-Сибирское региональное книжное издательство.
628400, Тюменская область, г.Сургут, ул.Энергетиков, 2.

Отпечатано в ГИПП «Зауралье»
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106. E-mail: zpress@zaural.ru

Книги о нашем крае

ЧАСТНОЕ ОТКРЫТИЕ СИБИРИ

**Каждый сам открывает свою
родину**

Автор **А.К. Омельчук**

Книга очерков и исторических статей известного тюменского краеведа и писателя Анатолия Омельчука знакомит читателя с людьми, которых волновала и волнует судьба Сибири.

Открыв эту книгу, читатель сможет убедиться, что белых пятен в истории нашего края еще очень много.

Книга издана по заказу
ОАО «СИБНЕФТЕПРОВОД»

Формат 60x100/₁₆. Объем 27,75 п.л. Тираж 1000 экз.

Издательство «Предприниматель Мандрика Ю. Л.»

Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, а/я 501.

Тел. (345-2) 251284.

Отпечатано в ГИПП «Зауралье»
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

XX ВЕК. СОБЫТИЯ И ЛИЧНОСТИ.

Судьба Г.А.Пирожникова,
уездного исправника,
поверенного царя
в Tobольской губернии,
неразрывно связана с
историей развития
российской глубинки в
начале XX столетия.

Известный в Тюменской
области краевед

Ф.Я. Показаньев в конце
XX века, используя архив
талантливого земляка,
попытался раскрыть
белые пятна в истории
Западной Сибири.

Книги о нашем крае

ОБЬ-ИРТЫШСКИЙ СЕВЕР

**в западно-сибирской
и уральской периодике
1857 — 1944 годы**

Авторы **В.К. Белобородов, Т.В. Пуртова**

Библиографический указатель

Эта книга является первой попыткой собрать и систематизировать статьи, опубликованные в периодической печати Уральского региона об Обь-Иртышском Севере.

Материал расположен по тематическим рубрикам, представлены статьи из газет, журналов, ежегодников, научных трудов.

Книга издана по заказу государственной
окружной библиотеки ХМАО.

Формат 60x84/₁₆. Объем 22,79 п.л. Тираж 1000 экз.

Издательство «Предприниматель Мандрика Ю. Л.»

Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, а/я 501.

Тел. (345-2) 251284.

Отпечатано в ГИПП «Зауралье»
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

КНИГИ О НАШЕМ КРАЕ

Сочинения

СИБИРЬ КАК КОЛОНИЯ Современное положение Сибири. Ее народы и потребности. Ее прошлое и будущее.

Том первый

Автор **Н. М. Ядринцев**

Накопление научных знаний о Сибири началось далеко до присоединения этого края к России. И каждое новое поколение раскрывало для нас новую Сибирь.

Уроженец Омска ученый краевед Н. М. Ядринцев совершил несколько экспедиций на Алтай, в Минусинский край и в Монголию. За успешную и плодотворную научную деятельность в 1891 году автор был награжден золотой медалью Русского географического общества.

Ядринцев верил, «что другие поколения, одушевленные той же любовью, выполнят последующие задачи гораздо полнее и лучше нашего».

Формат 70x100/16. Объем 27,09 п. л. Тираж 500 экз.

Серия

«Краеведческая библиотека журнала «Лукич».

Издательство «Предприниматель Мандрика Ю. Л.».

Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, а/я 501,
тел. (345-2) 25-12-84.

Отпечатано в ГИПП «Зауралье», 640627, г. Курган,
ул. К. Маркса, 106.

КНИГИ О НАШЕМ КРАЕ

Сочинения

СИБИРСКИЕ ИНОРОДЦЫ

Их быт и современное положение.

Том второй

Автор **Н. М. Ядринцев**

Автор этого исследования имел возможность произвести наблюдения над бытом и жизнью инородцев с 1878 по 1880 годы.

Посвятив свое сочинение исследованию культуры угро-алтайских племен, автор рядом с этим остановился и на современном положении инородцев, судьба которых заслуживает особого внимания.

Формат 70x100/16. Объем 27,09 п. л. Тираж 500 экз.

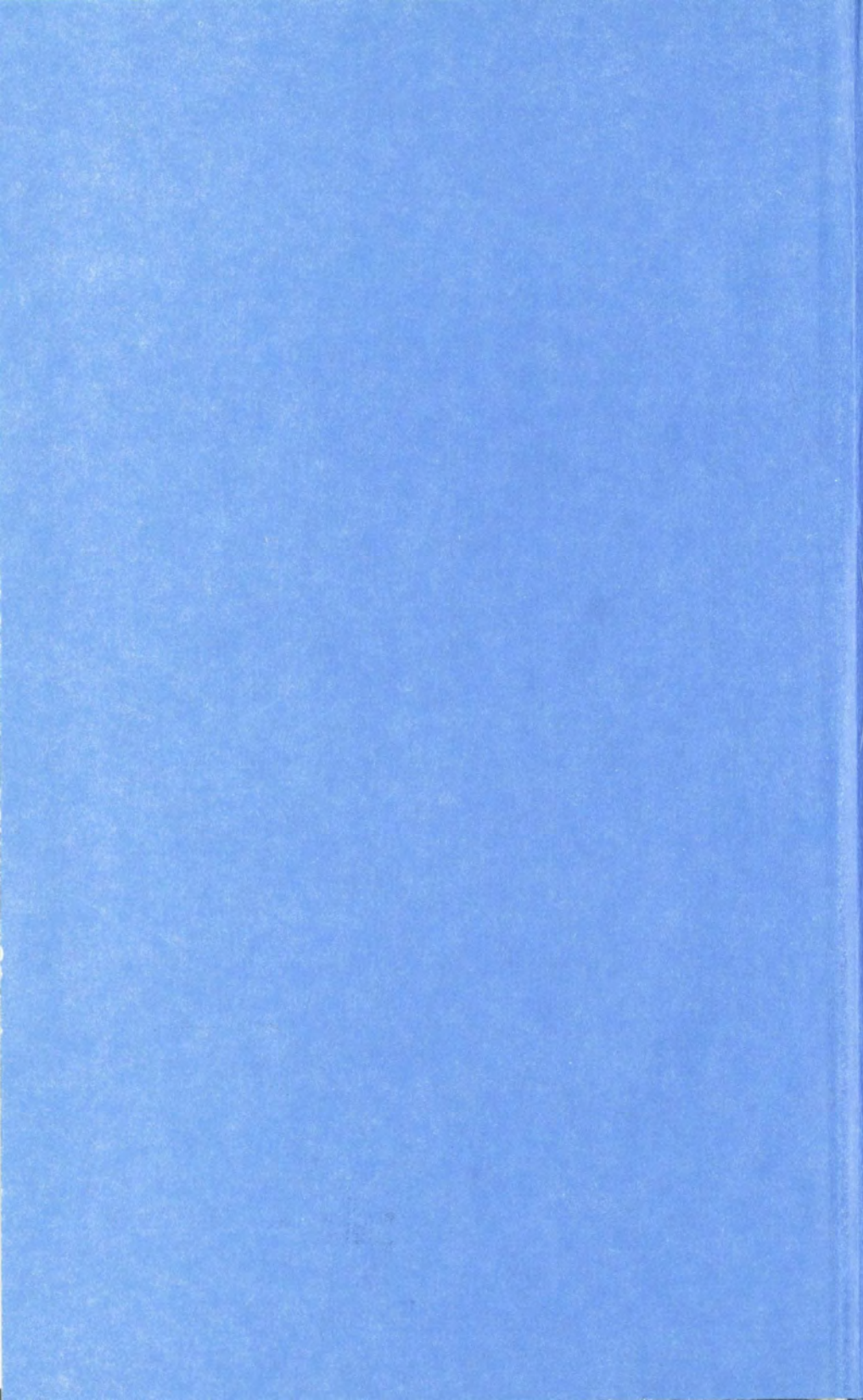
Серия

«Краеведческая библиотека журнала «Лукич».

Издательство «Предприниматель Мандрика Ю. Л.».

Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, а/я 501,
тел. (345-2) 25-12-84.

Отпечатано в ГИПП «Зауралье», 640627, г. Курган,
ул. К. Маркса, 106.

Центральная
городская
библиотека
г. Сургут

9000514987

Да, даже в самых смелых мечтаниях представители царской власти в Тобольской губернии не могли предсказать, что настолько преобразится наш край к концу XX столетия. Для нынешнего руководства нашего округа масштабы деятельности, естественно, иные, и это уже другая история, другая книга. Однако нельзя забывать, что сегодня претворяются в жизнь многие мечты и помыслы людей из далекого прошлого и так важно понять их, почувствовать дух того времени.